

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 5 (116)
май, 2026

Содержание журнала для лиц
18+
старше
18 лет
Содержание Журнала для лиц

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В преддверии Дня Победы мы отдаём дань уважения тем, благодаря кому была одержана победа в борьбе за свободу и независимость Родины. История страны передаётся по наследству. Воспоминания переходят от дедов к внукам, из рассказов – в сердца. Память живёт в каждом из нас: в медалях на груди героев, в пожелтевших фотографиях, в морщинках у глаз, в крепко сжимаемой руке друга, в тихой гордости и в знании нашей общей истории. Пока мы не забываем, пока мы знаем и благодарим наших героев за их мужество – наша страна тоже будет об этом помнить.

День Победы по праву относится к самым ярким и торжественным страницам истории нашей страны. Это была Победа в войне, ставшей суровым испытанием для жителей СССР и всего мира. С тех пор слово «Победа» мы пишем с большой буквы, подчёркивая тем самым всё величие подвига российского народа.

Сегодня мы отдаём дань глубокого уважения и благодарности каждому, кто воюет на передовой в современной войне. С горечью и слезами на глазах вспоминаем всех, кому не суждено было вернуться с полей сражений. Память о героях фронта всегда будет жить в наших сердцах!

С праздником! С Днём Великой Победы!

***Анатолий ТРУБА,
директорглавный – редактор***

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

«Каждый спортсмен стоит в бою нескольких рядовых бойцов, а взвод спортсменов – надёжнее батальона, если предстоит сложная боевая операция» – эти слова произнёс Герой Советского Союза генерал армии И. Е. Петров, оценивая вклад воинов-спортсменов в победу в Великой Отечественной войне. Полностью поддерживая слова фронтовика двух войн Ивана Ефимовича, хотелось бы дополнить, что наравне с физической необходима моральная подготовка защитников России.

В сегодняшних реалиях наша главная задача – сохранить память о Великом подвиге советского народа!

Память о Великой Победе над фашизмом объединяет нашу страну и разные поколения, придавая нам силы перед лицом любых испытаний. Подвиг наших солдат в Великой Отечественной войне всегда будет жить в наших сердцах.

Низкий поклон ветеранам и вечная память героям Отечества, отважно защищавшим нашу страну. Мы всегда будем помнить и гордиться! С праздником Великой Победы!

**Александр ПОПОВ,
четырёхкратный олимпийский чемпион,
шестикратный чемпион мира**

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), ответственный секретарь Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), секретарь Союза писателей России;

Н. А. МАКАРОВ (Тула), член Союза писателей России, майор медицинской службы в отставке;

И. И. ВОЛКОВ (Мичуринск), председатель правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), член правления Союза писателей России, председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 5 (116), май 2026 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.05.2026 г.

Тираж 1000 экз.

Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

На обложке: тг-канал «Я вижу» t.me/mydrawingdiary «Вы победили, мы победим!»

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии «СТРОКИ», г. Воронеж

Тел. 8 (980) 542-01-78, <https://stroki.ru/>

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

- 6 Елена Заславская
10 Екатерина Грушихина.
«И когда утихнет последний бой...»
13 Наталья Лаврентьева
15 Анатолий Сидоров

КРИТИКА

- 19 Анатолий Сидоров.
Что напророчил наш поэт
22 Александр Балтин.
Военное слово

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

- 28 Инвер Шеуджен.
«Есть мужество, доступное немногим...»

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

- 36 Андрей Скилур-Хазиев.
Жаркое утро 22 июня: Восточный форт

ПОБЕДЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

- 43 Виктор Алимин
44 Алексей Анастасьев
45 Елена Боганова
47 Людмила Глущенко
48 Татьяна Гришина
49 Нина Дубовицкая
51 Юлия Гордеева
52 Валентина Матвеева
54 Владимир Матвеев
54 Анна Паршина
55 Лариса Ромашкина

КАЗАЧИЙ РОД

- 57 Иван Плешаков.
300 лет служения Отечеству

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

- 61 Андрей Шутов.
Воля к жизни
66 Иван Кривчиков.
Орден Мужества

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

- 69 Александр Муленко.
«Отрицалово» волк

ЖИТЕЙСКОЕ

- 74 Александр Александров-Каськинский.
Ничья

НАРОДНОЕ ДЕЛО

- 80 Владимир Кольчугин.
Построим храм святой Екатерине
стихами

ПУТЕШЕСТВИЯ

- 83 Андрей Обьедков.
Рыбинск

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 88 Юрий Иващенко
92 Валерий Чиклиненков

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- 93 Новые издания

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 95 Международное признание

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

Поэт, автор тринадцати поэтических сборников, поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз» и девяти книг для детей, член Союза писателей России.

Заславская – лауреат литературно-исторической премии «Моя Россия» в номинации «Современная поэзия» (2024), финалист Национальной литературной премии «Слово» в номинации «Мастер. Поэзия» (2024).

Стихи публиковались в журналах «Москва», «Берега», «Александръ», «День и Ночь», «Подъём», «Сура», «Парус», «СМОГ», «День литературы» и др., а также в различных антологиях, посвящённых войне на Донбассе.

Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки, публиковались в европейских изданиях.

РУССКОЕ ДАО

У меня было
 Два студенческих друга.
 Два друга,
 Два самурая.
 Мы вместе читали новеллы Акутагавы,
 Мы вместе рассуждали о дао.

Один писал хайку,
 Смотрел аниме, читал мангу.
 Другой работал на пилораме.
 Когда началась самурайская военная
 операция
 И у нас случилась всеобщая мобилизация,
 Один – остался дома,
 Другой – отправился в армию.

Здесь должна быть какая-то мораль,
 Но её не будет.
 Я люблю их обоих.
 Хотя ничего и не исправить.
 Один уехал. Другой погиб 21 мая.
 Такое дао... Такое вот русское дао...

ЭПИТАФИЯ

Мы писали друг другу письма,
 Дурацкие песенки,
 Эсэмэски,
 Записки,
 Контрольные,
 Лабораторные,
 Шпоры,
 Просто какой-то вздор,
 А ещё
 Билеты,
 Клятвы
 И анекдоты,
 Имена и прозвища...
 На снегу,
 На песке,
 На бумаге,
 На парте...
 Подписывали на память
 Стихи,
 Рисунки
 И фотографии,
 Но никогда, слышишь,
 Никогда я не думала,
 Что напишу тебе эпитафию!

На холодном граните
 Живое слово.
 Живое имя.
 Не проходите.
 Не проходите мимо!

Солдат и Поэт –
 Наши с тобой позывные
 В координатной системе Логоса.
 В звёздной системе нашего Космоса.

В КАМЕНСКЕ

В Каменске танки...
 Стоят на рельсах и ждут отправки.
 Туман поднимается из Донца.
 Я снова вышла на полустанке.
 Подумалось, сколько таких вот станций...
 И нету, нету войне конца!

Солдаты стоят в грузовом вагоне...
 Я мимо в мирную жизнь свою...
 Лишь взглядом, которым смотрю на ребёнка,
 Усталую нежность им отдаю.

ПОДСЛУШАНО

Луна в окне вагона
 Полная, круглая...
 Смотрю я на неё
 И ни о чём не думаю,
 А слушаю, о чём гутарят пацаны.

– Медаль за что?
 – Два дрона сбил. Из боя вынес раненых.
 И сам был ранен...
 Из батальона в тыщу двести
 Сто пятьдесят осталось, остальные – двести.
 Из тех, кто выжил, – тридцать – управление...
 А поезд едет в южном направлении.
 – Домой когда?
 – Как ляжет карта.
 Такие нынче разговоры по плацкартам.
 А за окном луна... Россия...
 И ложечка тихонечко звенит!

ГОРЕ

Со мною рядом женщина сидела.
 Она листала сторис в телефоне.
 И я невольно тоже посмотрела.
 На фото был пацан в военной форме.

Розовощёкий, боевой, весёлый.
 А на последнем фото –
 Крест с венками
 И строчка:
 «Я проведала сыночка».

РАНА

Незаживающая рана Донбасса:
 Горловская Мадонна.
 Осада Луганска.
 И сколько хватает взора,
 До самого горизонта,
 Поле могил солдатских.
 И все они – безымянные.
 На них ни имён, ни отчеств.
 Табличка и цифры в строчку.
 Я буду за них молиться,
 За каждый, за каждый номер!
 Вернётся ль солдату имя?
 И сменит ли эти числа?
 У нашего Бога все живы.
 Добавлю: и ныне и присно!
 Так почему же так больно
 От раны, что кровоточит?
 И падают в землю зёрна...
 У них ни имён, ни отчеств...

ЗА МИГ

И никого уже не жаль...
 И сердце онемело...
 Травинку меж зубов зажав,
 Счастливый на траве лежал...
 За миг до артобстрела.

ДНК

Три раза приезжали хоронить.
 Три раза совпадала ДНК...
 На этом обрывается строка,
 И рифмы не слетают с языка,
 А застывают крепче, чем гранит.
 На миг.
 Но погляди, он дышит, этот стих:
 Вот вдох и выдох,
 Дальше вьётся нить,
 Спиралью поднимаясь в облака.
 И наша память – наша ДНК –
 Даёт нам силы верить и любить.

ПОБЕДА

Он лежит под землёй, истлевая,
И несутся над ним облака,
Это времени бьётся река
В берега победившего мая!
Беспокойная юная жизнь
Утверждает себя неизменно!

Помним. Верим. Храним. Дорожим.
Слово вечно. И память нетленна.

КЛЯТВА

Эти алые маки в полях,
Эти красные звёзды на братских могилах
Будто клятва любви. И её повторяет земля!
Это кровь победителей в наших волнуется жилах!

Это долгое эхо Великой минувшей войны
Раздаётся порой оглушительней, чем в 45-м!
Я теперь вместе с вами в Бессмертном полку,
пацаны!
Как летящий журавль над родной,
над оставленной хатой.

ГРАД

Над заплаканным садом
Надрывался орган.
Громовые раскаты
Будто звуки литавр.

Соловьиных дуэлей
Нежный щебет умолк,
И зачислен в апреле
Был в Бессмертный я полк.

И с весенним оркестром,
Вместе с первой грозой
К своей юной невесте
Я зашёл, как живой.

Мне не быть тебе мужем.
Я в небесном строю.
Горстку снежных жемчужин
Я тебе подарю.

Через миг пусть растают,
Будто слёзы твои.
В ожидании мая.
В память нашей любви.

СЛОВО

Мне от брони твоей достался
Шеврон один.
Но если б только слово
Могло бронёю стать,
Мощней кевлара,
Крепче стали
И легче лебединого пера!
Как воскресить искусство древних магий
Суровых гримуаров февраля
Стихом, в котором кровь, огонь, земля,
Мой вздох, летящий сквозь орган гортани?

А может быть, незримая броня –
Евангелие Иоанна?
И наше Слово с нами непрестанно,
Сильнее смерти и её огня?
И что, скажи, есть ныне поле брани:
Земля родная иль душа твоя?
Бессмертно Слово.
Слово крепко.
Слово свято.
И я пишу родные имена.
Твоё пишу – как воина, как брата,
С которым на двоих одна броня.

АЛЁША, ДОБРЫНЯ, ИЛЬЯ

Новые сказки и были
Рождает родная земля.
Мир или перемирие?
Неужто всё было зря?
Но сходят на станции Миллерово
Алёша, Добрыня, Илья
И движутся в сторону линии
Вражеского огня.
Не выдуманные,
Хоть и былинные.
Братья, отцы, сыновья.

А значит, не всё потеряно,
Кто б что ни говорил,
Пока у границ империи
Русские богатыри.

МОЙ СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Воевал.
 Был ранен.
 Вернулся в строй.

Воевал.
 Попал в плен.
 Обменяли.

Работал на гражданке
 Дедом Морозом,
 Приносил детям радость
 И сладкие подарки.

Умер от разрыва сердца.
 Мой старый знакомый,
 Доброволец русской весны.

МАРГИНАЛЫ ПОГРАНИЧЬЯ

Маргиналы пограничья – фрилансеры
 империи!
 Подразделение «Хулиганы Новороссии»...
 Зачем пошли на войну?
 Зачем они это сделали?
 И где сейчас они?
 Странные вопросы
 Для нашего менталитета!
 На них нет ответа.
 Каждый из нас знает цену,
 Которую платит
 За дыхание полной грудью
 На русском раздолье.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Тело предаётся земле.
 Тело превращается в прах.
 Этот хлеб с вином на столе –
 Это наш таинственный знак,
 Что даётся Новый Завет
 И Благая близится Весть.
 Тело превращается в Свет,
 Но сначала Путь был и Крест.
 А у нас война, на беду.
 И нет сил беду побороть.
 Это не садовник в саду.
 Это мой воскресший Господь.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Израненная ранняя весна.
 В Камброде зацветают абрикосы,
 И вечные жестокие вопросы
 Нам задаёт донбасская война.

А ночью – град. Не артобстрел, а так,
 Обычный град – горошинами с неба,
 Из века в век у нас одна Победа.
 Хороший мой, свет побеждает мрак.

Но как? Сама порой я это не пойму.
 Какая сила бережёт Россию?
 «Да будет мне по слову твоему» –
 И лилия в руках у Гавриила.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Два воина, два солдата,
 Первый и Девятый,
 Да, Первый и Девятый,
 О чём говорили?
 О чём они говорили?
 О том, что у Вагнера
 Хорош «Полёт валькирий»,
 О том, что надо было брать Киев,
 О том, что можно было взять Москву,
 О том, что невозможно долго смотреть во тьму,
 О том, что если замахнулся – бей!
 А ещё, что нет справедливости на земле.
 А может, о том, как вкусны наши яблоки
 с мёдом!

Между небом и землёй,
 Между небом и землёй,
 В день Преображения Господня!

«И когда утихнет последний бой...»

Екатерина ГРУШИХИНА,
Московская область, г. Красногорск

ДЕВА-РУСЬ

И когда утихнет последний бой, поминальный бой,
Оглушит финальным аккордом нахлынувшая весна,
Распахнётся небесный купол – лазорево-голубой,
Я увижу тебя, родную, заплаканную, у окна.

Подлечу поближе – как же крылья мои легки,
Как прозрачен стан, разве ликом чрезмерно бел,
А когда отходил я ко Господу на берегу реки,
Замолчали враги и орудия, но кто-то тихонько пел

Обережную песню о том, как взошла луна,
Как повисли звёзды на ниточках у воды,
Я не видел лица поющей, но голоса глубина
Не дала усомниться в том, кто певунья.
Певунья – ты.

И звучал этот дивный голос, мольбой звучал,
Разливался по глади израненного Донца,
В нём жила вековая молитвенная печаль,
И начала в той песне не было, не было в ней конца.

Под такие песни из недр земли ключи
Бьют. Возводится храм, оживает разбитый дом,
Только пой, родная, хорошая, не молчи,
Даже если петь удаётся тебе с трудом.

Отступают бесы, а с ними – война и грусть,
Наполняются вены Земли, прибывает сил.
И склоняет в венце ромашковом голову Дева-Русь,
Чтобы память о павших на веки вечные воскресить.

О РОДИНЕ ПИСАТЬ Я НЕ УМЕЮ

О Родине писать я не умею,
Я с Родиной молитвой говорю,
Её ветров беззвучием немею,
Студённостью ключей животворю.

Как на погосте хлипенькая верба
Страдальчески заглядывает ввысь,
Так Русь крестами окунулась в небо,
Отмаливая мёртвых и живых.

Кликушествуют вещие метели,
Сокрыв в ладонях скорбное лицо, –
Так прадед упокоился под Ельней,
А правнук лёг под Северским Донцом.

Казалось бы, шагнув через столетье,
Душой преобразился человек,
Но то, что недобито в сорок третьем,
Перекатилось в двадцать первый век.

О Родине писать я не умею –
Я с Родиной, как с речкой, говорю,
Благоуханьем трав её пьянею,
За маковки церковей благодарю,

А кровь её божественным елеем
К победному стекает алтарю.

ВЕСНА ПРОБУЖДАЕТСЯ

Часами песочными сыплются терриконы,
Вливается солнечным мёдом в проём оконный
Надежда на лучшее, вера в земное чудо.
И ты улыбнёшься, и я улыбаться буду.

Весна пробуждается, приоткрывает веки,
Кисельны её берега, семиструйны реки,
Её белогривых берёз ниспадают кудри,
И ты светоносен, и я светоносна буду.

Капелью трезвонит, ручьями бежит по миру.
А Боженька круглые сутки в прямом эфире
Вещает: «Не укради, не убий, не прелюбы...»
Весна обдувает зюйд-вестами медные трубы,

В огонь поддает дровишек, в воде полощет.
Язычников стан оскверняет святые мощи.
И, кажется, мир погибает, дыша на ладан, –
Его воскрешают подвижники Русского лада,

Его воскрешают люди в армейских берцах.
Безмолвен Майдәнек, язык проглотил Освенцим.
Опять в Нюрнберге затынет петлём Иуду.

И ты улыбнёшься, и я улыбаться буду.

ПОГИБШИМ СЫНАМ РОССИИ

Мой дорогой, мой милый, мой сердечный,
Пока апрель струит водою млечной
В прозрачности небесных пелерин,
Ты будешь жить, мой драгоценный сын.

Хранимый Богородичной молитвой,
Тебя Господь окрестит перед битвой
Своим неосязаемым перстом.
Ты будешь жить – и ныне, и потом,

И в вёснах, и в неопалимых летах,
И в грёзах дев, и в праздничных сонетах,
И в нежных песнопеньях соловья –
Продолжится вовеки жизнь твоя.

И в первом улюлюканье ребёнка,
Чей дом расколошматили подонки,

Услышу я твой детский голосок –
Ты будешь жить, мой маленький сынок!

В дыханье трав – багульника и мяты, –
В озёрной глади, в ельнике косматом
Я ощущаю Божью благодать,
И сын так близко, что не передать
Словами материнскую утрату.

На Спасской бьют кремлёвские куранты,
Над лепестками Вечного огня –
В котором сын укрылся от меня.

СКВОРУШКА ПО ИМЕНИ АЛЁШКА

Как проснётесь, мама и отец, –
Скворушка в оконце кучерявый.

Багрянеет Северский Донец,
Мироточит Матерь на стене
Божья, в позолоченной оправе.

Это я – пригожий, молодой,
Не прошедший медных труб и соли
Пуд не съевший, но уже седой,
Опоён небесною водой, –
Скворушка, парю во чистом поле.

Как проснёшься, мама, протяни
К ягодам горячую ладошку,
Там, среди смородин, земляник,
Головой курчавою поник
Скворушка по имени Алёшка.

И в тот миг, когда взрвёт Донец,
Желваками берегов играя,
Точно знай – стою в воротах рая,
А в раю, в раю не умирают,
Здесь у всех на маковке венец.

Всякий здесь прозрачен, и крылат,
И в небесный сан рукоположен,
Здесь не нужно ни меча, ни лат,

Мне ли, мама, лучшего желать,
Если я теперь в ладонях Божьих.

ИВЕРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ВРАТАРНИЦА» НАД ДОНБАССОМ

Расплела в ночи косы белые,
Ненаглядный мой, уцелел ли ты?
Красноткан апрель в складках бархата
В миномётном шквале под Бахмутом.

Широка река Северский Донец,
Берега её – копоть да свинец,
Заалел земли разможжённый ров,
Мать Божия, наложи Покров

На Твоих сынов, на Твоих солдат,
И на тех – кто жив, и на тех – кто свят,
Не мытариться им да не маяться –
Приоткрой им врата, Вратарница.

Чудотворный лик на Святой горе
Твой возник, поправ глубину морей,
И, согласно библейским преданиям,
Человечеству Ты Богом данная.

Над Донбассом славнейшая Серафим
Возвещает о Боге и иже с ним,
Колокольный звон в небесі окрест –
Это Богом посланный благовест.

Не кручинься, мать, не рыдай, жена,
Да пребудет молитва твоя сильна,
Да пребудет вера твоя крепка,
Да не дрогнет солдата в бою рука,

Потому что Россия – душа Земли,
Богомольцами соткана из молитв!

ОН СМЕЛЫМ СТАЛ

Он смелым стал не потому ли,
Что перед ним трепещут пули?
Не усыпает днём и ночью
В устах монашеских псалтирь.

Не потому ли смел, что мама –
Психолог, мастер психодрамы –

Внушала сызмальства: «Сыночек,
Бесстрашным покорится мир».

Ревёт повестка вещим зовом,
И вот пацан мобилизован.
(Позорно не бежал в пустыню,
Сорвав с груди нательный крест.)

Псалмом хранимый девяностым,
За детский стон, за полуостров,
За не покрытые коростой
Осиротевшие сердца

Сегодня бьётся русский воин,
Блажен и ангельски спокоен.

А тот, кто с миром упокоен,
Не предал маму и отца.

ДОЖДИСЬ, ПОЖАЛУЙСТА, МЕНЯ

Шагаю дальней стороной,
Стреножа душу и коня,
Я вовсе не бессмертен, но
Люби, пожалуйста, меня.

Случалось всякое, и вот
Среди стрельбы и чехарды,
За полосою огневой
Мерещишься, родная, ты.

Нахлынули июнь, июль
Как васильковость бытия,
В котором ласточки поют,
И с ними – ласточка моя.

От запредельной немоты,
Где Божий промысел упрямя,
Спасаешь, преданная, ты,
Молитвой оглашая храм.

Как ангел, за моей спиной
Стоишь. Прочнее, чем броня.

Я вовсе не бессмертен, но
Дождись, пожалуйста, меня.

Наталья ЛАВРЕНТЬЕВА,
г. Ртищево Саратовской области

Работает библиотекарем дошкольного абонемента в детской библиотеке имени А.С. Пушкина. Публиковалась в коллективных сборниках Воронежа, Москвы, Балашова, Сердобска, альманахах Тамбова, Хвалынска, Саратова. Выпустила три авторских сборника. Была участницей литературных чтений, конкурсов и фестивалей.

СОЛДАТСКОЙ ВДОВЕ

Помнишь мирные рассветы
И ромашковый прибой,
Как счастливым тёплым летом
Познакомились с тобой?

Это всё, поверь, бесценно –
Каждый день и каждый час,
Клуб и вальс, что «довоенный»
Называется сейчас.

Как о будущем мечтали
И искали Млечный Путь,
О любви стихи читали –
Это счастье не вернуть.

Эшелоны. Взгляд прощальный.
Всё вокруг закрыла мгла.
Череда недель печальных,
Ожиданьем лишь жила.

Ждёт родимая сторонка.
Возвратись, родной, живой!
Оглушила похоронка:
«Смертью храбрых... Под Москвой...»

Над погостом ветер бродит,
Птица в воздухе парит,
А она всё не уходит –
Говорит и говорит...

Слёзы вдовьи, боль утраты
Не исчерпаны до дна...
Спят под плитами солдаты...
Эх, разлучница-война.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМ

Сорок третий. Я мальчишка – школьник.
Бед, войною посланных, не счесть.
В день осенний серый треугольник
В дом принёс трагическую весть.

Прочитала мама, побледнела,
И листок ей под ноги упал,
Только с болью вымолвить сумела:
«Папа наш... Он без вести пропал...»

Стал по крыше барабанить ливень,
Гром казался грохотом атак.
Я спросил по-детски так, наивно:
«Без вести пропавший – это как?»

«Неизвестность, что бывает горше? –
Сгорбившись, запричитала мать... –
Может так случиться, что уж больше
Ничего о нём нам не узнать...»

Но, однако, теплилась надежда:
Дом родной всегда солдата ждёт.
Может, распахнёт он дверь, как прежде?
Может быть, отыщется, придёт?

Быстро дни осенние летели.
Зимние настали холода.
Мы никак поверить не хотели,
Что расстались с папой навсегда.

Снег искристый таял у обочин.
Всё весенним наполнилось теплом.
Весть о папе, что мы ждали очень,
Певчей птицей не влетела в дом.

Но, незримый, ты все годы рядом.
Слышишь, папа, ты для нас живой!
Не убит ты вражеским снарядам
В той атаке грозной, огневой!

В боевом строю навек остался,
Сделал шаг в бессмертье из огня!
Верю я, что страху не поддался,
Мужество солдатское храня.

Если трудно, силы на пределе,
Служит мне девизом твой наказ:
«Не запачкай совесть в чёрном деле
И не труть в суровый, горький час!»

ВАСИЛЬКИ¹

Он из окруженья вывел роту.
Жизнь спасли, но раны нележки.
Медсестричка с тёплой заботой
В изголовье ставит васильки.

Хочется порадовать немножко!
Пусть воспрянет духом паренёк,
Пусть напомним милое окошко
Василёчков синий огонёк.

Посмотрел он удивлённым взглядом,
И впервые после тяжких ран,
Увидав цветы с собою рядом,
Нежно улыбнулся капитан.

Словно на полянке за рекою
В отчем крае оказался он.
Гладит мама волосы рукою,
Льётся солнце, светел небосклон,
А тёплый ветер затевал с берёзами игру...

«Очень благодарен вам! Спасибо!
Выпишусь – с собой их заберу».

Завернул их бережно в листочек
И в нагрудный положил карман,
Тихо молвил: «Царский василёчек –
Это мой надёжный талисман».

Сказка ль это? Но во всех сраженьях,
Где огонь и непроглядный дым,
Не было ранений, поражений,
Выходил он цел и невредим.

Что-то в нём таинственное было –
В василёчке, маленьком цветке.
Вот тогда, в разведке, проскочило,
А ведь был почти на волоске.
Кто-то скажет: «Нужно ль суеверий?
Смерть кругом, военная пора».
Только он в боях жестоких верил
В силу чудодействия добра.

И сегодня, у знакомой речки,
Дома, возле мирного костра,
Вспоминал он доброе сердечко:
«Где ты, фронтовая медсестра?»

Возвратилась с той войны проклятой?
Встретила победные деньки?»
В книге о Победе в сорок пятом
Бережно хранились васильки.

ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНГРАДА

Всё смешалось с дымом, гарью, пеплом,
Отстоять бойцы её смогли,
Высоту 102, назад ни метра.
Там, за Волгой, нет для них земли.

Все дороги замели метели,
Ночи перепутались и дни.
Мглу и мрак преодолеть сумели.
Враг метался: «Смертны ли они?»

Это наши русские солдаты!
Славные! Умелые в бою!
Сжав рукой кровавой автоматы,
Защищали Родину свою.

Всё покрыто серыми снегами.
Застилает воздух едкий дым.
Раненый запёкшими губами
Шепчет: «Сталинград не отдадим!»

В пекло шли и снова побеждали!
Даже там, где это выше сил!
Вы в Победу веру утверждали!
Ни один из вас не отступил!

Мирный город. Смолкла канонада.
Солнышко над Волгою встаёт.
Память о героях Сталинграда
Здесь на каждой улице живёт.

¹ Название цветка «василёк» происходит от имени Василий, что в переводе с древнегреческого означает «царский». В засушенном виде цветок сохраняет форму и цвет.

ПИСЬМО НА ПЕРЕДОВУЮ

Держись, сынок.
Я рядом. Я с тобой.
Мы выиграем наш последний бой.
Не торопись
И не щади врага.
Собьём мы этой нечисти рога.

Держись, сынок.
Нам нечего терять.
Есть ты, да я, да у иконы мать.
Да хаты старой
Ветхие углы:
От сытых не дожждаться похвалы.

Держись, сынок.
За Родину держись,
Которая несёт нас, русских, ввысь,
Которая роднее
Всех равнин,
Где русский, с кем бы ни был, но – один.

Держись, сынок,
Услышав вражий вой.
Я – бронзой непробойной пред тобой.
Оболган, ошельмован,
Но – стою
И защищаю молодость твою.

Держись, сынок.
Не бойся их болот.
Для русских Русь – незыблемый оплот.
Мы устоим.
Нас создал Бог не зря.
Уже с востока занялась заря.

*Я рядом, сын. Плечо моё с тобой.
Мы выдержим последний этот бой.*

ЕСЛИ МЫ НЕ ПОДДЕРЖИМ ДРУГ ДРУГА

Если мы не поддержим друг друга,
Брата брат, а супруга супруга,
Упадём, словно камень с горы.
Не подаст нам спасения круга
Ни один из «карасьей» норы.
За границей великой державы
Нет опоры у нас никакой.
Ни героев не помним, ни славы,
Ни былины не чтим ни одной.
А стоять нам придётся, славяне!
Ведь иначе нас пустят под нож,
Как когда-то хотели дворяне,
Немцы, чехи, французики тож.
Нам стоять до последнего, братцы:
За спиной у нас нет никого.
Если будем с обозом брататься,
То все сгинем, до одного.
Если мы не умоем их кровью,
Тех, кто русскою кровью томим,
То одной лишь всевышней любовью
Мы в окопах не устоим.
Так давайте поддержим друг друга:
Брата брат, а супругу супруг.
Есть защита от злобного круга –
Доброты и сплочённости круг.

ОТЦОВСКИЙ УРОК

Миру – мир,
Но нож за голенищем.
Враг силён
И не глупее нас.
Мы друзей напрасно
В мире ищем:
У друзей иной иконостас.
И иная соль делить
Манера:
Нам от репы
Только лишь вершки.
Помнят генералы бундесвера
Не свои, а русские
Грешки.
Снится им российская кладовка
С салом украинским
И медком.

И мечтают, как бы снова ловко
 Захватить российский сытый
 Дом.
 Чтоб на наших бабах
 Отлежаться,
 В полушубках отогреть бока.
 На крестьянах в санках
 Покататься –
 Обуздать лихого мужика.
 Так что держим нож
 За голенищем.
 Эта шайка точно не для нас.
 Соловьём-разбойником засвищем,
 Если грянет битвы
 Страшный час.

Я ПОЙДУ

Конечно, я пойду.
 Куда я, к чёрту, денусь?!
 И в месиве земли, убитый,
 Растворюсь.
 Как в саван, в твой рассвет,
 Россия,
 Я оденусь.
 Усну и не проснусь.
 Усну и не проснусь.
 Такая вот судьба.
 Не богатеет рожь
 Мне защищать,
 Твои поля да тополя,
 Что статью и хребтом
 На наших дедов схожи:
 Горбаты, как земля.
 Мне разум говорит,
 Что затаиться надо,
 В подполье переждать,
 Лишь только б жить и жить.
 Но рвётся вся душа
 Громить всех бесов стадо
 И Родине моей
 Под ноги положить!

ОГОНЬ

Огонь гореть учить не надо:
 Он сам закуски суть поймёт.
 Зажжёт себя от листопада,
 От звездопада расцветёт.
 Ему лишь только дай затравку,
 Весёлой искорки смешок.
 Его лишь выпусти на травку,
 Он и леса повергнет в шок.
 Он распалится так, что жарко
 Суровым будет небесам.
 Потом ему всех станет жалко,
 И он, как день, угаснет сам.
 Огонь, наш сторож многоокий,
 Дракон, зовущий нас в полёт.
 Он благодатный и жестокий.
 Он тихо тлеет и ревет.
 Во тьме вселенской с ним надёжно
 Лететь за тайною вослед.
 А нет его – душе тревожно:
 Ну как же так, огня-то нет?
 Огонь гореть учить не надо:
 Он сам себе тепло найдёт:
 Зажжёт себя от листопада,
 От звездопада расцветёт.

Рисунок #Я вижу
 mydrawingdiary

Данил Багринцев. Родина

Данил Багринцев. В родную гавань

Данил Багринцев. Народ и армия. 2025

Данил Багринцев. Связь

Данил Багринцев. Жажда

Данил Багринцев. Наши танки . 2026

ЧТО НАПРОРОЧИЛ НАШ ПОЭТ

ГЛАВА ПОЭМЫ «ВАСИЛИЙ ТЁРКИН. КНИГА ПРО БОЙЦА»
АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО ПОТЕРЯЛА ПОЛОВИНУ СВОЕГО СОДЕРЖАНИЯ

Анатолий СИДОРОВ

КОГО С СОБОЮ БРАТЬ В РАЗВЕДКУ

– Готовился к очередным «Твардовским чтениям», – рассказал мне Владимир Владимирович в перерыве между докладами коллег-литературоведов, исследователей творчества А. Т. Твардовского. – Обнаружил неприметную книжечку библиотечки фронтовой газеты «Красноармейская правда» с публикацией «Книга про бойца. Василий Тёркин» Александра Трифоновича Твардовского. Поэма в те годы была невероятно популярна среди советских солдат! Поэтому издали её в 1942 году «карманным форматом», чтобы книжечка легко помещалась в нагрудном кармане гимнастёрки, в кармане шинели, бушлата, офицерском планшете, за голенищем сапога, в любом удобном для солдатской формы месте. Обрадовался книжке, как старому доброму товарищу. Полистал,

пробежался глазами по началам знакомых глав, вроде «Гармонь» или «Переправа». Хотел отложить в сторону, но внезапно царпнуло глаз начало моей любимой главы «Поединок». Мы же привыкли к тому, что в классических

КЛАДЕЗЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТКРЫТИЙ БЕЗДОНЕН. ЧЕРПАЙ, НЕ ЛЕНИСЬ. ТАК И ПОСТУПИЛ МОЙ СМОЛЕНСКИЙ КОЛЛЕГА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КОРОЛЁВ, БЛЕСТЯЩИЙ ЖУРНАЛИСТ, ПОЭТ И ПРОЗАИК, БОЛЬШОЙ ЗНАТОК ТВОРЧЕСТВА ВЕЛИЧАЙШЕГО РУССКОГО И СОВЕТСКОГО ФРОНТОВОГО ПОЭТА АЛЕКСАНДРА ТРИФОНОВИЧА ТВАРДОВСКОГО: НАГНУЛСЯ НАД БЕЗДНОЙ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТОВАРИЩА ПО ПЕРУ И... ЗАЧЕРПНУЛ УНИКАЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ОБ ОДНОЙ ИЗ ГЛАВ «КНИГИ ПРО БОЙЦА». ДАЛЕЕ СЛОВО ЛИТЕРАТУРНОМУ ПОИСКОВИКУ.

изданиях «Василия Тёркина» она начинается строками: *«Немец был силён и ловок, / Ладно скроен, крепко шит, / Он стоял, как на подковах, / Не пугай – не побежит»*. То есть русский солдат Василий Тёркин один идёт в разведку и в одиночку противостоит могучему немцу, откормленному на награбленных им русских харчах. А тут читаю совершенно другое: *«Ночь. Идут в разведку двое»*. Что значит «двое»? С кем ещё Тёркин пошёл в разведку? Читаю. Выясняется, отправился он в стан лютого врага с товарищем, украинцем по происхождению, Иваном Савчуком. Вот те на! Не ожидал такого поворота в читаной-перечитаной книге. Да какого «поворота»! Братско-славянско-интернационального! Отложил все дела и внимательно перечитал главу «Поединок» в той, первоначальной, фронтовой редакции.

РУССКИЙ И УКРАИНЕЦ – БРАТЬЯ

Любопытная во всех отношениях страница прошедшей войны открылась моему коллеге в изначальном варианте великого солдатского эпоса. Два солдата, Василий Тёркин и Иван Савчук, отправляются на разведку и почти сразу влипают в безвыходную ситуацию. Точнее, в неё попадает Иван Савчук, во время падения на снег угодивший на... мину! Далее по тексту.

*Хлопнул выстрел близко где-то,
И, склоняясь на восток,
Поднялась, пошла ракета,
И за ней – наискосок
Поднялись – другая, третья,
Освещающая всё вокруг.
И рванул, хлестнул, как плетью,
Пулемёт.
– Ползком, Савчук.*

*Снова снег мерцает синий.
Стихло всё.
– Ты что, Савчук?
– Тёркин, друг, лежу на mine...
Вася, милый, мне – каюк!*

Но не таков русский солдат, чтобы оставить товарища в беде, в смертельной опасности, в безвыходном положении. Не зря же настоящих друзей оценивают знаменитым выражением: *с ним можно идти в разведку*. Василий оправдывает этот боевой словесный «орден».

*Тёркин – к другу. Сам встревожен –
Эх, товарищ боевой,
Что со смерти слезть не может,
А лежит на ней живой.
– Отвались тихонько набок,
Слышишь, что ли, дай помочь,
Что ты думал, это – баба,
Пригревать решил всю ночь?
И с мальчишечьей отвагой
Руку – в снег:
– Позволь-ка, я...
Будто рака под корягой
Достаёт: а вдруг – змея?
Откопал, глядит на свет.
Капсюль – вон. И мины нет.*

Но на этом смертельном случае испытания разведкой для Ивана Савчука не заканчиваются. *«Взять “язык” была задача <...> Ни стрельбы нельзя, ни крика – / Обхватить, свалить назад. / Силы был Савчук великой – / Для того и в дело взят. / Смотрит Тёркин: что ж он, Ваня? / Покачнулся, сбит, повален, / Кувырнулся, как мешок. / Лишь вспорхнул за ним снежок. / И лежит Иван, как мёртвый, / В снег уткнулась голова»*. И тут русский солдат

не подводит собрата по оружию: «*один вцепился Тёркин / Немцу в оба рукава*». В конце концов, когда Тёркину удаётся победить немца, Иван Савчук обретает уверенность в себе. Узнав, что избитый Василием немец носит на себе двое награбленных ручных часов, солдат-украинец босиком (!) догоняет его по снегу и «берёт в плен». Бойцы возвращаются из разведки с хорошим трофеем.

– Много раз перечитав главу «Поединок», я пришёл к выводу, что у неё был нелёгкий путь к главному (да и второстепенному, гражданскому) читателю, – размышлял во время нашей беседы Владимир Владимирович Королёв. – Твардовскому немало пришлось с ней поработать и даже, как мы теперь знаем по классической публикации, он пошёл на то, чтобы вывести солдата-украинца из повествования. Однако, на мой взгляд, именно в первом варианте эта глава звучит сегодня наиболее актуально. Описывая похождения в разведке двух солдат – русского и украинца, – Александр Трифонович как бы заглянул почти на целый век в будущее. Поэтому мы, хранители наследия великого поэта земли Смоленской, сделали репринтное издание того, фронтового, первоначального, варианта поэмы и отправляем его «за ленточку» нынешним героям, бойцам спецоперации. Думаю, что нас ждут ещё многие и многие открытия в творчестве Твардовского. Нам предстоит ещё очень много понять в содержании его книги про бойца «Василий Тёркин», величайшего романа о русском воине и воинстве.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

«ВОЙНА КОНЧАЕТСЯ НЕ СРАЗУ»

Эта строчка из стихотворения о солдате, который всю послевоенную жизнь носил в груди неизвлечённую пулю, говорит нам о том, что популяризация Александра Трифоновича Твардовского, уникального фронтового поэта и журналиста, не должна ограничиваться только организацией публичных выступлений кропотливых исследователей его творчества. По

мне, так «Василий Тёркин» Александра Твардовского для нынешнего русского читателя более ценен и значим, чем «Евгений Онегин» Александра Пушкина. У меня даже в мыслях нет желания сравнивать два этих великих стихотворных памятника! Они самодостаточны и не нуждаются в чьих-либо оценках. Но «Василий Тёркин», по моему мнению, недостаточно (даже слишком мало!) подаётся в публичное пространство россиян. По крайней мере, в нынешнее тревожное время, когда русский народ находится в состоянии специальной военной операции, развивающейся на грани полномасштабной войны. Былинный русский герой СОЛДАТ намного более ценен духовно нынче русским, чем чванливый самовлюблённый дворянчик, о похождениях которого рассказывают многочисленные драмтеатры и поют лучшие в мире оперные певцы. А ведь выписан «Василий Тёркин» не менее глубоко и многопланово, чем его воспетый и возведённый в классики пушкинский персонаж! Мы ещё не научились по-настоящему читать, понимать и воспевать подвиг русского солдата. Ещё впереди и настоящие театральные и оперные постановки этой поэмы.

Владимиру Владимировичу Королёву и его смоленским коллегам по исследованию и сохранению творческого наследия А. Т. Твардовского придётся приложить ещё немало усилий, чтобы русский читатель, зритель и слушатель, как и автор «Книги про бойца», «не шутя, подружился» с ним. Чтобы вслед за автором мог сказать:

*Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу – время, час – забаве,
Дорог Тёркин на войне.*

ВОЕННОЕ СЛОВО

Александр БАЛТИН

ВЕКТОР ЕВГЕНИЯ ВИНОКУРОВА

Прекрасен Гамлет, сыгранный в недрах военного времени: Гамлет, становящийся точно участником боёв, Гамлет, дающий краски, какие отобрала война:

*Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирал.*

*А в жизни, помню, отзывался ротный
О нём как о сознательном бойце!
Он был степенный, краснощёкий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.*

Сухая графика поэзии Е. Винокурова пропитывает сознание читающего крепкой живописностью бытия.

Маленькое чудо Винокуров умел создавать в пределах космоса строфы:

*Что там ни говори, а мне дороже
И всё милее с каждым годом мне
И ритм деревьев, зябнущих до дрожи,
И ритм капли на моём окне...*

Общность онтологического опыта – означенное и просвеченное лучами поэта ощущение знакомо многим. Точность формулировок Винокурова ювелирна.

Очевидна склонность к метафизическим изысканиям, отчасти способным объяснить жизнь, однако истина остаётся вне постижения – и полная неизвестность, какова же она? Выливается в такие строки:

*Что мне она? И что я ей?
Какая в ней пожива?
А правда мне всего милей
одним: она не лжива.*

*Как мясо пёс, рывок – и съем!
Я жду со ртом разъятым,
ещё не зная, будет чем:
лекарством или ядом.*

Лекарством порой могут быть иные стихи Винокурова: пронизанные спокойствием стоицизма и всепринятия жизни, каковой бы стороной ни поворачивалась.

Хорошо мерцает амбивалентность жизни:

*Я жизнь свою, как бритву, тонко правил:
хотел, чтоб без зазубринки была...*

*Жизнь оказалась просто шире правил
любых! Она черна. Она бела.*

Крупно зажигал поэтические огни Винокуров, и стоит, как бы ни крутили апоэтические времена, взглянуть в их свет.

КОСМОС КОНСТАНТИНА ВАНШЕНКИНА

Особый глазомер: отчасти по-хорошему хищный – на все детали мира, но и нежный, как снег, который живописуется одновременно – через своеобразное исследование:

*Он был зимой прекрасен, а весной
Лишился он величья своего.
И небо занялось голубизною
Над серыми просторами его.*

*Сползает снег в глубокие овраги,
Под солнцем ослепительным спеша.
Так сходит вдруг ненужный слой бумаги
С переводной картинки малыша...*

Ваншенкину шла краткость.

Лапидарность линейных строк, наполненных объёмным содержанием мира, столь прекрасного, что дыхание замирает.

Знаменитые ритмы песни дают меру той бодрости, которая позволяет преодолеть любые каверзы бытия или – почти любые:

*В звоне каждого дня
Как я счастлив, что нет мне покоя!
Есть любовь у меня,
Жизнь, ты знаешь, что это такое.*

*Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете.
И вершина любви –
Это чудо великое – дети!*

Бесхитростно?

Да.

Нет переусложнения, которого требовал век, всё впрямую – но в этой прямооте столько подлинности, солнечного трепета и живого огня, что никаких сложностей и не требуется...

Мощно, используя скудные средства изобразительности, Ваншенкин показывает единственную форму притворства, которая оправданна, – возникает неожиданный метафизический ход:

*Трус притворился храбрым на войне,
Поскольку трусам спуску не давали.
Он, бледный, в бой катился на броне,
Он вяло балагурил на привале.*

*Его всего крутило и трясло,
Когда мы попадали под бомбёжку.
Но страх скрывал он тщательно и зло
И своего добился понемножку.*

*И так вошёл он в роль, что наконец
Стал храбрецом, почти уже природным.
Неплохо бы, чтоб, скажем, и подлец
Навечно притворился благородным.*

*Скрывая подлость, день бы ото дня
Такое же выказывал упорство.
Во всём другом естественность ценя,
Приветствую подобное притворство!*

Стих Ваншенкина часто сух и живописен одновременно, и, созидая свою сумму, поэт, казалось, пронзил поэтическими лучами все сферы и явления жизни, все, без исключения.

Точность хорошо отлаженных часов работает в его формулировках:

*А я не знал об этом ничего.
Какое мне до сердца было дело?
Я попросту не чувствовал его,
Оно ни разу в жизни не болело.*

*Оно жило невидимо во мне,
Послушное и точное на диво.
Но всё, что с нами было на войне,
Всё сквозь него когда-то проходило.*

Обстоятельность письма онтологически объёмна.

Никогда никаких срывов: и любовь к жизни, испытываемая до нервной дрожи, не под-
разумеает излишней вибрации строки.

Ясность озёрной воды.

Чистота весеннего неба.

Поэзия Ваншенкина – мужественная в сво-
ей основе – питательна для души и ума...

СЛОВЕСНАЯ СИЛА ЮРИЯ РАЗУМОВСКОГО

Прошедший войну сам выберет меру обо-
значения собственной жизни: как называться,
возражая канцеляриту, тому, кто мог умереть
каждый день, но, перевитый опалённой лентой
трагедии, вернулся:

*Канцелярскому слову «участник»
Возражает и слух, и язык.
Это слово звучит, будто «частник», –
Мне милей и родней – «фронтовик».
Я вступил в это братство святое
В самый трудный для Родины год
И впервые познал, чего стою,
И узнал себя в слове «народ».*

Тема всеобщности, всеединства, впечатанная в последнюю строку, вспыхивает резко в сильно организованном стихотворении Ю. Разумовского.

В финале жизни напишет, шрамами вос-
принимая жизнь свою, суммой их, так и наиме-
новав последний свой прижизненный сборник:

*Разменял я девятый десяток
В нашей самой несчастной стране,
И за все эти годы достаток
Не зашёл даже в гости ко мне.
Без высокой мечты, без святыни
Я безжалостной власти служил.
Да и жил я здесь, словно в пустыне,
А верней, прозябал, а не жил.*

Война, бывшая корнем жизни, давала и
первые впечатления опыта – который пойдёт

потом развиваться с пронзительной силой, на-
матываясь на стержень души каждым днём:

*В репродукторах
гремели марши –
Обувала сапоги страна...
За день постарели мамы наши,
Мы, мальчишки,
тоже стали старше:
По сердцам в тот день
прошла война.*

...Разумовский запускал чудесные шарики
детских стихов: вспыхивали они, волшебные...

Он отправлял детишек на лыжах в пену
великолепно-зимнюю, в кипень подлинной чи-
стотой своих слов:

*Снег кружится: ниже, ниже...
Щиплет щёки нам мороз.
Мы скользим с сестрой на лыжах
Мимо тоненьких берёз.
Мы бежим с ней. Кто скорее,
А дистанция проста:
Вдоль реки, потом аллеей
До ветвистого куста.*

При этом оставался трагиком, сложно
толкующим жизнь, шаровые её раскаты, не-
обычайность сближений и удалений, встреч,
отдающих безумием:

*Это было, наверно, давно –
Подошёл и присел у огня,
И поднёс мне плохое вино –
Человек, не любивший меня.*

*Он шутил и кривлялся, как бес,
Всё святое кляня и браня.
Как он ловко мне в душу залез,
Человек, не любивший меня.*

Жёсткая компактность подлинности: пре-
дельная искренность искр – интонационные
особенности Разумовского, написавшего свою
войну, свою жизнь.

ВЕРА ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

«Жизнь и судьба»...

Космос эпопеи заложен уже в названии, в сближении коренных понятий действительности.

Многосложность и многоплановость, будто подтверждающие интеллектуальные построения М. Бахтина, касающиеся бытования романа в недрах литературы.

Сталинградская битва, крах великой войны, является сущностным действием романа, становясь ядром сюжета. Стержнем, связующим все части, – семья Шапошниковых, судьбы родственников их и знакомых.

Три дочери Александры Владимировны и сын, а сын одной из дочерей гибнет на фронте, густеет судьбами узор-орнамент романа, плетутся густо связи между людьми, и рокошующее время, принимая разнообразные формы, действует тоже как персонаж.

Карнавал смертей?

Нет, к Гроссману, с его монументальным построением, никак не применить теорию Бахтина.

Бездны советской истории раскрываются тяжёлыми моментами: раскаты раскулачивания, онтологии арестов; вся она, история, как будто преодоление – ради солнцеликой победы.

Ломающее хребты милосердию и добру, скрежещущее слово «холокост» сильно определяет построение романа.

Холокост, осуществляемый нацистами методично и упорно; другая сквозная, знобящая тема книги – противостояние природного добра, заложенного в человеке, и машины государственности, добро исключаящей как таковое.

Множество стальных метафизических шипов, прокалывающих роман, помешали его свободному появлению в реальности; история его публикации – сама по себе отчасти детектив; так или иначе, впервые был опубликован в Швейцарии, куда оказался вывезенным экземпляр, сохранившийся у С. Липкина.

В конце двадцатых годов прошлого столетия Гроссман, осознав, насколько образ инженера-химика не соответствует его сущности,

начинает литературную деятельность, отсылая один из первых рассказов в «Правду»...

В «Огоньке» публикуется очерк. Горький поддерживает – в газете «Литературный Донбасс» появляется повесть из жизни шахтёров.

Аресты и репрессии сильно работают по семье его, Гроссман остаётся на свободе. Мобилизованный в армию, он служит специальным военным корреспондентом.

Он до конца жизни пишет письма матери, погибшей во время одной из акций уничтожения еврейского населения.

Жёсткий холод онтологической трагедии овекает его лучшие произведения.

С первого до последнего дня – уличных боёв – Гроссман находится в Сталинграде, получает звание подполковника за участие в легендарной битве.

Его лапидарная книга «Треблинский ад» во многом больше чем литература, исследовать её с художественной точки зрения неудобно, учитывая действительно адский материал, горящий на страницах. Вечно горящий.

Роман «За правое дело» – первый в дилогии – исполнен в манере Толстого, что не помешало критике довольно жёстко разделаться с оным.

Жизнь Гроссмана, как и его литература, есть длящийся многолетне акт преодоления: обстоятельств, себя, себя в недрах обстоятельств; жизнь как огонь и боль, именно такой она и встаёт со страниц лучшего его произведения – монументальной «Жизни и судьбы»...

НЕЖНОСТЬ И ВЫСОТА НИКОЛАЯ СТАРШИНОВА

Ночная пора... Власть мудрой ночи, тишины, из которой растут стихи, преодолевая незримые барьеры времени и сами неся в себе кванты добра, вовсе не обеспокоенные наличием добра материального:

*А мне теперь всего желанней
Ночная поздняя пора.
Я сплю в нетопленном чулане,
В котором не хранят добра.*

Чувство времени, как и чувство природы, – и то, и то ярко проявлены в стихах Старшинова, как, например:

*А мы позабыли на даче,
Что осень уже на дворе:
Как полдень июля, горячей
Была эта ночь в октябре.*

И в природу вписана любовь – или она и создана ею, столь огромной, что не вместит людское миропонимание? Или любовь и есть код всеобщности, всё объясняющий? Но стихотворение, продолжаясь мускулисто и лаконично, даёт представление о виртуозном владении поэтом поэтической эмоцией:

*И губы с губами встречались,
И руки – твои и мои...
За окнами сосны качались,
И пели всю ночь соловьи.*

*Но ты подняла занавески:
Деревья, земля и дома –
Всё стыло в серебряном блеске...
И сердце упало: зима.*

Опалённые ленты трагедии – начало, почти начало жизни поэта, ибо война оставляет раны навсегда, хоть и заживают раны телесные, ибо военная тема будет вибрировать раскалённой нитью в сознании, в душе до конца дней.

*Когда, нарушив забытьё,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»
А шли и гибли
За неё.*

Просто. Ярко. Без пафоса. Ибо военный труд, один из самых тяжёлых, вершится без пафоса, а если он идёт с осознанием своей правоты, то и смерть становится условностью, хотя не отменяет своей конкретности.

Тайна хлеба – о! – тут не просто пища, тут сила крестьянских корней и глубина землелепашеского рода; вечная тайна природы –

зимне-снежно-хрустальной ли, элегической осенней – разной, русской, богатой, вечное соприкосновение с ней: на рыбалке иль просто в недрах пейзажа – многое вбирает в себя изрядное наследие Николая Старшинова: вбирает, лучась добротою и теплом, столь непопулярными в наши дни.

ТАЙНА ДАВИДА САМОЙЛОВА

Сколько золотых размышлений в дневниках Давида Самойлова!

Идут вёрсты воспоминаний, мерцают и вспыхивают рассуждения о литературном деле, и таинственные дуги переносят в леса былого; мысли о социуме переплетаются с волокнами познания собственного бытования на земле...

Сок поэзии окрашивает прозаическо-философские дневники, но возникают его колонны поэзии... или сады, виртуозно возвращённые мастером...

Нечто вещее, провидческое наполняет сокровищницы созвучий:

*Я недругов своих прощаю
И даже иногда жалею.
А спорить с ними не желаю,
Поскольку в споре одолею.*

*Но мне не надо одолеть их,
Мои победы не крылаты.
Ведь будем в дальних тех столетях
Они и я не виноваты.*

Поэт, словно одолевая привычные оковы трёхмерности, проникает грядущее, данное в сложно понять каком измерении: но отсутствие там вины... свидетельствует само за себя...

Грохотали – легко вместе внешне исполненные – военные стихи Самойлова, ставшие столь известными, словно код войны вывел в формулах строк:

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где известь похоронные
И перестуки эшелонные.*

*Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...*

От сих хрестоматийных – до сквозных, убе-
лённо-снежных, предельно-терпко-грустных и
столь выразивших невыразимое стихов «Давай
поедем в город...» – вёрсты и тропы бытия, труд-
но и мощно преодолённые Самойловым:

*Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.
Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.*

Чуть печально?

Да нет – насквозь печально, и хоть бодро
и морозно – ощущение предсмертное, и нечто
хватает уже за горло сердце.

Но «Пярнуские элегии» прозвучат мело-
диями мудрости, и если и искривляют спокой-
ствие страсти, то эстетически стихи этого цикла
поднимаются к сложно определимому понятию
«совершенство»:

*Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живём иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.*

Волна в чём-то союзна с древесной ко-
рою, словно испещрённой надписями на пра-
языке, и Самойлов, чувствуя золотую нить
природной тайны, живописует сочинение
волны... песчаные послания... которые никто
не понимает...

Краткие строки: последняя элегия словно
бушует, отливая антрацитовым высверком льда
из-под снега:

*Чёт или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.*

*Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт,
Музыка – лекарь?
Музыка губит.*

*Снежная скатерть.
Мука без края.
Музыка насмерть.
Вьюга ночная.*

То, что лечит, может и погубить, а мастеру
достаточно поставить два точных слова. Вьюга
ночная – чтобы развернулась вся эта жуткая и
прекрасная, колдовская и чарующая вьюга...

Свитки её испещрены письменами.

...Вот метафизика серого цвета: не цвета
ли времени? Увы, так окрашены большинство
человеческих дней, сколько бы поэзия ни про-
тивостояла сему:

*Не белый цвет и чёрный цвет
Зимы сухой и спелой –
Тот день апрельский был одет
Одной лишь краской – серой.*

*Она ложилась на снега,
На березняк сторукий,
На серой морде битюга
Лежала серой скукой.*

Яркость, таинственно мерцающая, растёт изну-
три стихотворения, отменяя претензии внеш-
него мира: мол, всё подчиним серой холстине...

В поэзии Самойлова много праздника: в
самой эстетической оснастке стихов, в настрое
на световую волну.

В пантеоне Самойлова много перлов, мед-
ленно вызревших в раковине его души.

И суммарно явленное им находится в со-
ответствии с понятием «чудо».

«ЕСТЬ МУЖЕСТВО, ДОСТУПНОЕ НЕМНОГИМ...»

АДЫГАМ – ГЕРОЯМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Инвер ШЕУДЖЕН

Инвер Шеуджен – российский поэт и публицист, родился 22 февраля 1970 года в Краснодаре. В своё время с отличием окончил среднюю школу и Кубанский государственный технологический университет. Инвер Шеуджен – человек необычной творческой судьбы. Писать стихи он начал довольно поздно – в 45 лет, но уже через четыре года адыгский автор стал дипломантом IV Всероссийского литературного фестиваля «ЛиФФт» в Тюмени. Инвер Шеуджен – лауреат международных конкурсов и Национальной премии «Золотое перо Руси», серебряный лауреат VIII Всероссийского литературного фестиваля «ЛиФФт», дважды лауреат Всероссийского фестиваля-конкурса «Есенинский праздник поэзии», член Союза писателей Сербии, лауреат премии «Триумф». Стихи адыгского автора представлены во многих российских и зарубежных изданиях и переведены на разные языки мира. Общественные и творческие проекты Инвера Шеуджена отмечены благодарственными письмами губернатора Краснодарского края В. И. Кондратьева, вице-губернатора И. О. Чагаева, генерального директора Ассамблеи народов России Героя России А. В. Дарковича. На счету адыгского автора два изданных сборника стихов – «Звезда упала на ладонь» (2018) и «Откровение...» (2021), готовится к изданию электронный сборник «Избранное».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Закончилась войны эпоха,
И смыли горечь всю дожди.
Но почему не сделать вдоха
Без боли, что живёт в груди?..

И почему в цветущем мае,
То у Поклонной ли горы,

То на Мамаевом кургане,
Полно с цветами детворы?..

И отчего так плачут души
У ветеранов до сих пор?
А ветер времени не глушит
Судьбы жестокий приговор...

Казалось бы, о Великой Отечественной войне столько всего написано, сказано, снято, спето, что добавить что-то своё в эту историческую летопись памяти очень сложно. Но я уверен, что именно сейчас, в наше беспокойное, тревожное время, к этой близкой для каждого русского (в самом широком смысле этого слова) человека теме надо возвращаться вновь и вновь. Потому что именно герои той Великой Отечественной войны, известные и безымянные, живые и застывшие в гранитных обелисках, должны оставаться для нас нравственным ориентиром и символом мужества и любви к своей Родине! Как писал известный советский писатель Алексей Толстой, «наша страна стала колыбелью героев, огненным горном, где плавилась простые человеческие души, становясь крепкими, как сталь!». Такую страну не поставить на колени! Как и многие народы нашей многонациональной Отчизны, адыги внесли свой достойный вклад в Великую Победу над фашизмом. Из Адыгской автономной области на фронт ушло более 80 000 человек, а домой вернулось не больше трети. За беспримерное мужество и отвагу, проявленные в боях с гитлеровскими захватчиками, семерым этническим адыгам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза (четверым из них – посмертно!). Младший политрук Хусен Андрухаев, старший лейтенант

Кимчерий Бжигаков, гвардии рядовой Айдамир Ачмизов, лейтенант Исмаил Тхагушев, гвардии майор Даут Нехай, ефрейтор Алий Кошев, краснофлотец Абубачир Чуц – сегодня эти имена знает каждый адыгский мальчишка, от предгорий Кавказа до причерноморских аулов Большого Сочи! Читаю биографии своих земляков, истории жизни и подвига и поражаюсь: обычные аульские парни из простых крестьянских семей, они учились и мечтали о будущем, писали стихи, но пришла пора суровых испытаний – и встали они как один на защиту родной земли, и не дрогнули в минуту смертельной опасности, проявив невиданную силу духа и верности воинской присяге. «Псэм апэ напэ» («Честь дороже жизни!») – так гласит неписанный адыгский кодекс чести, и они, как настоящие воины и горцы, остались верны ему до самого конца! Бессмертен подвиг, как бессмертны люди, отдавшие свою жизнь за свободу и независимость своей Родины! И их имена навечно останутся в памяти нашего народа...

*Такая участь им досталась,
Солдатам тех сороковых.
Нам поклониться им осталось,
Всем поимённо, за живых...*

1. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АНДРУХАЕВ ХУСЕН БОРЕЖЕВИЧ (02.03.1920–08.11.1941)

И поэт, и воин...

Всего двадцать лет от рождения до смерти. Но сколько всего вместила в себя эта молодая жизнь! Поэзия, журналистика, военное дело и, наконец, великий воинский подвиг, прославивший Хусена Андрухаева на века! Имя первого среди советских писателей и адыгов Героя Советского Союза, как символ доблести и беззаветного служения Родине, известно далеко за пределами республики. Эти его последние, бессмертные слова: «Русские не сдаются» – как громогласное эхо, впитавшее всю силу родных гор, до сих пор наводят ужас на наших врагов!

Родился Хусен 2 марта 1920 года в ауле Хакуринохабль Шовгеновского района в многодетной адыгской семье. Любовь к чтению и родной литературе ему привила мама, Кутас Мешеровна, которая часто рассказывала детям адыгские сказки. Мальчик много читал и, вдохновлённый творчеством великих классиков русской и адыгской литературы – Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Теучежа, – сам начал писать стихи, и уже в 14 лет его первое стихотворение «Шехурадже» появилось в местной печати! Оно было посвящено маленькой речушке Шехурадж, на берегу которой и прошло детство Хусена. Именно в поэзии он видел своё призвание и, поступив в Адыгейское областное педагогическое училище, основал кружок молодых литераторов, который позднее начнёт выпускать журнал «Первые шаги». Творчество талантливого автора не осталось незамеченным, и в 1936 году его пригласили на I съезд писателей Адыгеи, где молодой литератор и познакомился со многими известными адыгскими авторами. А в мире уже было неспокойно. В Испании шли бои, а гитлеровская Германия всё ближе подступала к нашим границам. Именно в те дни Андрухаев написал стихотворение «Окутал Испанию дым»:

*Вы слышите – пушки грохочут.
Окутал Испанию дым.
Вы слышите голос рабочих:
«Товарищи, мы победим!»*

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Мемориальный комплекс имени Героя Советского Союза Хусена Андрухаева на его родине, в ауле Шовгеновский Республике Адыгея

*Вперёд выступают отряды,
Земля под ногами горит.
Сражаются интербригады,
Собой заслоня Мадрид!*

Хусен понимает, что война с фашистами уже не за горами, и принимает решение связать свою жизнь с воинской службой. В 1939 году он подаёт заявление о поступлении в Сталинградское военно-политическое училище, а уже летом следующего года, как один из лучших

в боевой и политической подготовке, курсант Андрухаев был принят в ряды ВКП(б). «У меня большая радость, – писал он своему другу – поэту Киримизе Жанэ, – меня приняли в партию!» Во время учёбы Хусен всерьёз увлёкся снайперским делом, показывая отличные результаты в стрельбе, и в дальнейшем именно он стал инициатором снайперского движения по всему Южному фронту. После окончания училища младший политрук Андрухаев был откомандирован в 733-й стрелковый полк 136-й дивизии генерал-майора Андреева, которая вела в это время тяжёлые оборонительные бои в районе Запорожья. Преодолевая ожесточённое сопротивление советских войск и не считаясь с потерями, гитлеровцы рвались на Донбасс, стремясь взять его в кольцо. И в первом же бою, проявив отменную выучку и смелость, Хусен Андрухаев уничтожил из снайперской винтовки 20 гитлеровцев! Политуправление Южного фронта по этому поводу выпустило листовку с призывом поддержать боевой почин политрука-снайпера. В короткие минуты отдыха Хусен пишет домой родителям: «Дорогие мои! Я никогда не забуду тех напутственных слов, с которыми вы провожали меня в армию, и я

вас не подведу! Сейчас нам тяжело, но мы разобьём ненавистного врага и вернёмся домой с победой».

8 ноября 1941 года в ожесточённом бою на окраине села Дьяково, что на Луганщине, 733-й стрелковый полк Андрухаева принял на себя основной танковый удар врага – фашисты бросили в наступление до сотни танков и до батальона пехоты. Войскам был дан приказ остановить и задержать врага до подхода резервов. В первые же минуты боя погиб командир роты, связь со штабом была потеряна, и тогда младший политрук Андрухаев, взяв

Бюст Героя Советского Союза Хусена Андрухаева в Северной Осетии, селе Эльхотово. 2023 г.

Памятник Хусену Андрухаеву на месте его гибели, в селе Дьяково, ЛНР

командование на себя, поднял бойцов в контратаку! Несколько часов под непрерывным огнём артиллерии и танков стрелки удерживали свои позиции, нанеся противнику немалый урон. Но враг продолжал наступать, стремясь окружить оставшихся в живых красноармейцев. Положение становилось критическим, и, чтобы сохранить остатки роты, политрук отдал приказ отступить, а сам с пулемётом и снайперской винтовкой остался прикрывать отход подразделения. Несмотря на ранение, Андрухаев до последнего продолжал вести бой, а когда закончились патроны, с криком «Русские не сдаются!» подорвал себя и окружавших его фашистов связкой противотанковых гранат! Весть о подвиге отважного политрука мгновенно разнеслась по всему Южному фронту. Его ставили в пример как символ невероятной силы духа и верности воинской присяге. 28 марта 1942 года в газете был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении младшему политруку Хусену Борежевичу Андрухаеву звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина (посмертно). После боя бригадному комиссару Леониду Брежневу принесли листки в пятнах крови с обгоревшей фотографией – всё, что осталось от партийного билета отважного политрука-адыга. И, выйдя к солдатам, комиссар сказал: «На советской земле Хусен был хозяином, и не мог он ответить врагам иначе... Вечная память герою!»

НАВЕКИ В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ...

Имя Героя Советского Союза Хусена Борежевича Андрухаева золотыми буквами высечено в зале Славы Центрального музея Великой Отечественной войны, в парке Победы города Москвы! На месте его гибели, в центре села Дьяково, установлен памятник, а на родине героя, в ауле Хакуринохабль Шовгеновского района, в 1975 году в его честь был торжественно открыт воинский мемориальный комплекс, где всегда много гостей, со всех уголков России! Имя Героя Советского Союза Хусена Андрухаева носят Адыгейский педагогический колледж и Майкопский артиллерийский дивизион, который сейчас выполняет боевые задачи в зоне СВО.

Переизданный сборник стихов Хусена Андрухаева «Я буду петь» на адыгском языке. 1971 г.

249 Вх №0076 148 780 64

Обязательно все графы заполнить полностью.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
Андрухаев Хусен Борежевич.

Фамилия, имя и отчество: **Ильяш политрук**
Воинское звание: **Политрук 2-й стрелковой 733-го стрелкового полка**
Должность, часть: **136 стрелк. дивизион**

Представляется к званию "Герой Советского Союза".

1. Год рождения: **1900**
2. Национальность: **член ККП/С/**

3. С какого времени состоит в Красной Армии: **с 1940 г.**
4. Партийность: **член ККП/С/**

5. Участие в боях (где и когда): **не участвовал**

6. Имеет ли ранения и контузии: **(не имел) Убит**

7. Чем ранее награжден (за какие отличия): **Наград не имеет.**

8. Каким РВК призван: **Ивановковским Краснодарского края**

8. Постоянный домашний адрес (представляемого к награждению или его семьи):

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига:

8-го ноября 1941 г. в районе села Дьяково на акорду стрелку наступало более двух рот пехоты противника. Три атаки немцев, отбитые отбиты со своей ротой политрук Андрухаев. Противник сбросил новые силы, коверкая путь врага пробил цепку Андрухаеву, который не бросил оружие и продолжал мужественно держаться и развил частоту. Три раза преимущественно один противник окружил политрука Андрухаева, патроны вышли все, отстреливаться было нечем. Непременно, младшеполковник политрук Андрухаев взял в обе руки противника гранаты и полетел на 4 метра противника и сержант "Боевые патры" получил осы и подбавил: "Сделайте".

за проявленные героизм, отвагу и смелость политрук Андрухаев представляется к званию Героя Советского Союза и награде Орденом Ленина с присвоением звания Героя Советского Союза.

Ком. д-р 788 сп полковник М. А. Маватов / Вет. Комиссар: Н. С. Мухомов

11 ноября 1941

Наградной лист на младшего политрука 2-й стрелковой роты 733-го стрелкового полка Хусена Андрухаева. 11 ноября 1941 г.

Велико и творческое наследие поэта-фронтовика, которое и поныне остаётся жемчужиной адыгской литературы. Хусен Андрухаев оставил после себя немало стихов, многие из которых были переведены на русский язык и представлены в сборниках «Моя жизнь» (1946) и «Я буду

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

петь» (1971), а поэтический сборник «Считайте меня живым» (1976) на русском и адыгском языках был удостоен литературной премии Кубанского комсомола имени Н. Островского. В тихие летние вечера на окраине села Дьяково, если прислушаться, можно и сейчас услышать негромко звучащий голос поэта и его строки из «Песни молодости»...

*Сердце молодое веселится –
Все мы рады радостью одной.
И летит крылатая, как птица,
Песня над свободною страной...*

Мы живы, пока мы помним...

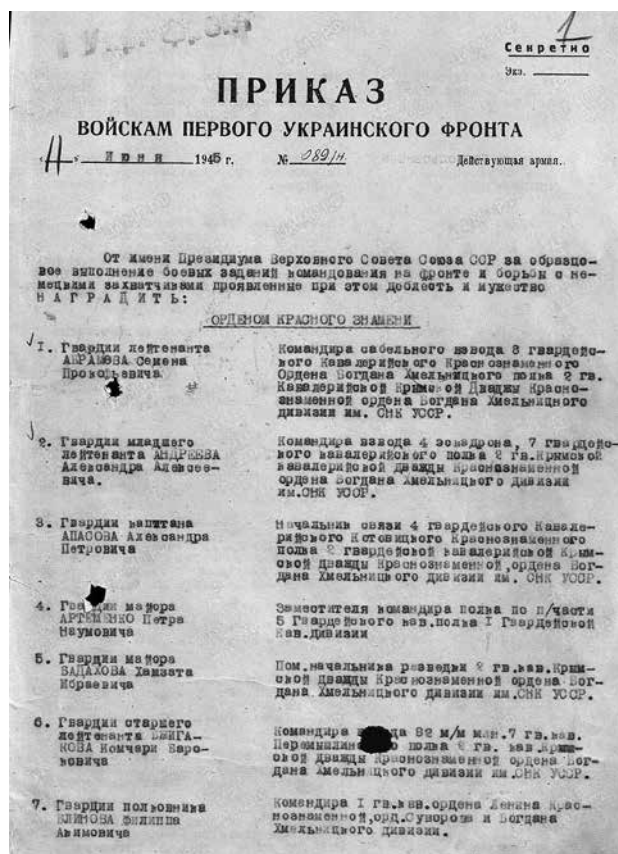
2. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БЖИГАКОВ КИМЧЕРИЙ БОРОКОВИЧ (КАМЧАРИ БАРОКОВИЧ) (15.11.1919–28.10.1991)

*И встали в строй и стар и млад,
Из Курска, Ржева, Конотона.
Держали насмерть Ленинград,
Вгрызаясь в каждый метр окопа.*

*И умирали под Москвой,
В замёрзшем поле, среди ада.
У Сталинграда, где порой
На роту было три солдата...*

Кимчерий Бжигаков родился 15 ноября 1919 года в ауле Глюстенхабль ныне Теучеж-

ского района Республики Адыгея в многодетной крестьянской семье. Школа-семилетка, работа в колхозе, учёба в Адыгейском педагогическом училище – обычная биография для адыгского юноши того времени. Но в душе Кимчерий всегда мечтал стать офицером, и Великая Отечественная война в полной мере раскрыла его воинский талант. В 1940 году Бжигаков был призван в ряды Советской армии, где с отличием окончил полковую школу офицеров. Начало боевых действий встретил на границе СССР и Румынии. Всю войну старший лейтенант Кимчерий Бжигаков прошёл в рядах одного подразделения – легендарной 9-й кавалерийской (позднее гвардейской) дивизии генерала Белова, был дважды ранен, но всегда возвращался в строй! Именно казаки-кавалеристы смогли остановить 2-ю танковую армию Гудериана на подступах к Москве. Впервые в истории Великой Отечественной войны конница противостояла танкам, но дерзкий план советского

Приказ о награждении старшего лейтенанта Кимчерия Бжигакова орденом Красного Знамени. 11.06.1945 г.

Бюст Героя Советского Союза Кимчерия Бороковича Бжигакова на его родине в ауле Тлюстенхабль, Адыгея.

командования сработал, и враг был отброшен от столицы! «От Каширы до Венёва прошла конница Белова», – пели в походах казаки! Командир взвода миномётчиков старший лейтенант Кимчерий Бжигаков прошёл большой и славный фронтовой путь – освобождал Донбасс и Украину, Молдавию и Польшу, принимал участие в знаменитой Львовско-Сандомирской операции, форсировал Одер и Эльбу, неоднократно был отмечен командованием за грамотные командирские качества и личное мужество. Особенно он отличился в ходе Берлинской наступательной операции и форсировании реки Эльбы. Взвод лейтенанта Бжигакова, одним из первых переправившись на правый берег, более двух суток под непрерывным огнём противника удерживал захваченный плацдарм, уничтожив в ходе боя свыше ста гитлеровцев и несколько пулемётов! Кимчерий был тяжело ранен, но не покинул позиций и продолжал руководить подразделением. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» гвардии старшему лейтенанту Кимчерию Бороковичу Бжигакову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая

Звезда»! После очередного ранения он был комиссован и отправлен в тыл. Золотая Звезда Героя, орден Ленина, орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны II степени, три ордена Красной Звезды, медаль «За оборону Москвы» – Родина по достоинству оценила ратный подвиг адыгского воина! После войны Кимчерий Борокович продолжил службу в рядах Вооружённых сил, и в 1967 году в звании полковника вышел в отставку. После переезда в г. Краснодар он работал в органах МВД и принимал активное участие в патриотическом воспитании молодёжи. Скончался Кимчерий Борокович 28 октября 1991 года и был похоронен в родном ауле Тлюстенхабль, где его именем названа одна из центральных улиц.

НЕ ВЛАСТНО НАД ПОДВИГОМ ВРЕМЯ...

Имя Героя Советского Союза Кимчерия Бороковича Бжигакова золотыми буквами высечено в зале Славы Центрального музея Великой Отечественной войны, в парке Победы города Москвы! На его могиле в родном ауле Тлюстенхабль установлен воинский памятник, а на здании Адыгейского педагогического колледжа в городе Майкопе, где он в своё время учился, – мемориальная доска. Именем Героя Кимчерия Бжигакова названы улицы во многих районных центрах Республики Адыгея.

Фото из семейного архива. Полковник запаса Кимчерий Борокович Бжигаков. Краснодар

3. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТХАГУШЕВ ИСМАИЛ ХАЛАЛОВИЧ (17.03.1920–15.10.1943)

Исмаил Тхагушев родился 17 марта 1920 года в ауле Малое Псеушко ныне Туапсинского района Краснодарского края в семье причерноморских адыгов. После окончания семилетки и курсов бухгалтеров работал в родном колхозе. В июле 1940 года Исмаил был призван в ряды Красной армии и после успешного окончания курсов младших лейтенантов отправлен на фронт. Старший лейтенант Исмаил Тхагушев прошёл большой боевой путь, от простого солдата до командира роты 89-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии, был дважды ранен, но всегда возвращался в строй. «Грамотный и смелый командир, способный решить любую воинскую задачу. Его отличает бережное отношение к личному составу и умение повести бойцов за собой», – так отзывалось о молодом лейтенанте командование. В редкие минуты отдыха между боями Исмаил пишет домой родителям: «Дорогие мои, как вы там? Я скучаю по нашему дому и аулу! Не волнуйтесь, у меня всё хорошо. Воюю не хуже других! Верю, что скоро погоним мы ненавистного врага с родной земли, и я вернусь домой с победой! Отец, я помню твои напутственные слова и не подведу тебя!» И он сдержал своё слово!

24 сентября 1943 года передовые части 23-й стрелковой дивизии под командовани-

ем генерал-майора А. И. Королёва вышли к Днепру у села Студенец и начали подготовку к форсированию реки. Перед войсками была поставлена задача максимально скрытно переправиться на правый берег, занять плацдарм и обеспечить тем самым успешную переправу и наступление основных сил армии! В ночь на 26 сентября стрелковая рота лейтенанта Тхагушева первой форсировала Днепр и стремительным броском овладела господствующей высотой 175,9! Теперь главной задачей десанта было закрепиться и удержать рубеж. Не теряя ни минуты, командир роты приказал бойцам окопаться и заминировать наиболее опасные подходы к высоте. На рассвете следующего дня, пытаясь выбить стрелков, немцы бросили в бой до батальона пехоты при поддержке шести тяжёлых танков «Тигр». Враг лез напролом, будучи уверенным в том, что после массированных ударов артиллерии и бомбёжек с воздуха без труда вернёт рубежи и сбросит наших солдат в Днепр. Но бойцы лейтенанта Тхагушева стояли насмерть, проявляя невиданные стойкость и мужество! Под непрерывным огнём противника

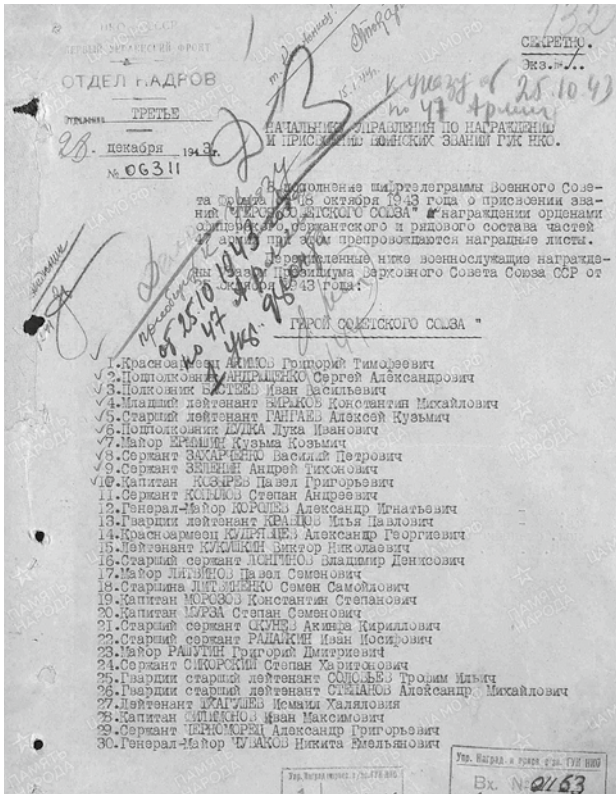

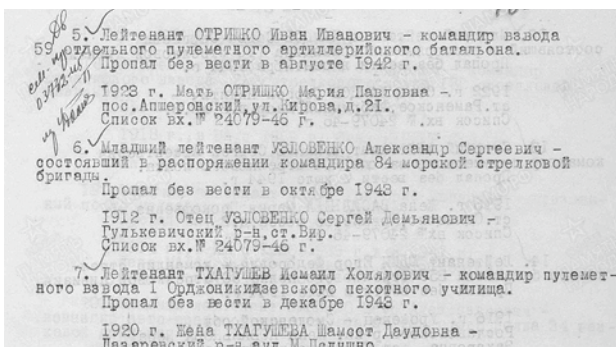
его рота более пяти суток удерживала высоту, давая возможность основным силам дивизии завершить переправу и развернуть наступление на правом берегу. В самые напряжённые минуты боя, несмотря на ранение, командир роты лично поднимал бойцов в атаку, сбивая контратаки врага. И гитлеровцы отступили, оставив на берегу до 180 человек убитыми и несколько подбитых танков. Наступление советских войск по освобождению правобережной Украины продолжалось!

«Никто не забыт...» Мемориал Герою Советского Союза И. Х. Тхагушеву на родине, в ауле Малое Псеушко Туапсинского района. 1970 г.

Приказ о награждении лейтенанта Исмала Халаловича Тхагушева званием Героя Советского Союза. 28.12.1943 г.

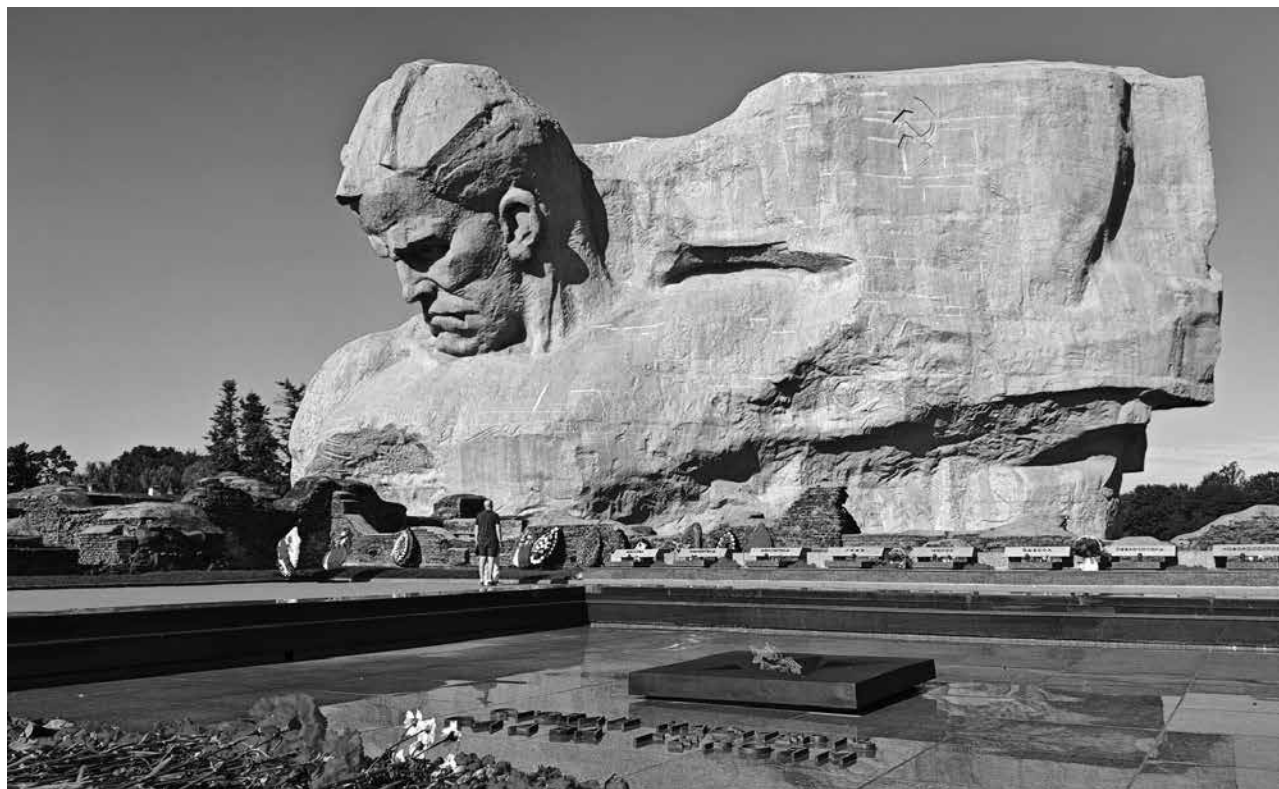

Приказ об исключении из списков пропавших без вести лейтенанта И. Х. Тхагушева 31 декабря 1946 г.

Родина высоко оценила подвиг отважного сына адыгского народа. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1943 года «за стойкость и мужество, проявленные в боях при форсировании Днепра, и удержание захваченного плацдарма в районе Канева», уроженцу аула Малое Псеушко Туапсинского района лейтенанту Исмаилу Халаловичу Тхагушеву было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»! А 15 ноября 1943 года Исмаил Тхагушев геройски погиб в боях под Житомиром. Он был похоронен в селе Лещин Житомирского района, на территории местной школы.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ...

Имя Героя Советского Союза Исмаила Халаловича Тхагушева золотыми буквами высечено в зале Славы Центрального музея Великой Отечественной войны, в парке Победы города Москвы! На днепровских кручах, в районе высоты 175.9, был воздвигнут воинский мемориал в честь отважных стрелков-десантников. Именем Героя Советского Союза Исмаила Тхагушева названы средние школы в селе Георгиевском Туапсинского района и ауле Хаджико Лазаревского района Сочи, а в родном ауле Малое Псеушко в его честь установлен памятник и мемориальная доска. Память об отважном сыне адыгского народа навсегда останется в наших сердцах!

ЖАРКОЕ УТРО 22 ИЮНЯ: ВОСТОЧНЫЙ ФОРТ

Андрей СКИЛУР-ХАЗИЕВ

Солнце ещё пряталось за горизонтом, и лишь восточная сторона ночного неба постепенно светлела. Молочно-белёвые паруса тумана расстилались, слегка колыхались над гладью Западного Буга и Мухавца. Стены казарм, заземлённые казематы и редуты, артиллерийские батареи, складские и хозяйственные постройки тёмной громадой замерли вдоль берегов и под кронами молчаливых деревьев. Обманчивая тишина будто ватным одеялом укутала все четыре острова Брест-Литовской крепости – Западный (Пограничный), Южный (Госпитальный), Центральный (Цитадель) и Северный (Кобринский). Крепость спала мирным сном, ведь на смену субботе спе-

шило долгожданное для многих воскресное утро. Жаркое утро 22 июня 1941 года...

Дневальный по 3-й, учебной, батарее 393-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона красноармеец Андрей Пугачёв задумчиво взглянул на огонь керосиновой лампы. Ровно в полночь по всей территории крепости почему-то выключилось электроосвещение, аварийное не включили, в том числе и на Северном острове – в воинских частях Кобринского укрепления, и в их Восточном форту. Дневальному пришлось зажечь керосинку. Хорошо всё же, что старшина не забыл заправить лампу свежим керосином! Ведь так было положено по инструкции, а инструкции старшина уважал. Вот и пригодилась эта немного чадящая, но с довольно чистым стеклом лампа.

Видимо, сам старшина её начистил или заставил сделать это кого-нибудь из рядовых солдат. А Пугачёву очень нужен был свет: он решил не терять времени попусту и написать письмо своей любимой девушке на родину – в село Новосельцево Тамбовской области.

Вот и последняя строка письма легла на бумагу. Андрей вложил письмо в конверт и написал на нём адрес. Поглядел на часы, висевшие в дежурном помещении: без пятнадцати минут четыре часа утра. За окном, в полумраке, чуть забрезжила розовая полоска рассвета. Пугачёв подумал, что его смена придёт только в четыре часа, у него есть время и можно успеть написать ещё одно письмо – маме. Но письма так и остались лежать на столе. Их поглотил ветер войны...

Оглушительный, громоподобный звук прорезал тишину. Где-то что-то сверкнуло, и стены казармы жалобно задрожали. «Наверное, гроза, – подумал дежурный по дивизиону начальник связи лейтенант Андрей Домиенко. – Ещё с вечера парило, да и старшина, опытный вояка, сразу сказал, что пахнет грозой». Но тут раздался второй удар, потом третий... В окнах вылетели стёкла, осколки разлетелись по комнате. Лейтенант подбежал к окну и выглянул: в сумраке раннего утра он увидел летящие по небу многочисленные самолёты. Разглядеть, чьи они, не было возможности – слишком ещё темно. Но через секунду-вторую всё прояснилось: с омерзительным, устрашающим воем с неба, как горох, посыпались бомбы. Взрыв! Ещё взрыв, ещё... А это уже не бомбовые удары, это артиллерия! Домиенко – артиллерист, он знает, как звучат разрывы снарядов.

Сплошной гул орудий, завывание и грохот авиационной бомбардировки, огненные в полумраке вспышки сотрясали землю. Взрывы, будто удары гигантским молотом, накрыли Брестскую крепость. Они несли разрушение, страх и панику. Восточный форт, состоявший из двух подковообразных редутов – внешнего и внутреннего, – весь в земле, его трудно разбомбить, но и он зашатался.

Красноармейцы-зенитчики в казармах попрыгали с двухъярусных нар, крутили стриженными головами:

– Что это, братцы? Что случилось? Немецкая провокация?

– Да артиллерийский склад, наверное, рвануло! Мало ли у нас головотяпов и разгильдяев!

– А может быть, это землетрясение? У нас в Алма-Ате такое часто бывает.

Но удары всё чаще, всё оглушительнее. С потолка сыпалась штукатурка.

– Война это, вот что! – веско сказали старослужащие. – С немцами война. Скоро ждите гостёчков, пойдут они на нас в наступление!

Многие из них прошли советско-финскую войну, они хорошо знали, что такое артподготовка и авианалёт перед атакой.

– Дивизион, в ружьё! Это не провокация, это война! – ворвался в казарму дежурный офицер лейтенант Домиенко. – Старшина, раздать оружие и патроны!

Наблюдатель отделения разведки красноармеец Владимир Быков, как и его товарищи по взводу управления 3-й огневой батареи, кинулся к пирамиде с карабинами, выхватил свой родной, образца 1938 года, и запасся от старшины патронами. Никто уже не сомневался: проклятые германцы, фашисты напали на Советский Союз. Но в голове Быкова всё равно крутилась мысль: «Как же мы такое допустили?.. Нам же в газетах и по радио всё время твердили, что у СССР с Германией пакт о ненападении, что мы дружеские страны и нам никак нельзя поддаваться на провокацию...»

Откуда-то, скорее всего из домов комнатностава, где проживали многие командиры 393-го зенитного артдивизиона, примчался командир 1-й огневой батареи старший лейтенант Сергей Шрамко. Он сразу взял на себя организацию отпора врагу. По приказу комбата Шрамко бойцы разных подразделений дивизиона заняли оборону у окон обеих этажей казармы. В соседних казармах происходило то же самое. К зенитчикам присоединилась и находившаяся по соседству транспортная рота 333-го стрелкового полка.

Артиллерийский обстрел крепости – артподготовка перед вторжением в её пределы – стих внезапно. Исчезли и немецкие самолёты-штурмовики Ю-87. В наступившей тишине раннего утра слышался треск полыхавших домов командного и начальствующего состава. В горящих конюшнях обречённо ржали лошади, в повреждённых

складах рвались боеприпасы, в автопарках – автомобильные бензобаки и бочки с горючим. Над Кобринским укреплением, надо всем Северным островом клубился чёрный удушливый дым. Что происходило в других частях крепости, отсюда, из Восточного форта, видно не было, но и там пальбы и взрывов пока не слышалось.

А вот и «гостёчки»: словно привидения, они возникли из тумана и полутьмы утренней зари. Серые, мышинные фигурки появились в створе ворот, ведущих во двор внутренней «подковы» – редута Восточного форта. Молча, короткими перебежками, пригнувшись, они начали быстро приближаться к казармам. У Быкова вдруг замерло, заняло сердце, во рту будто наступила засуха, державшие карабин руки дрожали. Он первый раз в жизни видел живых немецких солдат. «Как же я буду стрелять по ним? Ведь это же не фанерные мишени, по которым нас учили выпускать пули и снаряды, это же живые люди! – лихорадочно, с трепетом в душе думал Владимир. – Ну да, они – непрошеные гости, они – враги, посягнувшие на священную советскую землю. Да, я – красноармеец, я давал присягу защищать Родину до последней капли крови, но я ещё никого не убивал! Как же так...» Краем глаза он видел, как елозит локтями по подоконнику, водит из стороны в сторону винтовкой Мосина боец слева, как нервничает, целится между оконных рам боец справа. Это его товарищи по 3-й батарее телеграфист Женя Архипов и «огневик», воин огневого взвода, Андрей Пугачёв. Видать, тоже сомневаются... Но, слава богу, всякие несвоевременные и трусоватые мысли всегда есть кому прервать.

– Огонь! – скомандовал старший лейтенант Шрамко.

Быков, как учили, мягко и неспешно нажал на спусковой крючок: карабин немного дёрнулся в его руках и выплюнул из ствола горячую пулю. Со всех сторон, изо всех окон грохнул дружный залп. Владимир целится в толстого и заметного немца с ранцем за спиной, и тот, кажется, упал. «Ага, попал! Будешь к нам ещё ходить... Отходился... И совсем это не страшно – убивать врагов. Ведь врагов же...» – пронеслось в голове у Быкова. Он резко повернулся к одному соседу, потом к другому.

– А что, ребята, вот так и будем их бить! Этих гитлеровских ублюдков! – с энтузиазмом произнёс артиллерийский разведчик.

Пугачёв уже снова целился, готовился выстрелить, а Женя Архипов взглянул на Быкова так, как смотрят на сумасшедшего.

– Ну чего скалишься-то? Рано радоваться, всё ещё впереди!

Как бы ему в ответ по оконной раме вдруг хрястнула пуля, оторвала от её края щепку и вонзилась в кирпичный проём. Стёкла жалобно звякнули и рассыпались на полу. Немцы залегли и открыли по зенитчикам автоматный огонь. Быков на всякий случай присел и спрятался за стеной. Кого-то ранило, один боец рухнул замертво. Их оттащили по коридору подалее от окон.

И тут из дверей казармы во двор выбежал старший лейтенант Шрамко. Он выхватил из кобуры ТТ, поднял его над головой и крикнул:

– Красноармейцы, бойцы! Примкнуть штыки! За Родину, за Сталина, вперёд! За мной, в атаку!

Владимир Быков уже ни о чём не думал, он просто привык подчиняться воинской дисциплине и приказам командиров. Вместе со всеми он бросился на первый этаж – к выходу из казармы. Из окон первого этажа выпрыгивали бойцы. Все бежали за Шрамко, а он левее и впереди всех – с непобедимой решимостью в лице, стреляя на ходу из пистолета.

Немецкий ручной пулемёт заработал внезапно, когда густая толпа красноармейцев уже пробежала метров тридцать в сторону врага. Он строчил, как швейная машинка – безостановочно, деловито, и его очереди прошивали людей насквозь. Будто скошенные снопы, бойцы валились на замощённый, но с утра замусоренный битым кирпичом, изрытый вражескими миномётами внутренний двор подковообразного Восточного форта. И первым упал Сергей Феодосьевич Шрамко. Пробегая мимо него, Быков видел тускнеющие глаза старшего лейтенанта, его пальцы конвульсивно сжимали оружие, на груди расплывалось кровавое пятно.

– Ах, суки! Ну держитесь, фашистские морды! Вперёд, братцы! Ур-ра-а-а! – угрожающе заорал, даже зарычал один из старослужащих.

– Ура-а-а! Ура-а-а! Ура-а-а! – прокатилось по рядам бегущих.

Древний боевой клич славянских воинов, отважных русских витязей словно окрылял атакующих, добавлял им сил и внушал ужас врагам. Когда бойцы-зенитчики добежали до ворот, где таился штурмовой отряд гитлеровцев, лишь немногие из немецких солдат посмели вступить с ними в рукопашную схватку. Их смели почти мгновенно, большинство предпочли ретироваться.

Владимир Быков, утирая пот с раскрасневшегося лица, рассматривал трофейный немецкий автомат. Он достался в рукопашном бою, в котором зенитчик заколол штыком немецкого ефрейтора. Красноармейца мутило, и он старался не глядеть в сторону мёртвого тела, распластавшегося у его ног.

– Тошнит, небось, а? Ты не соромись, хлопец, спрячься в сторонку и освободи желудок. В першем бою, хлопец, такое часто бувае, – сказал старшина-хохол.

Владимир не хотел выглядеть слабаком и всячески сдерживал рвотные позывы. Чтобы хоть как-нибудь отвлечься, он спросил старшину Николая Павленко:

– И как пользоваться этой штуковиной? Я такую ещё не видел...

– Да мало ли чего ты не бачил, Быков! Ничего, научишься, в бою германское оружие точно тебе пригодится, – ответил старшина и крикнул: – Хлопцы, собирайте у германца оружие! Тягайте всё в наши казармы!

Красноармейцы вернулись на исходные позиции, в форт. У некоторых, как у Быкова, появилось трофейное оружие – автоматы, карабины, штык-ножи, гранаты с длинной ручкой.

– Слушать меня! Ввиду гибели комбата Шрамко беру командование на себя! – объявил вдруг сержант Барух Букенгольц.

С командиром отделения разведки взвода управления 3-й огневой батареи никто не спорил. Все понимали: если нет офицеров, в командование могут вступать младшие командиры, а Букенгольца знали как образованного и инициативного сержанта, тем более что Барух сам взваливал на себя тяжкую ответственность.

– Занять позиции на внешнем валу форта! Окопаться! – приказал Букенгольц.

Зенитчики выполнили приказание сержанта и подготовились к обороне – выкопали на земляном валу вокруг Восточного форта окопы, заняли их. Вскоре пришёл начальник связи лейтенант Домиенко и, как старший по званию, возглавил оборонительные рубежи дивизиона. Немцы окопались внизу, вокруг внешней «подковы» форта, постреливали из автоматов и карабинов. Кроме того, они установили пулемёты в захваченной ими санчасти 125-го стрелкового полка, как раз напротив ворот во внутреннюю «подкову», где недавно была отбита их атака, и начали обстреливать позиции советских солдат из этих пулемётов, а затем из миномётов. Когда мины стали рваться на валах Восточного форта, там появились первые раненые, сержант Букенгольц снова подал голос:

– Все вниз, в укрытие!

Когда вражеский огонь стих, в Восточный форт пробрались те, кто не смог прорваться из крепости через Северные ворота и был вынужден оставаться на территории Кобринского укрепления. Среди них было несколько десятков красноармейцев из разных частей, младшие командиры, политруки, а также множество гражданских – жёны, дети и пожилые родители командиров. Женщины во главе с военфельдшером лейтенантом медицинской службы Раисой Абакумовой сразу же принялись перевязывать, поить и кормить раненых, подростки помогали набивать патроны в пулемётные ленты. Вновь прибывшие надеялись на спасение среди толстых и засыпанных землёй стен форта, думали дождаться прибытия подмоги из Брест-Литовска. Ведь не могло же быть ничего другого, ну кто мог представить себе, что Красная армия бросит на произвол судьбы окружённый гарнизон Брестской крепости?! Одно было плохо: немцы разрушили в крепости водопроводную систему, лишили её защитников воды, и очень скоро жажду ощутили не только раненые, но и все остальные. От жажды у многих мутился рассудок.

– Беру командование гарнизоном форта на себя! – объявил пришедший с группой бойцов и командиров майор из пехотной части.

Это был командир 44-го стрелкового полка Пётр Гаврилов. Как опытный пехотинец, он осмотрел оборонительные рубежи защитников форта и усовершенствовал их. По его приказу из складов были доставлены боеприпасы, солдаты ещё больше углубили свои окопы на земляных валах и соединили их траншеями, ходами сообщения, из них были устроены, пробиты в земле и кирпичных потолках потайные лазы внутри казематов. Теперь бойцы могли быстро перемещаться из одного места обороны в другое, эвакуировать раненых, разные подразделения общались друг с другом, а во время немецких обстрелов можно было спастись в подземных укрытиях. Возле всех окон в двухэтажной казарме внутренней «подковы» Восточного форта залегли воины с ручными пулемётами и винтовками. Они держали под обстрелом ворота – «концы подковы», где ещё вчера, в мирное время, был КПП. К 8:00 гарнизон Восточного форта, хорошо вооружённый и готовый к бою, полностью контролировал все подходы к своим позициям, гитлеровцы это поняли и взяли паузу, на время куда-то попрятались.

Связисты зенитного артдивизиона обеспечили линию обороны телефонной связью, со складов доставили рацию, и майор Гаврилов составил первое радиодонесение в штаб 42-й стрелковой дивизии, в штаб 4-й армии.

– лейтенант! Кто у вас может работать на радиации? Есть таковые? – обратился майор к Домиенко.

– Так точно, имеются! Вот, например, боец Головешкин, – отрапортовал начсвязи зенитного дивизиона лейтенант Андрей Домиенко.

По вызову явился красноармеец Алексей Головешкин – радиотелеграфист взвода управления дивизиона. Симпатичный, сероглазый, с чувственными губами, простой тамбовский парень из деревни Можаровка Кирсановского района, Лёша считался одним из лучших в своём радиотделе. Владимир Быков хорошо его знал – их вместе призывали из Тамбова, где Головешкин трудился на каком-то предприятии.

Трофейные немецкие часы на руке у кого-то из сержантов показывали 8:30. Солнце поднялось над остатками превращённых в уголь деревьев, над пылающей вдалеке Цитаделью – стало хорошо

видно, как там горели так называемые кольцевые казармы, пограничная застава, здание Инженерного управления, костёл и Белый дворец. А ещё там трещали пулемёты и бухали артиллерийские орудия – шёл смертельный бой. И в этот момент немцы опять обрушили на крепость, в том числе и на её Северный остров, всю свою нерастраченную злобу, всю мощь штурмовой артиллерии и авиации. Казалось, что сам дьявол со сворой хохочущих огненных чертей десантировался с неба, будто наступил апокалипсис: оглушающий гул, жуткий рокот и дикий вой, чёрный удушливый дым, безудержный смерч из пламени и смерти. Земля стонала и ходила ходуном, защитники Восточного форта вынуждены были покинуть окопы и траншеи и спуститься в глубокие подвалы. Там можно было немного отвести душу, поговорить. В одном из помещений встретились друзья-зенитчики.

– А что, земляки, они ведь снова полезут на нас, как только закончится вот эта бодяга! – не без оснований предположил бывший тамбовский токарь, а ныне «огневик» из 3-й батареи Аверьян Бычков.

– Как пить дать полезут. А что им, этим гансам поганым, остаётся? Мы же не сдаёмся и не сдадимся. Чёрта лысого им, Красная армия скоро даст им отпор и выручит нас, – заявил Борис Антонов, наводчик из разведотделения 1-й огневой батареи, выпустив в потолок облако махорочного дыма.

– Ну да, вы там, в вашем Котовске, все такие упёртые, вас ничем не сломить. Коли уж дерётесь, так до упаду, из сопатки капает, а туда же – грудь колесом, герои! – съехидничал ещё один «огневик» из 3-й батареи, ефрейтор Алексей Бабаев.

– А ты, Лёша, чего-то против котовских имеешь, а? Или против 1-й батареи бочку каатишь? – поинтересовался товарищ Антонова по разведке и взводу управления, дальномерщик Саня Телешев. – Вон Володя Быков тоже из артиллерийской разведки, но он ведёт себя скромно, никого не подначивает. Хотя он сегодня одного немца штыком так проткнул, что прямо любо-дорого. Я сам видел.

Быков промолчал, но тут в разговор вклинился Алексей Кузнецов – они дружили с Владимиром и жили в Тамбове недалеко друг от друга,

но служить им пришлось в разных подразделениях: Быкову в 3-й, а Кузнецову – во 2-й батарее, хотя по одной специальности. Он сказал:

– Хватит вам, братцы, про ерунду говорить. Лучше бы нам подумать, как встретить вдругорядь немчуру. Я вот вспомнил, у нас же был на складе спаренный, четырёхствольный зенитный пулемёт. А не достать ли нам его? Вот тогда нам будет чем отбиваться от гадов.

У Бабаева загорелись глаза:

– Ну не зря же ты у нас, Антоныч, старший наблюдатель отделения разведки! Наблюдательный ты очень! Конечно, есть там, на складе, одна ЗПУ – зенитная пулемётная установка. Мы совсем про неё позабыли! Давайте откроем склад и заберём её.

Пока продолжался обстрел форта, зенитчики организовали доставку ЗПУ из склада в подвале на второй этаж казармы. Нашлись и ленты с патронами. Четырёхствольный зенитный пулемёт типа «Максим» угрожающе смотрел из окна в сторону двора и ворот, откуда опять ожидалась немецкая атака. Подошёл лейтенант Андрей Домиенко, отвечавший по приказу майора Гаврилова не только за связь, но и за обеспечение оружием и боеприпасами – за боепитание.

– Кто будет обслуживать это орудие, эту зенитную установку? – сразу спросил он.

Артиллеристы, зенитчики-тамбовцы перминались с ноги на ногу.

– А из нас никто не умеет, нас не обучали обращаться со спаренными пулемётами, – честно признался Алексей Кузнецов – Антоныч.

– Оно понятно, если речь идёт о разведчиках из взвода управления огнём, о Быкове, Антонове и Кузнецове, это не их служба, но как же вы-то, товарищи Бабаев и Бычков, бойцы огневых отделений, не умеете стрелять из ЗПУ? – раздосадовался Домиенко.

– Да вот так получилось: не успели пройти обучение, – виноватым голосом ответил Бычков.

Вдруг из темноты казармы к окну шагнул воин в изорванной и окровавленной форме пограничника. На глазах его сверкали слёзы.

– Дайте мне попробовать, я сумею управлять с зенитной установкой! Мне ненависть к врагу поможет... – негромким голосом, но решительно

произнёс пограничник и упрямо мотнул перевязанной головой без фуражки. – Я, младший лейтенант Ануфриев, это говорю, а моё слово – кремень...

Домиенко уже встречал этого раненого, много уже пережившего в первый же день войны пограничника. Он махнул рукой:

– Принимайте команду, Ануфриев, и научите своей науке наших артиллеристов.

Когда новая лавина немецкой штурмовой пехоты опять ринулась на Восточный форт, во дворе внутреннего редута («подковы») их ожидал сюрприз: шквал огня из счетверённой зенитной пулемётной установки буквально скошил первые ряды наступавших. Крупнокалиберные пули легко пробивали каски, дробили черепа, перерезали пополам тела иноземных захватчиков, спасения от них не было.

– Натё вам, гадёныши, получайте! Это вам за наших пограничников, это вам за их жён и ребятишек! – цедил сквозь зубы младший лейтенант Ануфриев.

Алексей Антонов только успевал подавать пограничнику новые пулемётные ленты, а Владимир Быков, Борис Антонов, Евгений Архипов, Андрей Пугачёв, Алексей Бабаев и другие артиллеристы-зенитчики забрасывали врага «феньками» – гранатами Ф-1. Но вот удар немецкого минамёта достиг цели – ударной волной Ануфриева отбросило в одну сторону, Кузнецова – в другую. Четырём же спаренным «Максимам» – хоть бы хны! К зенитной установке подбежали бойцы 393-го зенитно-артиллерийского дивизиона.

– Ну чего, ребята, смотрите? – первым очнулся младший лейтенант. – Беритесь за орудие, учиться лучше всего в бою!

Через минуту к ЗПУ встали новые пулемётчики, они очень быстро освоили новое для них оружие. Оно стало настоящим спасением для всего гарнизона Восточного форта, немцы панически боялись зенитной установки и отказывались открыто атаковать двор внутреннего редута. Но теперь они усилили огонь своей артиллерии, в том числе от захваченных ими домов командного состава.

– Ну а что же мы? Мы разве не артиллеристы? – спросил старшина Николай Павленко, отпуская рукоятки ЗПУ.

Участвовавший в отражении вражеской атаки, тоже научившийся стрелять из счетверённого пулемёта лейтенант Домиенко не возражал.

– Да, нужно выбить немцев из домов командсостава. Это облегчит наше положение, – сказал он.

Решили быстро: ефрейтор Алексей Бабаев со своим огневым отделением, а также добровольцы-разведчики – наводчик Борис Антонов и дальномерщик Александр Телешев – проберутся в артиллерийский парк зенитного дивизиона, к своим 76-миллиметровым зенитным пушкам. Артпарк находился всего в нескольких сотнях метров восточнее форта, но всё это расстояние простреливалось немцами.

– Айда, бойцы! Как говорится, Бог не выдаст, свинья не съест! Рискнём – добежим и дадим этим германским скотам по мордалам! – повёл за собой красноармейцев ефрейтор Бабаев.

Зенитчики объявились совсем неожиданно для немцев: среди бела дня они дружно, одновременно скатились с земляного внешнего вала Восточного форта и так быстро побежали, петляя, к артиллерийскому парку, который враг почему-то не успел уничтожить (видно, берегли для себя), что гитлеровские пулемётчики просто не успели как следует прицелиться. Но град пуль всё же понёсся вдогонку смельчакам, хотя и запоздало. Но вот красноармейцы уже возле сиротливо стоящих, никем не охраняемых пушек (охрана или погибла, или разбежалась). В снаряжных ящиках оказалось всего несколько боезарядов.

– Ну что ж, братья-славяне, будем бить тем, что имеем. Заряжай орудия! Телешев, определи расстояние до цели, Антонов, наводи на цель!

Забегали подносчики снарядов, заряжающие приготовили пушки к стрельбе, а Саша Телешев и Борис Антонов выполняли свою привычную работу.

– Прямой наводкой! Беглым! Огонь! – скомандовал Алексей Бабаев.

Со второй попытки снаряды легли рядом с домами, в которых ещё ночью жили семьи командиров из разных частей Брестского гарнизона, и не только из крепостного военного городка. Очень скоро немцы покинули разрушенные и горящие здания. Когда кончились снаряды, Бабаев отдал приказ отступить в Восточный форт. Практически

без потерь зенитчики вернулись в расположение своей части.

– Молодцы, ребята, навели шухер, поприжали немчуру! Гаврилов приказал мне объявить вам благодарность, потому что наши командиры и политруки все заняты другими делами, воюют, – встретил их рядовой Владимир Быков...

Утро заканчивалось, близился полдень, но гитлеровцы никак не могли успокоиться. Первый день штурма Брест-Литовской крепости скоро подойдёт к концу, а успеха нет – во всех частях крепостного гарнизона идут упорные и кровопролитные бои, немцы несут большие потери в Тереспольском укреплении и в Цитадели, даже на Госпитальном острове (Волынском укреплении) слышна пулемётная стрельба – там оказывают сопротивление курсанты полковой школы советского 84-го стрелкового полка и медики. По этим причинам в небе над Брестской крепостью в какой уж раз за день загудели напичканные бомбами, с крестами на крыльях и фюзеляжах штурмовики Ю-87. Пользуясь отсутствием истребителей РККА и зенитного огня с земли, они безнаказанно принялись превращать фортификационные сооружения, казармы и другие здания в руины. Правда, немецкие лётчики помнили, как ещё утром один из их самолётов был сбит зенитным огнём, как был уничтожен аэростат с артиллерийскими корректировщиками, и поэтому предпочитали не слишком-то снижаться над непокорной крепостью. Такого опасения им не приходилось испытывать ни во Франции, ни в какой-нибудь Норвегии или в Польше...

Но с Восточным фортом ни авиация, ни артиллерия, ни пехота Гитлера в этот день так и не справились. Вывешенный над одним из валов небольшой красный флаг не удалось сбить – он заново поднимался каждый раз, после каждого обстрела и бомбометания и упрямо, как вызов врагу, развевался над дымящейся, изуродованной взрывами твердыней. В первое же утро Великой Отечественной войны пробитый пулями и осколками, обожжённый огнём алый стяг не просто стал святым знаком жертвенности – нет, он реял как символ жизни, как символ непокорённой Брестской крепости, символ непобедимости советского солдата.

Февраль 2026 г.

Виктор АЛИМИН

РАССКАЗ ВЕТЕРАНА

И СТАЛИНГРАД, И КУРСКАЯ ДУГА

К юбилею Сталинградской битвы

Два года длится страшная война,
И нет с фашистом никакого слада.
Но бьётся насмерть с нечистью страна
В полях под Курском, в стенах
Сталинграда.

И, проливая кровь за пядь земли,
Солдаты шли вперёд, к заветной цели.
Свою страну терять мы не могли,
Хоть были все у смерти на прицеле.

Припев:

И Сталинград, и Курская дуга
Прославили навек отцов и дедов.
Они кошмаром стали для врага,
А вот для нас – предтечею Победы!

В атаку шли, вставая в полный рост,
И грудью амбразуры закрывали.
И ни один не покидал свой пост,
И рубежей врагу не отдавали.

И отстояли гордый Сталинград,
И сломан был хребет врагу под Курском,
И это сделал, сделал наш солдат,
Недаром звался он солдатом русским.

Припев.

И Сталинград, и Курская дуга
Прославили навек отцов и дедов.
Они кошмаром стали для врага,
А вот для нас – предтечею Победы!

Я был под Сталинградом и под Курском,
То мёрз в окопах, то горел в броне,
Всё испытать пришлось в то время мне
Под чёрным небом и под солнцем тусклым.

Я столько здесь терял друзей-солдат,
Их жизнь рвалась, как будто волос тонкий.
И вместо радостей полученных наград
Шли к матерям скупые похоронки.

А нам ночами снились сыновья
И жёны, что склонились к изголовью.
Не мог наутро знать ни ты, ни я,
Земля напьётся чьей сегодня кровью.

А мы дрались, дрались за каждый шаг,
Да что там шаг, за сантиметр каждый.
Хитёр и страшен был в запале враг,
И смерть к нам за день приходила дважды.

Под Сталинградом всё ж фашист изведаль,
Как было крепко наших рук кольцо,
Когда ему смерть глянула в лицо,
А нам в тот день дарила взгляд победа.

И снова горькие военные дороги,
Страшнее тех дорог, пожалуй, нет.
Идя, теряли мы кто друга, кто кисет,
А кто оторванные взрывом ноги.

Под Курском, помню, плавилась броня,
Несли по полю танки, как игрушки,
И уставали от работы пушки,
А батальон просил огня, ещё огня.

Победы час, он позарез нам нужен,
Пускай со вкусом смерти пополам.
Хоть было очень, очень тяжко нам,
А штрафникам, пожалуй, ещё хуже.

А дальше шла дорога на Берлин
Длиною в два тяжёлых долгих года,
Среди смертей, бомбёжек, трупов, мин,
Но были ясны дали небосвода.

Был поднят флаг над логовом врага,
Вот и пришла к нам главная награда.
Но вечно в памяти и Курская дуга,
И те бои в окопах Сталинграда!

ПЕСНИ О ПОБЕДЕ

Мой друг родился в мае, в сорок пятом,
Как говорится, парню повезло.
Когда разбит был немчура проклятый,
Всем трудностям и бедствиям назло.

Его отец в войну стал инвалидом.
Он во дворе всем обувь починял.
Мой друг слегка его стыдился вида,
Когда тот костылём ребят гонял.

И трёхколёсная простая «инвалидка»
Была ему однажды вручена,
Ох как на ней порой он ездил прытко,
Подвыпивши, лихачил старина.

Но главное, как пел он в День Победы,
Кто в доме был – тот окна отворял.
И забывались горести и беды,
И каждый песням всей душой внимал.

Тогда казался он красивым очень
И празднику великому под стать...
И слушали его до самой ночи,
И даже детям не хотелось спать...

Ушёл наш фронтовик в иные дали.
Стирают образ в памяти года.
Пусть мы не помним все его медали,
Но песнь Победы – в сердце навсегда!

Алексей АНАСТАСЬЕВ

МИРНЫЙ ДЕНЬ

Оседлав велосипеды,
Самокат ногой одной,
Едут правнуки Победы
В мирный день очередной.

Едут внуки Дня Победы;
И со стёкол их машин
Бьют поклон «Спасибо деду!» –
Чувства буквами в аршин.

Есть и даты, и моменты,
От которых дух и стать,
Как цвета гвардейской ленты,
Начинают трепетать.

Вытрем слёзы по глоточку...
А за тех солдат вдвойне,
Кто собой приблизил точку
И остался на войне.

Их, войны месивших глину,
Как листочков на ветле,
Кто в атаке лёг, кто сгинул
В адском вяземском котле.

Сила правды, чувство долга;
Видел русский и узбек,
Как зимой кипела Волга
И краснели сотни рек.

Отовсюду нечисть лезла,
Превращая землю в ад,
В пекле плавилось железо,
Но выдерживал солдат.

Отложив велосипеды
И машины заглушив,
Мы несём портрет Победы,
На котором каждый жив;

Жив, здоров, красив, и молод,
И, конечно же, любим...
И звезда, и серп, и молот,
И весна, как прежде, с ним.

УЙМИТЕСЬ

*У братских могил нет заплаканных вдов,
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?*

Владимир Семёнович Высоцкий

Гранатами рвали, коктейлями жгли –
Горели фашистские танки.
В оврагах и балках под слоем земли
Покоятся наши останки.

Срослись вперемешку осколки гранат,
Бинты, пулёмётные ленты,
Тела улеглись и лежат аккурат:
Не трогайте наши фрагменты.

Под Ржевом мы сделали всё что смогли,
Довольно о том перебранки,
Не пробуйте нас отрывать от земли,
Не трогайте наши останки.

Бросал в штыковую безусый комбат.
Мы падали, долг свой исполнив...
Бульдозеров лязги и скрежет лопат
Реалии ада напомним.

Спешили на Запад сыны и мужи
Единым напором орлиным,
Сплошной полосой – не пунктиром – лежим
От Вязьмы до центра Берлина.

Берёзы и липы, что часто скорбят,
Мы держим своими телами,
Не смейте тревожить уснувших ребят,
Займитесь иными делами.

Не стоит искать в отвердевшей пыли
Частички в бессмертии павших,
Без малого век, как покой обрели
На землях, могилами ставших.

Свобода народа опять на кону.
В границах планет и селений
Мы чувствуем гордость за нас и страну
У всех четырёх поколений.

В архивах покорно пылятся дела,
А мы не в тылу, не в окопе –
Лежат неотпетые наши тела –
Форпосты Отчизны в Европе.

Елена БОГАНОВА,

Москва

ПАМЯТЬ

Ко Дню Победы

А ТАМ, где птицы не поют и нет деревьев,
А на холмах багульник лишь цветёт,
Безвременье, Бессмертье, Память, Бремя
Нам **СТОЛЬКО** лет сердца, как пламя, жжёт!

Застыли песни ТАМ, и слёзы в тихой речке,
И шёпот тех, кто в ТОЙ земле лежит.
Всех поимённо не смогли оплакать свечи...
Но память наша каждым дорожит!

Нам счастье жить дано такой ценою,
Что этот долг через века несём!
Мы помним всех, помеченных войною!
Все эти **СТОЛЬКО** лет – мы помним всё!

ЧТО ЖЕ БУДЕТ?

Ты видишь: звёзды над тобой!
И мир прекрасен!
Ведёт куда-то за собой
Твой путь! Он – ясен?

Закат приходит... иль рассвет?
Здесь снег... иль слякоть?
Слезами горькими иль нет
Придётся плакать?

Не знаешь: завтра будет что?
И что – сегодня?
Вершит судьбу для нас зато
Рука Господня!

Как солнце стонет в мираже!
Боль отдаётся!

И многое тебе уже
Не удаётся!

Решает за тебя страна:
Как жить? Что делать?
И будет мир или война?
Кто – царь? Кто – мелочь?

А ты плывёшь по полутьме
И суть не ищешь,
Лишь ощущаешь на корме,
Как ветер свищет!

Мерцает свет над головой –
Луна иль небо?
И думаешь: «О Боже мой!
Я – был иль не был?»

Но не погаснет мир! Гляди:
В нём жизнь так бьётся!
И сердце птицей из груди
Всё рвётся, рвётся!

ЖЕЛАНИЯ

А ты знаешь, как хочется вечером
Танцевать мне под тёплым дождём,
Заглянуть в те окошки со свечками,
Где сидеть так уютно вдвоём!

Ах, как хочется, хочется, хочется
На плече твоём сильном уснуть.
И, прогнав от себя одиночество,
В этом сне навсегда утонуть.

Заматавшись, в кофтёнку укутавшись,
Прогуляться за ручку с тобой.
И, в мечтательных мыслях запутавшись,
Не хотеть возвращаться домой!

А ты знаешь, как хочется, милый мой,
Называть так тебя мне всегда
И поверить, что даже в тайге зимой –
Нам вдвоём и беда – не беда!

Ах, как хочется, хочется, хочется
Не стареть, и не помнить войну,

И увидеть далёких стран зодчество,
И послушать лесов тишину!

А ты знаешь, как хочется вечером
Танцевать мне под тёплым дождём,
Заглянуть в те окошки со свечками,
Где, обнявшись, сидим мы вдвоём!

ПАМЯТИ ДЕДА ИЛЬИ

*Памяти Ильи Зельмановича Заграничного
и его жены Ольги Антоновны.
Биографично*

Дед Илья – наш долгожитель,
Всю войну прошёл герой!
Много видел, долго прожил,
Дед – пример нам дорогой!
Он в Житомире родился,
В ноябре, в двадцать втором.
Только мир ему открылся –
Жизнь решил прожить с Добром.

После техникума сразу
На завод служить пошёл.
И связистом стал,
И в этом он призвание нашёл.
И с московским ополчением,
Как связист, покинув тыл –
На войну без обученья
Призван Родиною был!
И на фронте Белорусском
На Втором сражался он.
Друга два у него было:
Дружба для него – закон!
А дивизия его же
В Брест свободу принесла –
Брестской сразу после боя
Именована была.

Встретил мир он под Варшавой,
Краснозвёздный наш герой.
Оба ордена, медали
Он с войны привёз домой.
Ну, а в «Воине отважном»
Про него статья была...
Снова важное задание
Ему Родина дала:

Граждан всех, освобождённых
От тюрьмы и лагерей –
Раненых, войной пленённых, –
Отправлять домой скорей!
Собирая эшелоны,
Провожая поезда,
Он формировал вагоны
Днём ли, ночью – не беда.

И в одном таком вагоне
Взгляд поймал он серых глаз –
Думал он, что в них утонет, –
Про любовь теперь рассказ.
Из Берлина до Донецка
Он доставил эшелон,
В нём нашёл свою невесту,
Но... в Берлин вернулся он.

Долго тёмными ночами
Вспоминал взгляд серых глаз.
И решился! Но начальник
Должен подписать приказ.
Разрешение на свадьбу
Маршал Жуков подписал.
За женой Илья поехал
И с собой её забрал!

Наконец в Берлин вернулся
С Ольгой старший лейтенант.
За пять лет – аж две дочурки –
Это выше всех наград!
Ну а к круглой годовщине
Мэр Лужков его призвал
И на площади на Красной
Сам медаль ему вручал!

И, гордясь наградой очень,
Разделил медаль с женой –
Он сказал ей: «Оля, прочно
Всё, что связано войной!»
Быстро часики мелькали,
Вместе семьдесят годков –
Никогда не расставались –
Ведь рассказ тут про любовь!

Жив Илья по сию пору,
Куча правнуков уже.
Ну а в жизни как опора –
Ольги светлый взгляд в душе!!!

Людмила ГЛУЩЕНКО

ВЕРНОСТЬ

Субботный день, счастливая невеста
Шла под венец июньским жарким днём.
Жених светился радостью уместной,
Уверенность и счастье были в нём.

Гуляла свадьба, и село гудело,
И не было тут места тишине.
Плясало всё, и всё, казалось, пело,
Здесь было место счастью и мечте.

А рано утром, только солнце встало,
Как чёрный ворон распахнул крыло.
«Война, война», – планета зашептала.
Улыбки будто ветром унесло.

Ему на фронт, а ей остаться дома –
Всего лишь день была она женой.
Душа от боли билась, как от грома, –
Такая участь им дана войной.

И, в письмах вспоминая день вчерашний,
Работала и не теряла веру...
От военкома принесли бумажку,
А солнце распалилось до предела.

Она взяла бумажку, прочитала:
Под Прагою не вышел с боя он.
Сказать, что было больно, – мало.
«А может, это страшный сон?»

Платок бы чёрный ей носить, клеймом закрыть
весь свет.

«Ну что вы: траур, траур... накличете беду.
Что он в бою погиб, в письме ни строчки нет,
Муж, уходя, сказал: “Ты жди, и я приду”.

И он придёт домой живой, не нужен ваш
совет.

Написано другое там – он без вести пропал.
А может, он лишь ранен был, кто знает тот
секрет?»

Она ждала, и веры той запас в ней был немал.

Где дети есть, стихает боль. Заставят сын
и дочь.
А ей подушка лишь для слёз останется на ночь.
Она живёт одной мечтой и всё твердит:
«Дождусь.
Пускай сейчас на сердце грусть, но он сказал:
“Вернусь”».

ПИСЬМО

Ждёт старушка от дочки письма,
В доме век доживая одна.
Письма ждёт, только весточки нет.
Снова смотрит в оконце рассвет.

Рано утром к колодцу идёт,
В дом полнёхоньки ведра несёт.
Потолкует с соседкой седой,
Полюбуется зимней ветлой.

Заведёт с кошкой вновь разговор:
«Упадёт скоро старый забор,
Да и ставенька вся покосилась.
Нынче внучка под утро приснилась».

Не болеют ли там? Как дела?
За окошком лютует зима...»
Спинку выгнет дугою ей кот
И в ответ песнь свою заведёт.

Ночь пройдёт, и наступит рассвет.
Может, он принесёт ей привет
От любимой дочурки её,
Улетевшей на фронт от неё.

Татьяна ГРИШИНА

Татьяна Гришина родилась на о. Сахалин, но уже в два года с родителями переехала в Москву. В Бескудниковском районе проживает с 1969 года.

У ОБЕЛИСКА

У обелиска молча с красною гвоздикой
Мы вспоминаем вновь и вновь
Погибших в той войне великой,
Ушедших наших дедов и отцов.

Мы помним их лишь по рассказам,
Намного позже родились,
Дедов своих не видели ни разу,
Но судьбы наши навсегда переплелись.

В войне победа – это их заслуга.
Ценою смерти подарив нам жизнь,
В строю смертельном – друг за друга,
В единый строй они слились.

Забыв про холод, зной, морозы,
Четыре года шли вперёд,
Друзей теряли, пряча слёзы,
Осознавая: скоро их черёд.

Лихая доля поколение настигла,
Но не сломила боевой народ,
Людская память обелиск воздвигла,
Запечатлев войны исход.

У обелиска молча с красною гвоздикой,
В суровой скорби голову склонив,
Стоят потомки тех бойцов великих,
Всех тех, кто в памяти народа жив.

* * *

Былой войны тупая боль
Ещё в душе живёт.
О днях далёких боевых
Не позабыл народ.

Плечом к плечу, чеканя шаг –
На площади парад, –
И офицер, и рядовой
Шагают чётко в ряд.

Когда-то так же на войну
Мужчины стройно шли
С парада... За свою страну
На фронт рвались они.

Сороковые – боль потерь,
Отвага, мужество и честь.
Разбит фашистский страшный зверь –
Летит по свету весть.

Победа, мир и слёз поток
У матерей и жён...
Ликует, празднует народ,
Враг Русью побеждён.

Прошли года, но не забыт
Салют победный над Москвой,
Как жёны плакали навзрыд,
Всё помним мы с тобой.

* * *

Лишь по рассказам о войне мы знаем,
По кинофильмам, песням о войне,
Мы эти песни помним, напеваем,
Желая мира всем живущим на земле.

Мы вспоминаем имена героев,
Отдавших жизнь за то, чтоб жили мы,
Чтоб было больше новостроек
И поколенья жили без войны.

Мы будем помнить, завещая детям
Хранить наш хрупкий и прекрасный мир,
Чтоб не было войны на белом свете,
Спокойно было и ушедшим, и живым.

Нина ДУБОВИЦКАЯ

ПОМОГИ МНЕ, ПОЛЕ РАННЕЕ

Помоги мне, поле раннее,
Напои меня росой.
Я лежу смертельно раненный.
Помоги, пока живой.

Кто там машет шалью розовой,
Наяву или во сне?
Слышу, слышу я: два голоса
На заре летят ко мне.

Первый голос милой матушки,
Что недавно умерла,
И второй – любимой ладушки,
Что мне сына родила.

Голос с голосом встречается,
Долетая до меня.
И душа моя старается
Жить, любовь мою храня.

Помоги мне, поле раннее,
Напои живой росой,
Чтобы мой сынишка маленький
Не остался сиротой.

МАТЬ СЫНОЧКА СПАСАЕТ МОЛИТВОЙ

Мать сыночка спасает молитвой,
Юный сын – доброволец на фронт.
Тихим словом священного ритма
Мать молила о чуде святом.

Сын вчера раззвонил колокольцем
На весь двор, на весь мир, на весь свет,
Собирая друзей-добровольцев
Для свершения мирных побед.

До рассвета горела лампада.
Мать шептала молитвы всю ночь.
И под шёпот небесного лада
Мать слезливостью смогла превозмочь.

У солдата суровая правда –
В честь победы ни шагу назад.
И бояться той правды не надо,
Каждый мальчик с рожденья солдат.

ГОРЕЛ ПОГОСТ ЗА ПОЛЕМ БИТВЫ

Горел погост за полем битвы,
И до последнего кресты,
Смертельным пламенем обвиты,
Держали вечные посты.

Солдат, познав себя частицей
Безумных, беспощадных сил,
Когда и мёртвым не укрыться
В глубокой вечности могил,

Стрельбу стального автомата
Воспринимал как адский смех,
Под небом, пламенем объатым,
В последний раз молясь за всех.

ПОСЛЕ БОЯ

Волновалось поле молодое,
Майский ветер силу набирал.
Ехали солдаты после боя,
За посёлком встали на привал.

Ты один счастливчик из немногих:
Друг тебя закрыл во весь свой рост.
Перед полем, на краю дороги
Плачь, солдатик, не жалея слёз.

От земли до солнца, не стихая,
Долетит негромкий голос твой:
«Вот оно какое, поле рая
Под неопалённой синевой».

В ТЫЛУ

Поле битвы – блокнот. Разрываются
Перья ручек и снова строчат.
Строки горькие звуком срываются,
За погибших товарищей мстят.

И в душе от тоски нескончаемой
Боль вины возрастает вдвойне.
Гложет стыд военкора отчаянно:
«Я в тылу, а они на войне!»

Отражает лицо искажённое
Боль в суставе, которого нет.
А покажется жизнь невозможною –
Под подушкой лежит пистолет.

Но статью о кровавом сражении
Должен он сквозь себя протащить
И погибших бойцов от забвения
Кровью строчки своей защитить.

НЕРАЗРЫВНОСТЬ ВРЕМЁН

День Победы, день весенний...
Вновь парит «Бессмертный полк».
Жертв военных преступлений
Помнить – наш священный долг.

Чёрно-белые портреты
Оживляет майский свет,
Выявляя все приметы
Тех военных давних лет.

Не унять сердцебиенья,
Не сдержать горячих слёз...
Не смущаясь от волненья,
Парень прадеда вознёс!

Схожесть с дедом удивила –
Взглядом и высоким лбом,
Той же внутреннею силой
Неразрывности времён.

Не затмить печали светлой,
В унисон стучат сердца.
Миру нужен полк бессмертный –
Жизнь не ведает конца.

Юлия ГОРДЕЕВА

В КОЛЬЦЕ БЛОКАДЫ

Кольцом безвременной блокады
 Был мирный город окружён:
 Дрожал от взрывов и снарядов,
 Но не был дух его сражён.

Земля стонала от обстрелов,
 Дома взрывались на глазах.
 Но ленинградцев вера грела
 В победу славную сквозь страх.

И гордый дух их не был сломлен –
 Делили выстраданный хлеб,
 Смерть не ждала чтоб возле дома
 И согревал надежды свет.

Делили валенки худые,
 Пальто на целую семью.
 Свистели пули роковые,
 И, кто как мог, хранил уют.

И грела хладными ночами
 Сердца забота и любовь –
 Россия справилась с врагами
 Единством сёл и городов!

КРИКИ ВОИНОВ ПАВШИХ ЗВУЧАТ

Где Вазуза сливается с Волгой,
 Крики воинов павших звучат.
 Здесь листва молчалива и блёкла,
 Опечален весенний закат.

Здесь разорваны бомбами камни,
 От разрывов деревья дрожат.
 Не боялись бойцы испытаний –
 Город чтит за отвагу солдат.

Монумент на горе величавый
 Данью памяти павшим стоит,
 Только стала кровавою слава,
 И по воинам город скорбит.

Помнит их непокорная Волга:
 К ней шли воины душу излить
 И порой говорили подолгу,
 Ощущая духовную нить.

ДОМ № 15 НА 10-Й КРАСНОАРМЕЙСКОЙ УЛИЦЕ

Ударом от фашистского снаряда
 Часть дома оказалась снесена,
 Но непоколебим дух Ленинграда,
 Людей сплотила страшная война.

Обшарпанные стены комнат помнят
 Стремления и чаянья людей
 Под радиовещательный приёмник;
 Как город не боялся трудных дней:

В морозы, холод люди выживали,
 Но Ленинград поэзией дышал –
 Ахматовские строки здесь звучали
 И сочетали стойкость и печаль;

И Шефнер, и Берггольц с народом рядом
 Душевым согревали дом теплом.
 Пусть выли, разрывались здесь снаряды –
 Дом уцелел со сломанным углом.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ ЭКИПАЖА В КРАСНОМ ХОЛМЕ

Пусть вы покоитесь в могиле,
 Но жить останетесь в сердцах:
 Вы с поколениями сроднились,
 Уроки мужества – в веках.

Под гул снарядов здесь сражались,
 Не знали ясных вечеров
 И светлой юности не знали –
 Спасали город от врагов.

Сквозь век – крушение самолёта,
 Но мирно вам на небесах.
 Растут потомки-патриоты
 С солдатской доблестью в глазах.

Идут решительно по скверу
На зовы дедов и отцов,
И мир охватывает вера
В любовь к Отечеству
Без слов.

КАК БУДТО ВИДЕЛА ВОЙНУ

От взрывов танковых снарядов
Дрожала нежная земля,
Но дни тяжёлые блокады
Назло врагу пережила.

В боях солдаты умирали,
И голод жизни уносил.
Здесь небо летнее в печали,
А на земле – не счесть могил.

И стоны воинов в больнице
Палаты старые хранят.
У тех, кто шёл с родным проститься,
Печалью переполнен взгляд.

И помнит воинов Сонково:
Пустой вокзал шаги хранит
Тех, кто был в тыл командирован, –
Моя душа за всех болит –

Любовь пронзительную к краю
Я в сердце бережно храню.
Сквозь годы с каждым я страдаю,
Как будто видела войну.

Валентина МАТВЕЕВА

Валентина Матвеева – самая романтическая поэтесса ЛИТО «Северные зори». Обладая утончённым восприятием мира, находит порой удивительные метафоры. Выполняет ответственную работу в Совете ветеранов. Награждена почётными грамотами.

НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ

«Ночные ведьмы» немцы звали их,
Девчонок милых, нежных и курносых.
Они ушли в тот первый день войны,
Обрезав со слезами свои косы.

Надели гимнастёрки, сапоги,
Летать учились от зари до ночи,
А руки, руки девичьи свои
Они дарили только самолётам.

Следил с земли за ними командир,
Кричал до хрипоты девчонкам ночью:
«Держись ровней. Не смей в пике входить».
Надеюсь, что живыми вы вернётесь.

Они сажали самолёт «на брюхо»:
Не разглядеть в ночи посадки знак.
Горело сердце, и дрожали руки,
И мысль одна: хоть чуточку поспать.

И в девочек влюблялись все ребята,
Дарили фото, веточки, цветы.
Играли свадьбы прямо в медсанбатах,
На костылях и с пулями внутри.

Бывало так: на первое свиданье
Никто не приходил из них двоих.
И погибали прямо на заданье:
Невеста в воздухе, а на земле жених.

О, сколько на земле могил секретных,
Без деревянных звёздочек простых.
Лежат под ними девочки-невесты.
Земля ревниво память их хранит.

Но Родина не забывает павших,
Они всегда в строю, среди живых, –
Единый полк, всех девушек собравший, –
Воздвигла им бессмертный обелиск.

ВДАЛЬ УШЛА ВОЙНА

* * *

Мне память ни о чём не говорит,
Я родилась пред самую войной,
Но быстро за строкой строка бежит
Рассказом моей матушки родной.

Зима. Февраль. А маме двадцать лет,
И день рожденья с болью родовой.
В подарок аист ей принёс конверт,
А в нём ребёнок розовый, живой.

Июнь. Свои сто двадцать дней
Я прожила на маминых ладонях.
Война и страх, растерянность людей.
Помчались вдаль набитые вагоны.

Был дождь, он лил как из ведра,
Бежала мама к шумному вокзалу,
Надеясь место в поезде занять,
На всех в вагонах места не хватало.

Нас машинист пустил на паровоз,
И, к тендеру горячему прижавшись,
Мы принимали сверху гром и дождь.
Никто не провожал нас в день ненастный.

А от дождя на головёнку мне
Надели кепку старую мужскую,
Храню её я много-много лет
И чту её, как ладанку святую.

Её хозяин не пришёл с войны,
Под Сталинградом прах его остался.
Он погибал, нам разрешая жить,
И обелиском над землёй поднялся.

Я помню сорок пятый год,
Рязанскую деревню.
В избе собрался весь народ:
Солдат к Устинье едет.

За дочкой едет и женой.
Колхозом стол накрыли
И всё, что было за душой,
К Устинье приносили.

Устинья – бабушка моя,
Её я помню смутно,
Лишь только светлые глаза
Да ласковые руки.

А я сидела на печи
С лоскутным одеялом,
Когда отцовских две руки
Меня к себе прижали.

Я отбивалась как могла,
Ведь я его не знала.
Он мне подарки подавал,
От страха я кричала.

И укрывалась с головой
Лоскутным одеялом,
Но куклу с длинною косой
К себе уж прижимала.

Ещё протягивал он мне
Ботиночки-шнурочки,
Там на блестящей стороне
Железные крючочки.

Шнурок цеплялся за крючок...
А цвет вишнево-красный,
И был в них тонкий язычок,
Подарок был прекрасный.

– Ну как тут быть? – сказал сосед. –
К тебе не хочет дочка.
В мою избу пойдём мы жить,
Найдём тебе сыночка.

И вот уж восемьдесят лет
Я помню тот денёчек.
Ботиночек вишнёвый цвет,
Шнурочки и крючочки.

Владимир МАТВЕЕВ

УБИТЫЙ СОЛДАТ

Не буди меня. Не буди.
Пять минут прошло, как уснул.
У земли лежу на груди,
Приминая собой весну.

Не буди меня. Не крути.
Не хлещи рукой по щеке.
Я в далёком теперь пути,
Я по алой плыву реке.

Там гуляет на берегу
Детский конь из папье-маше,
Как смешно. Уснуть на бегу,
От немецких в шагу траншей.

Ты иди, браток. Ты не стой.
Здесь не надо тебе стоять.
Знаешь, сон этот только мой.
Мне теперь его досыпать.

Мне пора напоить коня,
Что из детства ко мне пришёл.
Вот и мамка! Зовёт меня.
Ну прощай, браток. Я пошёл...

* * *

Зима окрестилась в кровавой купели,
И мял желваками слова командарм.
«Нам нужно неделю! Всего лишь неделю!»
«Пусть мёртвые встанут и держат плацдарм!».

И мёртвые встали, неслышно и страшно,
За спины немногим, немногим живым.
И сшиблись Зима и Война в рукопашном,
Над чёрной метелью – оранжевый дым.

А «тридцатьчетвёрки» пошли к переправам,
В зверином прыжке наклонившись вперёд.
И взяты мосты. Но в чугунных оправах
Застыл драгоценный гранатовый лёд.

Убитые в снег улеглись батальоны,
Живым по нужде и санбат, и продсклад.
А «тридцатьчетвёрки» застыли на склонах,
По мёртвому – мёртвым. Последний парад!

Анна ПАРШИНА

СВЕКРОВЬ-СНАЙПЕР

Моя свекровь, а детям бабушка, старела,
Она участница войны Великой.
Не раз твердила, что война – не бабье дело.
Должна быть женщина в семье владыкой.

Рожать детей, растить – её предназначенье,
Хозяйством заниматься и уютом.
Но враг напал на Родину, и в наступленье
Рванул напором в первую минуту.

И женщина, в защиту Родины бросаясь,
Взяла винтовку в руки. Мама – снайпер!
Укрытие веленьем сердца выбирая,
Палила в жертву, крикнув: «Подыхайте!»

«Не жалко было убивать?» – спросили внуки.
«Нет, – отвечала бабушка, со злом судача. –
Я видела, с какой жестокостью зверюги
Громили мирных жителей при детском плаче».

От верной гибели спасая командира,
А вместе с ним подругу откопала ночью.
Медалью «За отвагу» наградили,
А дальше – орден за разбитых фрицев в клочья.

ПОБЕДНЫЙ ВАЛЬС

В пропахших гимнастёрках после боя
Победный вальс кружили дотемна
Солдаты, ног не чуя от мозолей,
В том сорок пятом... с ними вся страна.

Сплетались руки, огрубев за годы,
Катились слёзы с солью на губах,
Но вальс объединил всю боль народа
И радостью светился в майских днях.

Уносит годы время вереницей,
Их восемьдесят нынешней весной.
И вновь улыбки на счастливых лицах,
Победный вальс не сломленных войной.

Весна черёмух цветом расплескалась
И в День Победы ожила от войн.
Вновь вальсам ветеранов места мало,
Волнуясь, путает шаги герой.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Пролетают года, песня слышится,
Поселилась в народных сердцах.
Нет в «Катюше» ни капли излишества,
Есть душа в откровенных словах.

И летит над землёй песнь военная,
Опьянив весь народ без вина.
В День Победы поёт вся Вселенная –
Не забыта народом война.

О войне много песен написано,
Но дороже нет песни одной,
Что, солдатской любовью пронизана,
Из землянок неслась под гармонию.

С ней солдаты рвались в наступление...
А случись – обрывалась в пути.
Голос друга в душевном смятении
Пел припев, чтоб к победе идти.

ЖЁНЫ ЖДАЛИ

«Жди меня...» И жёны ждали
Не вернувшихся с войны.
Сами стали крепче стали
И героями страны.

На своих плечах тащили
Производство, семьи, быт.
Их помощники мужчины
На войне. И враг разбит.

Были те, кто не вернулись
(Продолжали жёны ждать),
Не увидев милых улиц,
Родины, детей и мать...

Ни на миг не расслаблялись,
Невзирая на дожди,
В них жила мечта святая –
«Будут встречи – только жди!»

Лариса РОМАШКИНА

Лариса Ромашкина родилась 8 марта в казачьем хуторе Ново-Ромашкин Волгоградской области. Живёт в Москве. Автор двух книг стихов: «У каждого правда своя» (2012) и «Межа Миров» (2018), а также участник более десяти сборников стихов поэтов г. Москвы.

ГОРГОНА

Выдох, вдох страны был горем опалён.
Волчий рык войны и вой со всех сторон.
Недобитый враг вдруг вырос из птенца
С целью сеять страх всем людям до конца.

И шипит змеёй, аж брызги изо рта,
Бессердечна тварь на адовых вратах.
А на то с отцом и жертву он искал,
С ангельским лицом он вмиг Горгоной стал.

Захотелось твари мир весь покорить,
Мучаемой жаждой кровушки попить.
Только зверь поганый совсем не угадал –
Отсекаем главу всем, кто нападал!

Щит Персея в камень, порошок и быль
Превратит Горгону и развеет пыль.
А родившись в злобе, тьма во тьму падёт.
Мир Россия наша с Богом создаёт!

P.S. Горгона – выращенные нацисты.
Персей – воин, торжество добра над злом.

БЛОКАДА

Памяти блокадного Ленинграда

Звук метронома зашкалил от стука.
Рыком звериным всё разрывает.
Сил уже нет, осталась лишь мука...
Грозное время всё пожирает...

Стук метронома слегка затихает.
Сердца не слышно, и воздуха нет.
Кажется, жизни другой не бывает.
Хлеба хоть крошку... хлеба... но нет.
Звук метронома... и чудится что-то,
Музыка где-то... играет...
Поднял как будто на руки кто-то...
Чистой водой меня умывает...

БЛАГОДАРИМ!

Мальчишки, деды и отцы
Шагают рядом вместе с нами.
Мужчины, воины, бойцы
Из века в век идут творцами.

Поддержка, мудрости защита
От вас для нас всегда важна.
Ведь в жизни столько пережито –
Преграда с вами не страшна.

Романтики, в душе поэты!
От сердца чистого сейчас
Благодарим за счастье это!
За всё! Вы дороги для нас!

ЖАТЬ И СЕЯТЬ НАМ!

*Моя уверенность, в боях добытая,
по-русски меряна, по-зверски битая.*
Сергей Хорт

Жнём и сеем мы вместе, уверена!
А уверенность, боем добытая,
За Победу по-русски измерена,
За Победу по-зверски избитая.

На защиту своей Руси-матушки
Крылья ангел расправил и с миссией
Бить врага, как и все мы, ребяташки,
Добывать абсолют Правду-Истину.

Поражал он врагов, жёг их искрами.
Закрывал всех детей своих крыльями.
Выносил и спасал, как мы, русские.
К небу нёс высоко души сильные.

Не свидетель, сужу я умеренно.
Только знаю, верно и истинно – там,
Где Победа по-русски скроена,
Верой, правдой живёт – жать и сеять нам.

Иван ПЛЕШАКОВ

Иван Давыдович Плешаков (09.10.1935–25.11.2020) родился в станице Луганской Луганской области. Окончил в 1956 году Сумское артиллерийское училище. Более 30 лет отдал службе в Вооружённых силах. Награждён орденом «За службу в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени и многочисленными медалями. Военское звание – полковник. Похоронен в Туле.

Истории семей, родов всегда вызывали у меня глубокий интерес. В исследовании своей родословной я сумел углубиться до 1700 года, то есть на последние триста лет. Все эти триста лет мои предки были на страже нашей Родины, так как они принадлежали к казачьему сословию и по приказу Отечества шли на ратный подвиг, отстаивая интересы страны.

Мои предки, по отцовской линии – Плешаковы, а по материнской – Зенцевы, происходили из донских казаков станицы Луганской Войска Донского. Первые упоминания об их существовании и деятельности найдены мною

300 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

ГЕРОИЗМ И ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЬЕЙ ДИНАСТИИ

в архивах и относятся к 1705 году. Это дата рождения донского казака Якова Плешакова из станицы Луганской, а год возникновения самой станицы Луганской – 1677-й. Именно с этого года здесь на постоянной основе проживали и несли сторожевую службу донские казаки. Но ещё и значительно ранее целая цепь казачьих острогов и острожков была на среднем течении Северского Донца, за которым начинались татарские кочевья.

Казак Яков Плешаков и его сын Емельян (1735–1770) несли охранную службу на пограничной оборонительной линии. Казаки Зенцевы упоминаются начиная с 1750 года. Это год рождения Тимофея Зенцева.

В последующем отдельные станицы объединяются в казачьи полки и несут ратную службу в регулярных войсках государя Московского. Так, уже сыновья Тимофея Зенцева – Пётр, Иван, Трофим, Фёдор – и его внук Максим участвовали в Отечественной войне

1812 года в составе Донского ополчения. Всего в Войске Донском было образовано 20 полков ополчения, которые приняли активное участие в разгроме неприятеля.

Всем известны героические действия войск под руководством атамана Платова, в состав которых были включены многие Плешаковы и Зенцевы, а казак Леон Плешаков за участие в конвое Платова награждён в 1814 году Георгиевским крестом.

Многочисленность Донского ополчения (20 полков) объясняется тем, что вся повседневная жизнь казачества в те времена с младых лет была подчинена подготовке к защите Отечества. С 18 лет казаки зачислялись в подготовительный разряд и состояли в нём три года. За это время они проходили первичную военную подготовку при своих станицах, а также готовили необходимое обмундирование и снаряжение. На третьем году проводились общие месячные сборы, на которых они показывали свои достижения в боевой выучке. Проходили эти экзамены в виде войсковых состязаний, и лучшие награждались призами за успехи в отдельных видах боевой подготовки. Так, на майских сборах 1894 года казак Андрей Титович Плешаков (1875 г. р.) «за стрельбу 3-го разряда» награждён португеей с темляком и поясным ремнём, а Севостьян Акимович Плешаков и Дмитрий Константинович Зенцев «за стрельбу с лошади на скаку» награждены португееми с темляками.

Достигнув 21 года, казаки переводились в строевой разряд и призывались на действительную военную службу. Служба в полках и батареях первой очереди длилась 4 года, а потом зачислялись в списки полков 2-й очереди ещё на четыре года, при этом они оставались при своих станицах и хуторах, но ежегодно проводились два контрольных и один трёхдневный учебные сборы. Далее казаки зачислялись в полки 3-й очереди ещё на четыре года и только после этого переводились в запасной разряд на 5 лет для мобилизации в военное время.

В войсковом ополчении состояли все казаки, способные носить оружие.

Тяжёлым бременем для казаков была длительная эпопея по завоеванию Кавказа и умирению непокорных горцев в 1817–1864 годах. Всем знакомы личные воспоминания А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова об этих ожесточённых боях и участии в них казачьих полков. В этих боевых действиях участвовали многие мои предки. Иван Иванович Плешаков (1810 г. р.) с мая 1839 по октябрь 1843 года участвовал в боях на Кавказе в составе 43-го Донского казачьего полка, а с мая 1847 года – там же в составе 39-го полка.

С мая 1837 года по март 1841 года Калина, Гавриил и Яков Зенцевы находились на Кавказе в составе 33-го Донского казачьего полка. Лука Зенцев участвовал в боях на Кавказской линии с 25 мая 1843 года в составе 1-го Донского казачьего полка. В этом же полку служил и Корней Зенцев.

В мае 1850 года 6-й Донской казачий полк в полном составе командирован с Дона на боевую службу на Кавказ, в его составе находились Борис Зенцев, Никифор Зенцев и Никифор Плешаков.

В Крымской войне (1853–1856) участвовало несколько Донских казачьих полков и конноартиллерийских батарей, как на Кавказском, так и на Крымском фронтах. В их составе находились и мои предки: Василий Зенцев – в 11-м Донском казачьем полку, Никита Зенцев умер от ран в военном госпитале № 53. В 25-м Донском казачьем полку воевали Парфён Зенцев, Тихон Зенцев и Никифор Плешаков. В 61-м Донском казачьем полку участвовали в боях Владимир, Еремей, Игнат, Максим и Михаил Зенцевы, а также Андрей Плешаков.

В 1877–1878 годах в Русско-турецкой войне участвовали лейб-гвардии казачий полк, 6-я лейб-гвардии батарея, 2-й, 8-й, 30-й и 32-й Донские казачьи полки, 1-я, 15-я и 17-я Донские конноартиллерийские батареи. Они штурмовали Шипку, Ловчу, дважды переходили через Балканы, при Караджиларе с боя захватили у турок 50 орудий.

За героизм, проявленный в этих боях, старший урядник Яков Зенцев награждён Георгиевским крестом 4-й степени. Этой же награды

удостоены Кузьма Зенцев и Даниил Плешаков, при этом Кузьма Зенцев был ранен при штурме горы Бербек и находился на излечении в госпитале г. Тырново, а Павел Зенцев (30-й Донской казачий полк) был убит 13 июля 1877 года в бою при г. Ловча.

В 1914 году началась Первая мировая война. С объявлением всеобщей мобилизации казаки станицы Луганской, в том числе и мои предки, ушли в полки, к которым они были приписаны. 10-й и 13-й Донские казачьи полки выступили к австрийской границе, которая находилась всего в 25 км от места их дислокации. Вскоре они уже вступили в бой.

10-й Донской казачий полк комплектовался призывниками из станицы Луганской. О героических делах этого полка в первые месяцы войны говорит тот факт, что уже 17 октября 1914 года командующий дивизией вручил казакам полка первые 58 Георгиевских крестов, пожалованных командованием. В числе награждённых были и Антон Иванович Зенцев, Дмитрий Константинович Зенцев, Семён Иванович Зенцев, удостоенные Георгиевских крестов 4-й степени. А Дмитрий Константинович Зенцев вскоре получил и Георгия 3-й степени. Иван Титович Плешаков за время войны получил Георгиевские кресты 4-й, 3-й и 2-й степени.

Как известно, Первая мировая война привела к революции 1917 года и вскоре переросла в Гражданскую войну: пошли сын на отца, брат на брата. Многие казаки-фронтовики были настроены революционно. Но большинство населения казачьих станиц склонялось к нейтралитету – они представляли весь ужас братоубийственной войны.

К началу 1918 года столица Дона Новочеркасск уже стала центром сосредоточения офицерских сил со всей России, которые стали формировать Добровольческую армию против большевиков. В этих условиях Донской окружной атаман своим приказом объявил мобилизацию сначала трёх возрастов, а потом стали мобилизовывать всех поголовно. Никто ни у кого не спрашивал их личного мнения, их идейных предпочтений – всех поставили под ружьё.

В станице Луганской был сформирован 48-й Луганский пеший полк, в который были включены многие из моих родственников – как Плешаковы, так и Зенцевы.

Тяжелейшие испытания выпали на долю и тех, кто сражался на различных фронтах войны, и тех, кто остался дома при своих семьях. Мой дед, Афанасий Емельянович Плешаков, не был мобилизован на фронт, так как в его семье было десять детей, да и возраст его был уже за 50 лет. Но судьба не была к нему благосклонна: в 1919 году он был изрублен шашками головорезами одной из многочисленных банд только за то, что пытался отстоять своих двух лошадок, на которых возвращался с поля домой. Моему отцу, Давыду Афанасьевичу, в то время исполнилось только 7 лет. А через три года, во время голода 1921–1922 годов, ушла из жизни и его мать, Елена Алексеевна, и пошли их дети, ещё совсем малолетние, по миру.

В это время на фронтах Гражданской войны погибли в боях Иван Титович Плешаков – Георгиевский кавалер трёх степеней, – Анисим Фёдорович Плешаков, Тихон Матвеевич Зенцев, Иван Иоакимович Зенцев, умер от ран Фёдор Фёдорович Плешаков и многие другие.

Как известно, Гражданская война окончилась изгнанием белой армии из Крыма и эвакуацией её в Турцию, где её ждали нелёгкие испытания – лагерь Чилингер, остров Лемнос, а это овчарни-бараки, землянки, в которых располагались войска, в том числе и Донские казачьи полки численностью 8267 человек. Из этого ада они рассеялись потом по всему белу свету.

В этом плане характерна судьба Дмитрия Константиновича Зенцева (1887 г. р.). Начал он службу казаком с 1 января 1907 года на майских лагерных сборах 1908 года, «за стрельбу с лошади на скаку» награждён портупеей с темляком. 17 сентября 1910 года ему присвоено звание младшего урядника 10-го Донского казачьего полка. С первых дней войны (1914–1918) он героически сражается в составе своего полка и одним из первых получает Георгиевский крест 4-й степени, а потом и 3-й степени. К концу войны он уже есаул. В годы Гражданской войны участвовал в боях в составе

4-го Луганского казачьего полка. 16 апреля 1920 года ему присваивается чин войскового старшины, и он назначается командиром 5-й сотни Гундаровского Георгиевского полка. С этим полком он эвакуируется на остров Лемнос, там он уже в чине полковника. Осенью 1925 года Гундаровский полк перемещается в Болгарию, где окончательно расформируется, а весь личный состав пополняет армию эмигрантов Западной Европы.

Вместе с тем некоторые казаки, поверив обещаниям советской власти, объявившей им амнистию, в 1921–1926 годах стали возвращаться в свои родные станицы. Но надежды на спокойную жизнь не оправдались. В 1920–1930-х годах их ждало раскулачивание, репрессии, лагеря.

Так, Андрей Ефимович Зенцев 19 апреля 1938 года тройкой НКВД по Донецкой области был приговорён к ВМН – расстрелу. Реабилитирован в 1989 году.

Савелий Петрович Зенцев 17 марта 1942 года войсковым трибуналом войск НКВД Луганской области осуждён на 7 лет лишения свободы. Реабилитирован в 1964 году.

Николай Алексеевич Зенцев 27 января 1931 года тройкой при коллегии ГПУ УССР приговорён к ВМН – расстрелу. Реабилитирован в 1989 году.

Мой родной дедушка Матвей Никодимович Зенцев 28 февраля 1931 года тройкой при коллегии ГПУ УССР осуждён на три года лишения свободы условно только лишь за то, что высказал сомнение в необходимости вступать в колхоз. Реабилитирован в 1990 году.

Этот перечень можно было бы продолжить, главный вывод из этого заключается в том, что жизнь многих казаков постоянно была под угрозой, а практика расказачивания, проводившаяся советской властью, продолжалась ещё долго.

Наступили новые грозные времена – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Все силы страны мобилизованы для борьбы с фашизмом. В первые же дни войны на фронт ушли многие мои родственники – трое из четверых моих родных дядей: Алексей Матвеевич

Зенцев героически сражался в десантных войсках, Яков Матвеевич Зенцев воевал в пехоте, был дважды ранен, Иван Матвеевич Зенцев – сапёр, погиб на реке Северский Донец 28 августа 1943 года.

Василий Иванович Плешаков, гвардии капитан, умер от ран 2 февраля 1945 года, похоронен в Германии. Погибли на фронте мои двоюродные братья: рядовой Михаил Иванович Плешаков – в марте 1943 года, рядовой Стефан Иванович Плешаков – в апреле 1943 года. Рядовой Иван Григорьевич Плешаков погиб в бою 22 февраля 1943 года, похоронен в селе Котовка Курской области.

Вот далеко не полный список моих родственников – жертв этой жестокой войны.

В послевоенный период Плешаковы и Зенцевы продолжали служить Родине в качестве рядовых и сержантов на действительной военной службе, принимали участие в многочисленных вооружённых конфликтах. Так, гвардеец-десантник сержант Иван Николаевич Плешаков – внук георгиевского кавалера трёх степеней Ивана Титовича – участвовал в десанте наших войск в Чехословакии и получил боевую медаль «За отвагу».

Я, Иван Давыдович Плешаков, в 1953 году после окончания средней школы решил связать свою жизнь с армией и поступил в артиллерийское училище. После его окончания я 35 лет служил в артиллерии и ракетных войсках, осваивал и вводил в строй новые ракетные комплексы, принимал участие в формировании ракетных частей и обучении личного состава работе на современной боевой технике. После окончания военной академии продолжил службу в войсках, а потом и в Тульском высшем артиллерийском инженерном училище, передавая свой богатый войсковой опыт будущим офицерам. За образцовую и безупречную службу в Вооружённых силах награждён орденом «За службу Родине» 3-й степени и многими медалями. Уволился в звании полковника.

Такова история 300-летнего служения Отечеству членов нашего рода, Плешаковых и Зенцевых.

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

ПЬЕСА ОСНОВАНА НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ – ПОДВИГЕ АЛЕКСЕЯ ЛИХАНОВА

Андрей ШУТОВ

Действующие лица

Алексей Лаханов, сержант.
Игорь, солдат.
Юрий Юсупов, солдат.
Степан Гаврилович, врач.
Олеся, медсестра.
Вера Кузьминична, мама Алексея.
Михаил Александрович, отец Алексея.
Татьяна, жена Алексея.
Ника, дочь Алексея.
Альбина, медсестра.
Виктория Борисовна, мама Юрия Юсупова.
Друзья семьи Алексея.
Боевые товарищи Алексея.
Земляки Алексея.

ДЕЙСТВИЕ 1

Картина 1

Идёт бой – слышны разрывы снарядов, стрельба. Алексей тащит на себе раненого Игоря, пробираясь ползком между воронками от снарядов. Раздаётся звук приближающегося беспилотника. Алексей закрывает Игоря собой, и они замирают, вжимаясь в землю. Гул беспилотника удаляется, и в стороне раздаётся взрыв. Игорь стонет от резкого движения.

Алексей. Держись, Игорь. На этот раз пронесло. Ещё немного потерпи, брат. Совсем немного осталось. Прорвёмся...

Игорь. А Юсуп где? Что с ним?

Алексей. Его тоже сильно зацепило. Я за ним вернусь. Сейчас тебя на ПГМОСН¹ сдам – и обратно.

¹ Полевой госпиталь медицинского отряда специального назначения.

Игорь. Ты меня в ближайшем окопе брось... Там кто-либо из ребят поможет. А ты Юсупа... *(не договаривает, теряет от боли сознание)*.

Алексей *(пытается привести Игоря в чувство)*. Ты, боец, куда собрался?! Помирать нам рановато *(делает ему обезболивающий укол, проверяет жгут на ноге)*.

Игорь *(приходя в себя)*. Вырубает меня. Знобит. Нам ещё долго?

Алексей. Да не, почти дошли. Вон уже наш укреп видно. Потерпи ещё маленько. Не отрубайся, сейчас вот через этот бугор перевалим, и там нас подобрать должны... по идее... наверное...

Какое-то время ползут. Переваливаются через бугор, оказываются в траншее. Алексей в растерянности оглядывается вокруг в надежде на помощь, но никого нет. Игорь стонет.

Алексей. Сейчас-сейчас, братан, наверное, чуток не там вышли. Сейчас я осмотрю. Всё путем будет *(оставляет Игоря в укрытии, а сам, пригибаясь, пробирается вперёд и чуть не сталкивается с выскочившей навстречу медсестрой Олесей)*.

Олеся. Привет, тихоход. Мы тебя тут уже заждались. Кого вытащил?

Алексей. Игорька. У него в ногу осколочное, в бок. Голову зацепило. Жгут наложил. Обезболивающее вколочил. Сознание уже несколько раз терял.

Подходят к Игорю.

Олеся. Ну как себя чувствуешь? Добежим до перевязочного?

Игорь *(пытается улыбнуться)*. Да я с тобой куда хочешь побежал бы. Да что-то вот на дистанции выдохся...

Олеся. Понятно. (К Алексею.) Ещё немножко помоги мне с ним и можешь обратно... Там же ещё Юсуп остался... А здесь недалеко сам Степан Гаврилович.

Алексей пытается взвалить Игоря к себе на спину, Олеся помогает. И тут появляется Степан Гаврилович.

Степан Гаврилович. Рад видеть вас живым и здоровым, Алексей! Так, кто тут у нас? Кладите-кладите его обратно. (Осматривает Игоря, которого Алексей и Олеся осторожно положили на землю.) Так. Вы всё правильно сделали. Будет с вашим товарищем всё в полном порядке. Не зря время в медучилище потратили в своём Забайкалье-то.

Алексей. Конечно, Степан Гаврилович. Ну дальше я вам, наверное, не нужен? Мне ещё за Юсупом сбегать... Я вернусь скоро.

Степан Гаврилович. Да, конечно, бегите. Не задерживаю. Удачи вам!

Алексей. До встречи (убегает в темноту навстречу нарастающему шуму боя).

Картина 2

Алексей пробирается между вспышками взрывов, прячется от беспилотников, ползёт, бежит, перекачивается, крадётся, останавливается, оглядывается.

Алексей (громким шёпотом). Юсуп. Юсуп...

Юрий Юсупов (выглядывает из укрытия). Не шуми, командир. Здесь я. Давай сюда.

Алексей пробирается в укрытие к Юсупу.

Алексей. Так. Ну как ты здесь?

Юрий Юсупов. Да всё нормально. Только вот на ноги не встать. Ты донёс Игоря?

Алексей. Да, конечно. Сдал его на руки самому Степану Гавриловичу. Сейчас передохну пару секунд, и с тобой пойдём. Нас должны уже ждать.

Юрий Юсупов. Ну «пойдём» – это, конечно, здорово сказано. Мне и ползти сил-то нет. Наверное, всё же крови много потерял. Слабость такая, что всё перед глазами плывёт и в ушах как вата...

Алексей. Э-э-э. Ты мне это дело брось. Команды терять сознание не было. Игорёк вон держался, хотя у него и только одну ногу зацепило, но ты же сам Юсуп. Всё пучком будет. Доберёмся. Главное – не раскисать. Понял?

Юрий Юсупов. Да я-то понял, умирать знаешь как не хочется?

Алексей. Юрец, кончай фигнёй маяться. Я в Чечне служил. Два раза в Сирии был. Но вот он, перед тобой, вполне живой. Так что давай думать только о хорошем!

Юрий Юсупов. Я постараюсь, командир.

Алексей. Ну вот и правильно. (Взваливает Юсупова к себе на спину и уползает в темноту.) Держись, Юсуп! Где наша не пропадала. Доберёмся до наших, а там медицина тебе поможет... Одна Олеська чего стоит... (голос удаляется и затихает).

Картина 3

Нарастает картина и шум боя. Затем резко всё обрывается, темнота. Высвечивается перевязочный пункт. Олеся и Степан Гаврилович укладывают перевязочные материалы. Появляются Алексей и Юрий Юсупов.

Алексей. Ну вот, на этот раз сразу точно к вам вышел. Принимайте Юсупа (осторожно снимает Юсупа со своей спины).

Олеся (подбегает, осматривает Юсупа). Степан Гаврилович, он без сознания. Степан Гаврилович, он уходит...

Алексей. Что за чёрт? Мы с ним всю дорогу разговаривали. Он здоровый парень. Я всё сделал как надо. Кровь остановил. Жгут наложил. Он даже не жаловался, что больно. Слабость только...

Степан Гаврилович (отстраняет Олесю, сам осматривает Юсупа). Надо поторопиться. Олеся, позови ребят на помощь. Его в госпиталь поскорее. Операция нужна... (Обращается к Алексею.) А вы опять всё сделали правильно. Он жив только благодаря тому, что вы вове-

мя оказали ему первую медицинскую помощь и доставили сюда. Я думаю, что мы успеем.

Появляются солдаты с носилками, кладут на них Юсупа и уносят.

Степан Гаврилович. До свидания, Алексей. Берегите себя. *(Пожимает Алексею руку и уходит.)*

Олеся. До свидания, Лёша! *(Обнимает его и целует в щёку.)* Даст Бог, свидимся. *(Убегает.)*

Алексей *(вслед убегаящей Олесе).* Обязательно, Олеся. Только бы скорее закончилась эта проклятая война...

ДЕЙСТВИЕ 2

Картина 1

Алексей с колонной приезжает на позиции войск. Не смолкают бои. Он движется с группой товарищей, и вдруг происходит взрыв. Ударной волной всех отбрасывает по разным местам. Через несколько минут Алексей приходит в себя.

Алексей. Есть кто живой? Отзовись.

Вокруг тишина.

Бросает взгляд на окружающую территорию и понимает, что он один.

Алексей. Нужно ползти к своим. Только встать совсем не могу, зацепило, видимо.

Достаёт аптечку, накладывает жгут на ногу, обрабатывает и перевязывает раны.

Послышались незнакомые голоса.

Алексей понимает, что это враги, и быстро прячется от них в канаве.

Когда те уходят, он продолжает двигаться к своим и говорит сам с собой.

Алексей. Сколько можно ползти: день, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять,

десять, одиннадцать? Когда же это всё закончится? У меня остались только две гранаты. Болят ноги, даже не могу снять берцы: не надену их потом. Вокруг снаряды, беспилотники, пули, и всё же я должен дойти. Ждут же дома родные. У Тани скоро день рождения. Свой, дай Бог, пережил. Поговорил хоть с мамой, поздравил с 8 Марта. Она думает, что я на учениях, не стал расстраивать. Одна Таня знает, где я. Как же надоело спать на холодной земле! Колено болит, раздробил его. Пальцев совсем не чувствую.

Теряет сознание.

Картина 2

В это время родные сержанта дома разговаривают, беспокоясь о нём.

Вера Кузьминична. Таня, Лёша не звонил?

Татьяна. Нет. Уже больше недели нет никаких вестей.

Михаил Александрович *(возмущённо).* Да что вы беспокоитесь за него? Всё нормально у Лёши. Он на учениях просто, потому и не отвечает.

Друзья семьи. А вы не допускали разве мысли, что его отправили на Украину? Он ведь мог и погибнуть там.

Ника *(криком).* Не смейте даже говорить так! Мой папа жив!

Татьяна. Успокойся, дочка. Он обязательно вернётся, не оставит нас. Всё будет хорошо. С твоим папой мы уже пятнадцать лет вместе, помню, как в амбулатории познакомились. Вскоре поженились, обвенчались, ты родилась. Потом был военный городок... и новый контракт.

Все родные и близкие замолкают.

Картина 3

Густой заснеженный лес, открытое поле. Сержант Лаханов очнулся.

Алексей. Снова погас свет. Ползу уже двенадцатый день. Маресьев в Отечественную не

сдавался восемнадцать. И у меня тоже хватит сил. Дома ждут, обязан выжить. Только провизии никакой нет. Ловлю, как в детстве, снежинки ртом. И для чего мне такая доля выпала? Но не унывай! Держись, солдат! Не раскисай, ты же мужик!

Внезапно послышалась русская речь.

Алексей. Свои, что ли? Неужели я добрался? *(Улыбается.)*

Через боль, собрав последние силы, начинает ползти быстрее.

Боевые товарищи *(между собой)*. Вдали что-то приближается. Стой на месте, стрелять будем!

Алексей. Не надо, братцы, не стреляйте. Я свой.

Боевые товарищи. Да это же Лаханов!

Подбегают к Алексею.

Боевые товарищи. Лёха, мы тебя искали, но, как видишь, безуспешно. Подумали, что тебя накрыло...

Алексей. Всё нормально. Сам справился, за двенадцать дней, осталось только две гранаты, но ничего, оценил обстановку и добрался... Дайте телефон, нужно обязательно позвонить. Сегодня же день рождения у моей Тани.

Боевые товарищи. Вот как ты выжил, получается. Настоящий герой! Какой разговор, братан *(удивлённо)*. Этот звонок для неё самым лучшим подарком будет.

Санитары оказывают помощь сержанту, кормят его и вызывают авиацию для транспортировки.

Боевые товарищи. Тебя увезут в Москву, уже вызвали вертолёт.

Алексей. Пальцами не могу пошевелить, скорее всего, отморозил их. Да, блин, ещё колени ноет без остановки.

Боевые товарищи. Ясно. В столице поставят на ноги. В пункте сказали, что у тебя оско-

лок в одной ноге сидит, а на другой – ступня раздроблена. Такие, брат, дела...

Лаханов, вздыхая, звонит Тане.

Алексей. Привет, Таня! С днём рождения тебя! Желаю всех тебе благ. Спасибо, что ты есть у меня!

Татьяна. Лёша, это ты, что ли? Точно ты?! Спасибо. Я знала, верила, молилась. Знала, что ты вернёшься, выживешь, несмотря ни на что. Обрадую сейчас всех родных *(начинает плакать)*.

Алексей. Передай всем привет от меня и не плачь. Всё уже позади. Скоро буду в госпитале, ранения получил. Будем с тобой на связи. Не могу долго говорить... Но ты сама всё понимаешь.

Татьяна. Лёша, мы будем тебя ждать. Целую и обнимаю.

Алексей. До встречи!

Оба кладут трубки.

Через час прилетает вертолёт и забирает Алексея.

ДЕЙСТВИЕ 3

Картина 1

Столичный госпиталь. Алексей вместе с другими бойцами, соседями по палате, выходит на прогулку. Он пытается встать, но пока безуспешно. Парни помогают ему.

К ним подбегает медсестра.

Альбина. Лёша, тут к тебе пришли.

Алексей. А кто, Альбина? Мои мама, папа, жена и дочка приезжать не собирались.

Альбина. Тут какая-то пожилая женщина.

Картина 2

Лаханова привозят в палату.

Виктория Борисовна. Добрый день, Лёша!

Алексей. Добрый. А вы кто?

Виктория Борисовна. Я мама твоего друга Юрия Юсупова. Ты спас ему жизнь. Если бы не ты, то моего сына уже бы не было в живых. Тебе огромное материнское спасибо!

Мама Юсупова обнимает Алексея и плачет, а он смущается и успокаивает её.

Алексей. Виктория Борисовна, не стоит меня благодарить. Так бы каждый поступил на моём месте. Это же моя работа, я же военный медик. Лучше скажите, как сейчас себя чувствует Юра?

Виктория Борисовна. Нет, не каждый, совсем не каждый! Не скромничай, Лёша. Юра идёт на поправку, ногу его врачам удалось спасти.

Алексей. Здорово! Передайте ему привет от меня, пусть побыстрее возвращается в строй. Верю, что когда-то увидимся с ним.

Виктория Борисовна. Обязательно увидите. Я как раз приехала, чтобы тебя пригласить к нам в гости. Ты теперь нам как сын. Поправляйся и приезжай.

Алексей. Виктория Борисовна, благодарю вас! Очень приятно. Приеду, конечно. Только побываю у своих родных в Забайкалье. Заждались они меня.

Виктория Борисовна. Лёша, мне медсёстры сказали, что тебя наградили медалью «За отвагу» и что к тебе приезжал сам губернатор.

Алексей. Да, это так. Михаил Александрович был у меня, обещал помогать и передал подарки. Ему я очень благодарен!

Виктория Борисовна. Я тоже привезла тебе гостинцы. Там всё самое необходимое. Фрукты, соки... Тебе сейчас так нужны витамины для выздоровления.

Мама Юрия Юсупова протягивает пакет и продолжает.

Виктория Борисовна. А можно увидеть медаль и сделать снимок на память с тобой?

Алексей. Да, конечно. Сейчас я её достану из тумбочки.

По просьбе Алексея медсестра Альбина делает фотографию. Мама Юсупова снова обнимает Лаханова.

Виктория Борисовна. Лёша, мой Юра уверен, что ты везде выживешь.

Алексей. Виктория Борисовна, так уж сложилось, что пока мне везёт. И ещё плюс в том, что я окончил медицинское училище. А сам я родом из села Поселье. Могу оказать помощь раненым и себе. Да и есть для кого жить. Дома ждут жена, родители, дочь. Ника учится в седьмом классе. Как я могу их подвести? Любовь и вера дают силы и волю к жизни.

Виктория Борисовна. Лёша, у тебя такая огромная воля к жизни! Ты настоящий мужчина с солдатской выправкой, пристальным взглядом и верой в жизнь!

Алексей. Виктория Борисовна, вы захвалили меня, покраснею сейчас. Спасибо вам большое! Всегда приятно слышать такие слова. За моими плечами остались Чечня и Сирия. Не мог остаться в стороне. Родина в опасности. Есть же такой клич: «Кто, если не мы!» На СВО моё место!

Спустя полчаса мама Юрия Юсупова простилась с другом своего сына, вновь пригласив его в гости.

КАРТИНА 3

А через несколько месяцев реабилитации Алексей приехал домой. Там он продолжил лечение.

Земляки. Привет, Алексей! Как ты выжил-то?

Алексей. Здравствуйте! Молитвами моей семьи.

Земляки. Таня! Хотя бы ты расскажи, как всё было. Нам интересно же.

Татьяна. Муж никому не разрешает. Да и ничего хорошего в этой правде нет. Самое главное, что Лёша жив и рядом с нами. Скромный и немногословный у нас герой. Он не любит, когда его хвалят. Мы им все гордимся!

2025–2026

ОРДЕН МУЖЕСТВА

Никто, кроме её самой, не понимал её положения, никто не знал того, что она вчера отказала человеку, которого она, может быть, любила, и отказала потому, что верила в другого.

Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»

Иван КРИВЧИКОВ

Родился 10 февраля 2003 года. Живёт в г. Торжке. Учится в Тверском государственном университете. Актёр народного театра «Фрагмент».

В кафе январским вечером было необычайно душно. Молодёжь носилась по залу, семьи пытались вести разговор. Анна сидела в отдалённом углу сего суетного пространства. На ней был оранжевый пуховик. Она сидела

и дрожала. Холод шёл по её тонким щиколоткам и своим ментоловым дыханьем обнимал ей колени. Распаренные стопы столбенели от промёрзшего пота. Уехавший в командировку парень уже второй месяц держал обет молчания. «Пропал... без вести... пропал», – были её мысли. Она сидела, а эти слова шли строевым шагом, поражая каждую клетку мозга.

– Если пропал, то какой суд? Правильно – никакого суда. Нет тела – нет дела. Я же право имею, кто он мне? Мы не обязаны друг другу.

Он знал, куда шёл и зачем. Всё деньги, всё во-круг – деньги, – проговаривала она шёпотом, попивая из чашки капучино с корицей.

Этот вкус... сладость и душистость, наполняющие грудь воспоминаниями о тех беззаботных зимних променадах. Её грел не кофе, её грела память. Казалось бы, четыре года назад всё было так свободно. Возводилась новая жизнь. Паша окончил техникум, нашёл работу в местной мастерской, она ещё училась на учителя начальных классов. Но один вечер и один вопрос за такой же чашкой кофе изменили всё.

– Да ладно тебе, Нют, подпишу – квартиру снимем, собаку заведём, заживём как люди, что ты так переживаешь?

– Пашуль, ты же понимаешь, что это не шутки. Ты не подпись ставишь, ты ставишь жизнь.

– Престижно же! Ты жена защитника, я защитник – образцовая семья.

– Образец семьи – это когда любимые рядом, а не пропадают невесть где!

– А что, глянь, сколько таких семей, вот Сашка вернулся, машину купили, кредит закрыли, а так нам сколько барахтаться?

«Действительно, “барахтаться”. Ему скучно, что ли? Так трудно? Что ему мешает спокойно жить?» – думала она. Но после его вопроса в ней затаилась обида, отбившая желание что-либо говорить дальше.

– Хорошо, Павел, я тебе мешать не стану. В конце концов, ты же это делаешь для нашего счастья и будущего.

– Вот, это то, что я и хотел услышать!

На том разговор тесный они и кончили.

И вот реальность... на обидную фразу «Я была права» ответа нет уже два месяца.

Хотя она же не знает. Может, операция какая, засада... Тайна есть тайна.

«Моё дело – сиди и жди. Я ведь не хотела так. Я устала сама “барахтаться” в этом ожидании счастливой семейной жизни».

Телефон издал жужжание в кармане, протяжное, как будто усердно давил на неё в куртке.

«Я прогрел бричку, щас подъеду», – светилося на облачке под часами. А там, за этим

сообщением, они – счастливые, с получения дипломов. Стоят и смотрят ей нынешней сверху вниз в душу. «Вы ведь смогли, у вас всё хорошо?.. У нас вся жизнь впереди, всё получится!»

Отсчёт пошёл на минуты. Вот этот момент. «Смогу – не смогу» – решать поздно.

«Ок», – печатает она скупно, руки делают, голова бьёт тревогу.

«Тоже ведь со школы знакомы. Тоже же пытались. Может, я просто свернула не на ту дорогу? Ладно, соберись. Поздно. Всё поздно. Собралась – значит жди».

Она смотрела на дрейфующую по волнам сладостного кофе пену.

– Привет, Нюттик, давно ждёшь? – прозвучал бархатный голос, и за ним грубовато прильнул корпус, который её немного сдвинул с места холодом с улицы.

Она даже вздрогнула, и тара выплюнула каплю напитка, как будто даже чашка кофе её осуждала.

– Да нет, привет, Ром, – неловко улыбнулась она.

– Как дела-то твои? Столько лет, столько зим, – на слове «зим» лисий голос сделал небрежный акцент, протягивая букву «и».

«Как дела?» Что значит «как дела»? И вообще, как такие люди, как она, могут дать трезвый ответ, ну хотя бы честный, на такой безобидный вопрос?

– Нормально, замёрзла немного, вот зашла погреться.

– Чего нам тут сидеть, как у разбитого корыта, золотую рыбку тут не поймал, поехали отсюда, тут шумно.

Ну же, поезжай, ты же хотела, так получай вполне, это уж не твой парнишка, который всё намёками да намёками за тобой. Вот он самец, захотел – взял, приехал, забрал.

– А куда поедет? – робко спросила Аня, как будто в первый раз.

– Хм-м... – задумался лис. – Может, туда, где спокойно? – спросил Рома, но словно только ради приличия.

«Спокойно», – повторила она. То, что ей как раз и нужно.

– Да, поехали скорее, – рванула, встала на ноги и пошла.

Шлица чёрного пальто Романа скользнула тихо в дверях, и вход за ними плавно закрылся.

Та ночь выходила из неё сгустками крови вперемешку со слезами. Рукава пуховика редели с рассветом, а чёрные пятна поблёскивали на его лучах. Во рту онемели дёсны, они ещё пытались чувствовать те зубы, которых не хватает. Глаза было больно открывать, на самом деле и не поймёшь, открыты они или закрыты. Словно сбитое фурией животное, на последнем издыхании она плелась вдоль улиц. Туман над рекой вздымался, небо легко дышало северным мятным ветерком.

«Что значит боишься? Я же твой друг, чего стесняться, мы не маленькие уже», «Пашка ничего не узнает», «Какая же ты сука», – и властный писк в ушах стоял во главе этого бала размноженного голоса. Силуэт метался в голове, летал, влетал.

Что Роман делал с ней и что он сделал с ней? Избил? Изнасиловал? Нет. Наказал.

Наказал так, как умеет делать жизнь. Виновен? Да. Прав? Тоже.

Время шло. Общенья заводил некогда было уже. Рядом сын Петруша идёт под ручку. Смешной такой, немножко неряшливый, шапка набекрень, а идёт и носочек прямо тянет. Глаза хитрые строит, строит, и всё никак он маме памятник её греху не достроит. Каждый близкий внутри неё кирпичик свой да положил, кто резко, с размаху, кто аккуратно, будто землицу её чести, как на похоронах Павла, клал. Вот тот парк, где лето было далёкое, буквально здесь, у этой скамейки, стоял Сашка и фотографировал Аню с Пашей на заставки в их телефонах. Та кафешка уж закрылась, в кофейню переделали. Она пьёт кофе без корицы, без той душистости, без души. А вот и их школа... Как вдруг:

– Мама, а кто этот мальчик? – указывая пальчиком на табличку, спросил сын.

– Это... – пробежала глазами текст на табличке Анна. «В этой школе учился Павел... пал жертвой храбрых в ходе исполнения служебного долга...»

Глаза светлые... через мрамор как будто пробивалась синева Пашиных глаз, уши торчком и, конечно, улыбка, не без наивности, но она была встречающей. Рядом орден Мужества, широкая красная лента с белой тонкой каймой и крест. И жизнь у неё такая же. Белая полосочка, тонкая, но прямая внешне, полная краснота между, и крест уж не на груди сияет, а на судьбе. «Наградили». «Заслужила».

– Это герой, Петруш, защитник... – на последнем слове пробежала дрожь, хотелось взречь.

– Я тоже буду героем? – спросил озадаченно мальчик.

– Ты уже герой, сынок, – ответила со скупой слезой мама.

– Тебя кто-то обидел? Скажи – и я защищу тебя, мамочка! – обнял колени сын, уткнув нос в её чёрный пуховик.

Она упала на колени, обняла ребёнка и рыдала ему в плечо.

К.И.С.
18.01.2026

«ОТРИЦАЛОВО» ВОЛК

Александр МУЛЕНКО

Однажды в город приехал зверинец. Его вольеры были закрыты щитами, обшитыми старой кровельной сталью. Деревья, изображённые на них, ржавели. Но окись хрома ярче коррозии, и фантазия художника приукрасила разруху, как пресса политику, наполняя радостью оскудевшие, уставшие души поселян. Нарисованные зебры щипали траву, барсы охотились, грифы на картинках летали, не зная мук: решётки, скрипа колёс, тесноты помещений, в которых ломаются крылья. В этой показухе животные были сильными, а на деле... Списанные из большого зоопарка питомцы влачили полуголодное существование. Выручки от показа их было мало. Звери рычали, злились, метались из угла в угол – скрипели клетки.

Солнце к полудню согрело землю. Кружились листья. Дул щекочущий ветерок. Осень стояла ласковая, как лето. Она бескорыстно дарила людям последнее тепло, и вездесущие пацанята, желая поскорее увидеть животных, ползали под сцепленными вагончиками, овалом огородившими табор. Дети осторожно

выглядывали из-за колёс на территорию, недоступную без оплаты. Дежурные их журили и, пугая метёлками, отгоняли от таинственной зоны. Удирая, бесенята кривлялись, дразнили взрослых. Собравшись вместе, хвалились друг дружке, кто что разведет. Как плюхнулся тяжёлый медведь или фыркнула лошадь, где клокотал орлан.

Танюша верила в сказки. Девочка стояла около ворот рядом со взрослыми и думала: «А вдруг неожиданно из клетки появится серый волк и укусит?» Она боялась находиться одна.

– Вот получу деньжищи, и мы с тобою обязательно сходим посмотреть на этих разведённых животных, – заверил дедушка Вася. – А так, как это делают мальчишки, «зайчиком», пререкаясь, так делать нельзя. Это – нечестно.

Танечка не шалила. Она послушно стояла на площади около входа в зверинец и заглядывала в глаза работникам, суетившимся возле клеток. Рядом остановился маляр. От него пахло краской. Маляр обратил внимание на девчонку и сообщил ей:

– Для детей билеты почти бесплатные. Ты приходи на выходных.

Дома Танюша рассказала байку из жизни приехавших зверей, услышанную от мальчишек. И, когда малявку уложили в кроватку, долго обманывала мамку, будто спит, плотно закрывая глазки.

В субботу проснулась сама. Тут же умылась и, к удивлению, стала молча кушать не любимую кашу. Девочка хитрила, часто облизывала ложку и даже попросила добавки. Вдруг озабоченные родные не поведут её в зоопарк?

Ни свет ни заря мама помыла в квартире полы, перестирала бельё, прочитала нотаацию о пользе труда. Танюша работала вместе с нею. Покормила рыбок в аквариуме, полила комнатные цветы, почистила коврик для игрушек и напомнила дедушке Васе о себе:

– Я хочу в зоопарк.

– Так вот почему ты такая послушная, хитрюга.

Устав от домашней работы, старик уснул. Его растерянная внучка присела на стульчик. Но возня с игрушками у неё не пошла, потому что живой верблюд сегодня волновал ребячью думу больше плюша. Танечка спросила у мамы:

– Он хищный или домашний?

– Кто? – удивилась женщина.

– Верблюд.

– Он плюётся.

– А что он ест?

– Одну верблюжью колючку.

– Такую колючую? Ему не больно?

– Отстань.

Мамка вручила крохе большую книгу про собак.

Таня уже вертела эту книгу много раз и захныкала. Сегодня она хотела увидеть живого верблюда и полосатую африканскую лошадку, которая нарисована на афише. Из плача выросла буря. Дедушка на диване проснулся и заступился за внучку. Теперь уже «непослушная» мама наряжала дочурку: шнуровала на ней ботинки, проверяла застёжки на курточке, шапочку. «Холодно... осень, – поучала, шлёпая дочку, – не вертись, как юла!»

– Быстрее, мамка.

– Тебя поймает Серый Волк!

Спустя минуту Таня бежала по тротуару, оглядываясь на деда...

Зрители облокотились на поручни ограждений. По откольцованной от посетителей территории зверинца передвигались только рабочие. Они тормозили спящих животных палками. Каждая птица, каждый зверь имели род, отряд, семейство и прописку в Красной книге.

– Ты купишь мне такую книгу, дедушка? – спросила внучка.

– Это книга для учёных, – ответил старик. – В ней написаны виды животных, которые скоро умрут.

Бурые медведи Миша и Маша когда-то работали в цирке. Сегодня они проживали в разных клетках. Медведи стояли на задних лапах и кривлялись. Миша был чёрного окраса. Ему доставалось больше внимания от публики. Нос у Миши был перепачкан шоколадом. Время от времени он танцевал и раскланивался. Люди кидали сладости.

У Маши танцы не получались. Рыжая медведица игриво мотала головой, но никто ни разу её не угостил. Тогда она просунула свой нос между прутьями в клетку братца и заскулила, выпрашивая конфету. Но великий артист отвернулся от сестрицы, важно облизывая свои шоколадные лапы.

– Дедушка, Машенька плачет!

Танюша увидела на морде у медведицы слёзы. Девочка уже полюбила эту незадачливую косматую подружку.

– Да, братец жадный попался, – согласился старик.

Звери, как люди, горюют. Лучшие наши поступки и чувства принижены в свете большого таланта – мы завидуем героям. Но купаются в розах наши кумиры. Из вечности они смеются над нами. Дисгармония духа, одиночество гнетут. Мы умираем забытые, жалкие.

– Ты обещал мне мороженое, дедушка...

Старик согласился, но возразил:

– У тебя сегодня ангина – бухикать будешь.

Мамка выгонит нас из дома лечиться к врачу.

– Я не буду бухикать.

Дедушка колебался, пересчитывая копейки. Видя его нерешительность, Таня sluкавила:

- Честное слово нужно всегда держать.
- Хитрая ты, Танька.
- А ты не обещай.

Уже с мороженым в руках она вернулась к медведям и ошарашила взрослых. Девочка нырнула в запретную зону и поспешила навстречу Маше. Перепуганный старик бросился вслед, да внучка укусила его за руку, а воспрянувшая духом медведица перестроила нос в их сторону и, как дрессированная собака, запртыгала от нетерпения на задних лапах.

- Я угощу, я поглажу!

Вагончик, где находилась медведица, закачался.

- Вернитесь! – кричали люди.
- Отпусти меня, деда!

Пойманная за воротник девчонка сопротивлялась.

– Это моё мороженое! Я кому захочу, тому его и отдам! Дедушка! Разрешите мне, пожалуйста, угостить Машу.

- Угла тебе мало? Возьму ремень.

Танечке улыбнулся знакомый художник, который охорашивал рекламу в день приезда зверинца в город. Он взял из рук у крохи мороженое и отнёс его медведице в клетку. Миша, съевший к этому времени все свои сладости, уже завидовал Маше. Зрители ликовали. Они ободряли Танюшу, но напуганная дедом проказница понуро глядела вниз.

- Я виноватая, – бубнила она.
- Ну что ты, что ты! Что ты, зайчика! – погладил её старик.

Он отошёл от гнева.

- Ты не рассказывай маме.
- Пойдём-ка, посмотрим серого волка.

Только ты не подходи к злодею слишком близко, он – «отрицалово» и не работает в цирке.

Перед клеткой было скользко. Угрюмые хищники жались друг к другу в далёком углу. Худая белёсая волчица лежала на боку, вытянув лапы подушками в сторону зрителей. Её пушистый друг был рядом. Две морды, прижавшись одна к другой, глядели на людей, и казалось, что это один зверь – большой и двухголовый.

Сердитый кипер постучал берцовой костью по клетке.

– Встань! – приказал он волку. – Покажись народу!

В левой руке была тяжёлая палка. Ею человек попытался огреть животных, желая разрушить их суровое единство.

Серый волк не спешил. Он медленно поднялся, зевнул, вытягивая вперёд свои передние лапы. Дважды встряхнулся. И только потом сутулый разбойник с достоинством подошёл к человеку. Тот протянул ему кость.

- На!

Хищник осторожно взял её в зубы.

– Видишь, Таня, какой он страшный! Этими зубами он режет скотину наповал... Позвонки на шее у своей жертвы перекусывает, как ты конфету. А сильный враг! Овцу на спине несёт и не задыхается...

Работник зоопарка рассмеялся недобрый смехом. Оттолкнувшись ногою от вагончика и отбросив назад своё грузное тело, он резким движением вырвал кость из пасти у зверя. Скрипнули зубы, и ни с чем остался суровый хищник. Люди молчали. Поражённые этой выходкой, они, словно парализованные, ждали, что будет дальше. А «хозяин» продолжал глумиться над зверем. Размахнувшись, он ударил костью по носу одуряченного волка и снова протянул ему её в клетку.

- На-а!.. Ешь!

Зверь поднял глаза и увидел обидчика. Взгляды встретились. Волк и человек оценивали друг друга. Мерили души. Искали силы.

Падали листья. Шуршали. Муха жужжала рядом...

Тане вдруг стало по-настоящему страшно. Две капельки пота блеснули у неё на лбу и, холодные, медленно покатались по переносице. Девочка не плакала, она спряталась за спину деда и крепко вцепилась ему в штанину, чуть дыша наблюдая неравную борьбу человека и зверя.

Повторно сомкнул серый волк свои челюсти. Мёртво. И сколько ни бился рабочий о клетку, как резко ни дрыгал он телом, ни единый мускул не дрогнул на морде у хищника. Только могучая шея ходила из стороны в сторону вслед истеричным движениям «кормильца». Тогда человек начал бить волка палкой по го-

лове. Может быть, ему казалось, что он этим развлекает народ и выполняет свою миссию перед публикой? Но истязаемый зверь терпел. Его глаза наливались кровью.

– За что он его так бьёт? – прошептала Таня.

Дети с малых лет воспринимают битьё как должное за проступки, за не такой, как у всех, образ жизни и мыслей. Нас бьют, загоняя в рамки приличий и правил.

– Он волк, – ответил дедушка.

Это неоспоримая истина. В детском саду и по телевидению часто рассказывали о коварстве этого зверя. Но доброе детское сердце боролось с разумом.

– Разве нельзя по-другому, ласково? Может быть, волки тоже дрессируются как медведи, а? Деда! Или как собаки? Просто никто ещё не научился этого делать?

– Нет, Таня, волки не дрессируются.

– Но я не хочу, чтобы его так били. Я буду дрессировать его, когда вырасту!

Волчица поставила точку в борьбе. Словно молния, вылетела из угла и клацнула зубами перед самым лицом дразнившего. Кто хоть однажды слышал этот звук, тот уже никогда его не забудет, ни с чем не спутает. Так охотятся волки на воле, преследуя жертву, и так защищаются они, прижатые к стенке врагами. Рабочий выпустил кость из рук, выронил палку и плюхнулся в лужу.

– Отравлю, уморю тебя голодом, серая гадина!

Люди смеялись. Только Таня всё ещё заглядывала в глаза дедушке, не понимая причину веселья...

Они вернулись домой счастливые и уставшие.

– Я люблю тебя больше всех на свете, – пробормотала внучка, засыпая. – Деда! А мы ещё раз пойдём в зверинец?

Ей снились медведи, все в бантиках – нарядные, и «отрицалово» волк бегал наперегонки со своей волчицей по манежу, клацая зубами, развлекающая публику. Звучали фанфары. Таня была дрессировщицей. Она украдкой смотрела на зрителей, среди которых сидели и хлопали в ладоши её мама, папа и дедушка Вася.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

В руках у дедушки была газета.

Танечка кормила из чайной ложки куколку Надю.

– Издохла твоя волчица, издох верблюд.

Внучка подошла к старику и спросила:

– Правда?

Он ткнул пальцем в колонку с текстом и прочитал, что на живодёрне – ремонт, что хищники остались без мяса.

Девочка вернулась к игрушкам и стала им рассказывать про тяжёлую жизнь в зверинце.

– Серый волк остался один?

– Один, – ответил дед.

– И некому заступиться, чтобы его не били.

– Зачем его бить? Он и сам подохнет без мяса.

Утром из кастрюли с борщом исчезла большая берцовая кость. Мамка не сразу обнаружила пропажу. Она спросила у взрослых, как поделили мясо.

– Я не видел мяса, – ответил папа.

Дедушка тоже отрицательно мотнул головой.

– Не Таня же слопала? Её кашу есть не заставишь, две чайные ложки без горки по утрам, а тут огромная кость.

Дедушка начал догадываться, что произошло.

– Ты просто забыла про это мясо и не сварила его совсем.

– Я, по-твоему, выжила из ума? – буркнула мама. – Куда запропастилась несносная девчонка? Ушла немного погулять, а пропала на целый час. На улице слякоть, из носа сопли текут, а она, как дурочка, носится с новой куклой к своим подругам.

– Хваста, – ответил дед.

– Иди ищи свою внучку. Едва появится, накажу. Закрою её в кладовке на целый час и выключу свет.

Столько машин Таня ещё не видела никогда. Тягачи, пробуксовывая, вытягивали вагончики с животными на дорогу. Сизые газы медленно откатывались в степь. Клетки были закрыты. Исхлестанные слякотью рекламные

плакаты сиротливо дрожали на ветру, как последние листья осени. Рабочие в перепачканных комбинезонах уже не выглядели праздничными.

– Уезжаем мы, девочка, – узнал её маляр. – Ты пришла, чтобы попрощаться?

– Дяденька, а вы уже никогда не вернётесь? – с надеждой спросила Таня.

– Вернёмся... Вот оклемаемся и вернёмся. Весною, когда растает снег. Медведица уже спит, а Миша дремлет.

– А волчица?

– Она издохла, – грустно сказал рабочий. – Ты огорчилась?

– Волк остался один?

– Пока живой.

– Вы не бейте этого волка. Дедушка прочитал в газете, что ему сегодня нечего есть. Это – правда?

– Да, это – правда. Но я думаю, что мы его накормим, когда вернёмся в зоопарк.

– Я принесла ему косточку.

Чуть помедлив, она добавила:

– С мясом.

Таня развернула пакет, в котором лежало приношение. Она подняла на человека, бывшего рядом, просящие глаза.

Серый волк тосковал. В последнее время он выл по ночам, и руководство зверинца серьёзно обсуждало вопрос о его убийстве. Отпустить на свободу было нельзя: волки, как правило, выживают на воле, но этот был одинок и порезал бы всю скотину в округе. В отличие от других животных волки моногамны и не находят покоя в жизни после смерти подруг.

– Павел Петрович! – крикнул маляр.

Пожилый человек остановился и вопросительно посмотрел на рабочего.

– Павел Петрович, я прошу вас об услуге. Эта девочка принесла волку из дома кость. Газета написала о наших бедах.

Измотанные жизнью люди смотрели на ребёнка. Где-то далеко на родине их ждали дети, такие же беззащитные, добрые, отзывчивые к горю.

– Красная Шапочка принесла Серому Вол-

ку большой гостинец? И совсем не боится того, что он её проглотит вместе с ним? – улыбнулся начальник зверинца: – Откройте волка!

Рабочие отвернули болты у клетки, отбросили тяжёлый навес. Волк, как и в первый раз, когда Таня только увидела его, лежал в дальнем углу, вытянув лапы подушками к людям. Девочка привстала на цыпочки и осторожно положила косточку с краю вольера, подтолкнула её палочкой ближе к волку и позвала:

– Покушай, не умирай.

Ей всё ещё казалось, что дрессируются волки, что, услышав её, Танечкин, голос, обоганный всеми зверь поднимется и, словно собака, вильнёт хвостом в ожидании команды «Ко мне!». Но лежал одинокий хищник, поверженный горем.

– Волченька.

Танюша оглянулась на стоявших сзади людей и заплакала.

Это были взрослые, сильные люди, они понимали всё, но не могли ничем помочь этой девчонке, потому что знали: волк независим и ничто его не заставит подняться, если он сам этого не захочет. Танечка размазывала слёзы, её подвиг не состоялся. Так плачут наши матери и жёны, провожая в дорогу. Мы не понимаем, не видим их горе! Но всё-таки волк встал и подошёл к этой маленькой косточке, обнюхал её и посмотрел на Таню. Потом обнажил зубы и осторожно поднял подарок.

– Нам надо ехать, девочка, – сказал начальник.

Люди отвели её с дороги. Таня стояла на обочине и махала рукой, провожая в путь этот длинный звериный поезд. Каждый водитель, проезжая мимо неё, давил на клаксон.

– До свидания, Танечка!

На пустыре, исполосованном следами протекторов, осталось одна забытая бесколёсная клетка. Когда-то в ней обитал верблюд. Сегодня её разобрали на запчасти.

Жизнь

Александр АЛЕКСАНДРОВ-КАСЬКИНСКИЙ

Заглянув в спальню и убедившись, что дед проснулся, Никифоровна спросила:

– Ну что, поедем?

– А ты, похоже, сегодня совсем не спала? – в свою очередь спросил он жену, когда та подошла к кровати. – Как ни проснусь, всё у тебя свет горит. Опять кроссворды ночь перешибли?

– Да что-то не спалось, а потом смотрю – уже утро, пора вставать. Вот и решила заглянуть к тебе, узнать, поедем или нет.

Особого желанья куда-то ехать у деда не было. Не поднимаясь с постели, он глянул в окно. День обещал быть жарким. Срочных дел по дому вроде бы не предвиделось, к тому же оба на пенсии – и почему бы в воскресенье не съездить на природу? С окна дед перевёл взгляд на Никифоровну и по её приподнятому настроению понял, что в городе оставаться ей не хочется. По-молодецки сбросив с себя одеяло и не вставая с постели, с хрустом в коленях размял ноги, решительно произнёс:

– Поедем, конечно, поедем, что в такую жару в городе-то делать, а так хоть с природой пообщаемся!

– Тогда быстренько поднимайся! – обрадовавшись решению мужа, весело скомандовала Никифоровна.

Примерно часа через полтора в электричке, прижавшись друг к другу, они катили в сторону Зеленогорска. Народу в вагоне было много, словно сговорившись, все высыпали из города. Но, несмотря на временные неудобства, настроение оставалось приподнятым. Ехали они на дачу к племяннице жены, и от ощущения, что их где-то ждут, было приятно вдвойне. Час езды в дороге пролетел незаметно, и вот уже по внутреннему радио объявили: «Зеленогорск».

Сойдя с перрона и покинув последнее прибежище городской цивилизации, где пахло мазутом

и плавленным от жары асфальтом, они оказались в совершенно ином мире. Здесь чувствовался загородный простор и изобилие зелени. Чистый воздух и разноголосое пение птиц в первые минуты действовали на городского человека опьяняюще. Небо дышало зноем, а утро, застывшее среди зелени искрящимися солнечными лучами, казалось необыкновенно торжественным.

Природа, словно гостеприимная хозяйка, приветливо встречая каждого прибывшего, удивляла приезжих своим величием, красотой и неограниченным простором. С вокзала в сторону дачи вела неширокая асфальтированная пешеходная дорожка, сплошь укрытая свисающими кронами. Рядом с нею, будто миниатюрные пирамиды, возвышались конусообразные муравьиные гнёзда, а чуть в стороне, искривлённая частыми поворотами, пролегла оживлённая автомобильная дорога. По пути следования гнездовья муравьёв встречались так часто, словно только им, неутомным санитарам, было доверено следить за экологией здешних лесов, по возможности сохраняя их для потомков в первозданном виде.

Глядя на неутомимых тружеников леса и вспомнив строки из стихотворения петербургской поэтессы, дед торжественно продекламировал:

*Египетское царство муравьёв
Воздвигнуто в тени сосновых сводов.
И переполнен солнцем до краёв
Нефритовый, смолистый храм природы...*

И вот наконец заветная калитка. Ещё не успели войти, а уже навстречу бегут встречающие: Лида, Марат и, конечно же, их сын Артём. После недолгих расспросов о том, как доехали, хозяйка повели гостей к дому, который находился в глубине сада. Началась ознакомительная экскурсия по территории. Не знаю уж, как Никифоровне, но деду общий вид дачи площадью не менее двадцати соток понравился с первого взгляда.

Двухэтажный, старой постройки коттедж, не выпячиваясь своей былой архитектурой, ненавязчиво вписывался в окружающую среду. Рядом с ним мирно соседствовали небольшие одноэтажные строения, скромно прижавшиеся к границе нетронутого леса. Сад, колодец, сохранившиеся вековые липы и сосны, по определению деда, создавали благоприятные условия для проживания.

После небольшого отдыха, взяв с собою Артёма, гости решили прогуляться, а заодно ознакомиться с окрестностями. Пешеходная дорожка была заполнена приезжими, и, решив уединиться от людской суеты, они свернули на первую попавшуюся лесную дорогу.

Углубившись в лес и попав в царство вековых сосен, поддерживающих на своих каракулевых макушках голубое небо, отдыхающие всё дальше и дальше уходили от пропахшего бензином и копотью асфальта. Сосны, словно лиловые свечи, стояли вдоль заросшей травой дороги, с любопытством разглядывая приезжих, угощая их чистейшим воздухом, настоящим на запахе смолы с добавлением лёгкого аромата цветущих ландышей. Прогулка затянулась.

Прошагали ещё пару километров, и на небольшой возвышенности открылась поляна, покрытая изумрудной зеленью, усыпанная крапинками голубых незабудок.

Чуть в стороне, под ветвистым рябиновым кустом, были обнаружены следы пикника, возле которых на вкопанных в землю деревянных столбиках покоилась скамейка. Венок из разнообразных лесных цветов завораживающим созвездием высветился по всему периметру поляны, а за ней, слегка прикасаясь друг к другу веточками, хороводили озорные молоденькие сосенки. И только на самой её пуповине, несмотря на полуденную жару, накинув на себя изъеденный временем серый кафтан и словно опираясь на клюку, стояла старая разлапистая сосна и с нескрываемым любопытством разглядывала только что подошедшую к ней берёзку.

Она остановилась возле этой сосны в своём беленьком в крапинку платице, и в её распустившейся кроне искорками отплясывали блики отражённых солнечных лучей. Было заметно, что среди молодой сосновой поросли незнакомка

чувствовала себя неловко и, подойдя к одинокой старой сосне, казалось, попросила у неё разрешения влиться в общий хоровод, а возможно, просто заблудилась и, случайно выйдя на эту поляну, стала расспрашивать, как отыскать в лесу нужную ей тропинку.

* * *

Лето, распаренное зноем, было в самом разгаре.

Лучи солнца, процеживаясь между перистыми облаками с голубыми проталинами, застревали в кудрявых верхушках сосен. Воздух был пропитан тёплой хвоей... В траве золотистыми светлячками отражалась игра солнечного света. В отблеске янтарно-сосновой тиши, сморённая жарой, кому-то лениво гадала кукушка, а трудолюбивый дятел, удобно пристроившись на приглянувшемся ему дереве, под многоголосье хорового пения птиц старательно на всю округу «стучал на барабане».

Отдохнув возле «пикника» на скамейке, по этой же дороге путники неторопливо отправились обратно. При выходе из леса, в стороне от автомобильной дороги, дед увидел одиноко стоявший железобетонный столб, на котором довольно высоко над землёй был приклеен лоскут чуть пожелтевшей бумаги. «Кажется, объявление», – подумал он и окликнул своих попутчиков, шедших чуть впереди и о чём-то беседовавших.

Никифоровна остановилась и, видимо, подражая только что рассказанной Артёму сказке, спросила:

– Чего тебе надобно, старче?

– Да вон объявление увидел, поди-ка глянь, что там написано, – и он указал рукою на столб.

– Всё-то ты замечаешь! – улыбаясь сказала Никифоровна и, подойдя к столбу, вслух прочитала: «Продаются земельные участки...»

– А ну-ка, на всякий случай запиши номер телефона, авось пригодится!

– Нечем и не на чем – с собой нет ни бумаги, ни ручки!

– Как же быть-то? – сокрушаясь, сказал дед, тщетно пытаясь отыскать в своих карманах случайно завалывшуюся бумажку и карандаш.

– Да я запомню! – весело крикнула Никифорова. – Ты тоже на всякий случай положи на свою полочку, а дома друг друга проверим. – И она продиктовала цифры, написанные на лоскутке бумаги.

Дед на память не жаловался, поэтому на предложение Никифоровны «положить на полочку» тихо произнёс:

– Ну что ж, проверим, у кого лучше сохранилась память. – И цепко ухватился за услышанные циферки.

На дачу вернулись уже ближе к вечеру. Марат стоял возле мангала и готовил шашлыки, а Лида хлопотала возле обеденного стола.

После прогулки прямо в саду, возле домика, все уселись за стол. Среди множества приготовленных яств на столе, покрытая стекающими капельками пота, стояла бутылка водки. Выпили по рюмочке, закусив шашлычком с хрустящими огурчиками, и завязался непринуждённый разговор. Лида, конечно же, полюбопытствовала, как прошла прогулка и понравились ли здешние места.

Отвечая на вопросы хозяйки, Никифорова вновь мысленно отправилась по только что пройденному маршруту, с восхищением рассказывая о красотах здешних мест. Слушая жену, дед осторожно делал незначительные поправки и дополнения, не вмешиваясь в суть разговора.

В сумеречной тишине загадочно отбрасывали тени деревья, пахло грибами, сад дышал влажной свежестью.

На небосводе из бархатистой вечерней дымки выскользнула луна и неподвижно застыла над лесом. Неподалёку в кустах распевала свою неумолкающую песню одинокая птица.

Рядом, свесив почти до самой земли зелёные ветви и в честь гостей переодевшись в белоснежные платья в чёрную крапинку, стояли похожие друг на дружку три одинаковые берёзы. За столом ручейком переливался неторопливый разговор, и лёгкое эхо, подхватывая отдельные слова, уносило их куда-то за угол дома, где они постепенно таяли в необозримом просторе лесного массива.

Посмотрев на берёзы и обращаясь к сидящим, дед вдруг произнёс:

– Да вы только гляньте-ка на этих красавиц! – и кивком головы указал на сестричек. – Они же прислушиваются к нашему разговору! Посмотрите, как ушки-то наострили!

– Ой, и правда, а я как-то этого и не замечала, хотя каждый день с ними общаюсь! – восхищённо произнесла Лида и, глянув, как в мягкой прозрачности лунного света с берёз на землю падают глянцевые брызги листьев, продолжила: – А знаешь, дед, они только на первый взгляд кажутся одинаковыми, на самом же деле характеры у них очень разные!

– Как это так? – теперь уже удивлённо произнёс дед.

– А вот так, сейчас вы в этом убедитесь! – и, выйдя из-за стола, она взяла лист фольговой бумаги и поднесла к крайней берёзе.

Бумага, словно намагниченная, у всех на глазах стала притягиваться к стволу дерева.

Продолжая свой эксперимент, Лида подошла к другой, что стояла посередине. И та, видимо, обидевшись на излишнее к себе внимание, к удивлению гостей, резко оттолкнула бумагу от своего стройного белоснежного стана.

То ли от выпитой рюмки водки, но на какую-то долю секунды деду показалось, как эта самая берёза-недотрога, словно на картине Крамского «Неизвестная», гордо подняла свою красивую голову, откинула назад прядь волос, вьющихся ковыльными завитками, и, недовольная тем, что до неё дотронулись, отвернулась в сторону.

– Эх норв-то какой, а! Вы только гляньте на эту красавицу! – воскликнул дед, восхищаясь её независимым характером. – Так, милая, недолго и в девках засидеться! – И в этот момент деду пришли на ум чьи-то замечательные поэтические строки. Немного перефразировав и посвятив их берёзке-недотроге, он торжественно прочёл:

Ты её насмешками не трогай,

Если удивить её не смог.

Это ж замечательно, что много

На земле берёзок-недотрог...

То ли стоящие рядом берёзы, то ли прекрасные поэтические строки всколыхнули застоявшуюся душу деда, только после этого он

поднял наполненную рюмку и предложил выпить за прекрасных женщин, сидящих за столом.

После выпитой рюмки водки дед вспомнил о лоскутке бумаги, на котором было объявление с телефонным номером. Поскольку он был ещё и страстным коллекционером, его вдруг осенила некая мысль, но как, сидя за праздничным столом, преподнести свою задумку, дед пока не знал. Однако, немного подумав, он, обращаясь к Никифоровне, сказал:

– По-моему, сейчас настало самое время проверить нашу с тобой память!

– Это ты о чём? – спросила она, видимо, в пылу застольного разговора позабыв про номер телефона, записанный на лоскутке бумаги.

– Как это о чём? О том самом, как час тому назад ты посоветовала мне для сохранности что-то положить на полку!

Марат с Лидой переглянулись. Видя их недоумение, дед рассказал об объявлении и, воспользовавшись небольшой паузой, попросил Лиду быть судьёй в предстоящем споре.

С присущим ей юмором Лида воздела кверху белоснежные, как лебединые крылья, руки и улыбаясь произнесла:

– Клянусь вечерним бархатным небом, что буду судить беспристрастно, и благодарю всех присутствующих за оказанное мне столь высокое доверие!

– Вот и ладненько, вот и хорошо! – довольно потирая ладони, произнёс дед и, соблюдая этикет, поднялся со стула, сделал поясной поклон гостеприимной хозяйке.

После такого неожиданного начала Никифоровна протянула руку навстречу руке деда и со свойственным ей темпераментом произнесла:

– На что спорим?

Дед этого вопроса только и ждал. От предвкушения победы, входя в раж азартного спора, он немного поёрзал на табуретке и повторил:

– На что, говоришь, спорим? Ты, Никифоровна, задала вопрос, тебе, стало быть, первой и решать!

– Ну хорошо! Хочу, чтобы ты, дедуль, купил мне красивое платье. А я, если проиграю, куплю тебе...

– Э-э-э, нет, моя дорогуша! – остановил её дед. – Ты своё пожелание высказала, а то эк куда

тебя понесло! За меня уже начала решать, что мне надобно, будто у меня своей головы нет.

– Ладно, решай сам, не возражаю!

– Вот так-то оно лучше! Конечно, сам, кто же лучше меня может знать, что мне надобно!

Улыбаясь, Марат продолжал смотреть то на Никифоровну, то на деда, соблюдая при этом полный нейтралитет, а «судья», выслушав обе стороны, сказала:

– Дед прав. В этом деле правила должны быть строгие, а главное – для обеих сторон одинаковые. Проигравший должен в обязательном порядке выполнить условия выигравшего, иначе спор не будет иметь никакого смысла.

Воспользовавшись поддержкой «судьи», дед продолжил:

– Не далее как третьего дня в одном из банков я увидел золотую монету, вот эту «полушку» я и ставлю на кон в нашем споре.

От услышанного у Никифоровны распахнулся рот.

– Ого-го! – воскликнула она, не ожидая такого «аппетита» от своего дедули. – Ты хоть представляешь разницу в цене?! – и попыталась вырвать свою руку из ладони деда.

– Да подожди ты, не суетись! Что разгоготалась, словно гусыня перед сном! – прикрикнул на неё дед, продолжая удерживать руку жены в своей ладони. – Во-первых, по нашим условиям предмет спора каждый выбирал сам. Во-вторых, я принародно не возмущаюсь насчёт твоего выбора, а наоборот, уважаю его, и, если проиграю, будет у тебя платье самое лучшее, какое ты пожелаешь, и стоять оно будет не меньше, а, возможно, даже больше, чем выбранная мною монета. А ты заладила о какой-то дороговизне. Да что стоит с твоей пенсии выкупить какую-то золотую безделушку?! Это для тебя раз плюнуть!..

Когда же мнения сторон были улажены и руки участников спора разошлись в разные стороны, слово взяла «судья»:

– Мы предлагаем тебе первой написать номер спорного телефона, который отложился в твоей памяти, – сказала Лида, подавая Никифоровне карандаш и чистый лист бумаги.

Взяв в руки карандаш и мысленно ругая себя, Никифоровна подумала: «Да что это я бу-

зу-то затеяла, будто без этого спора нельзя было купить монету. Можно подумать, что для своего деда я что-то жалела...»

Именно сейчас, в этот прекрасный вечер, она вспомнила Саратов.

В те далёкие незабываемые студенческие годы, когда душа её начинала пеленаться с любимым, она, хмельная от счастья, не думая о завтрашнем дне и опоённая любовным бальзамом, бежала к нему на свидание. Даже не бежала, а скорее летела с верой в своё счастливое будущее. Влюбилась с первого взгляда, когда его увидела, и, выйдя в восемнадцать лет замуж, всю нерастраченную любовь, без остатка, отдала мужу. С тех пор много годков минуло, но за дымкой ушедшего времени чувства к любимому не угасли, а наоборот, каждая её клеточка и по сей день живёт думой о нём. Что и говорить, порою на душе было тяжело, ох как тяжело, когда ей казалось, что её любовь неразделённая.

«Наверное, разлюбил», – думала в такие минуты она. Но время всё расставляло по своим местам. В ежедневных заботах незаметно заживались душевные раны, и тогда рядом с собою женщина вновь обретала любящего, заботливого мужа.

Вот и сейчас, зная его страсть к различным безделушкам, Никифоровна увидела, как загорелись глаза деда, когда тот завёл речь о монетке.

«Неужто своими руками возьму и ни с того ни с сего задую в нём этот огонёк желания?! Нет, этому не бывать!»

Представив своего деда счастливым, когда они вдвоём идут выкупать приглянувшуюся ему монетку, она улыбнулась и на бумаге вывела номер телефона, сознательно заменив одну из цифр на другую.

– Теперь, дед, слово за тобою, – и «судья» пододвинула ему вместе с карандашом чистый лист бумаги.

Взяв бумагу, он зачем-то погладил её ладонью и, будто бы увидев на поверхности нужный ответ, про себя решил: «Никакой монеты – и basta! Это не к спеху... Лучше перво-наперво справлю Никифоровне платье!» – и, незаметно улыбнувшись в поседевшие усы, представил, как жена в новом платье со строгой причёской под руку с

ним идёт в театр. Ну точь-в-точь как, бывало, в молодости. И так захотелось ему увидеть жену в отличном платье, что он чуть было не вскрикнул: «Смотрите, какая она у меня красавица!»

Конечно, что уж тут лукавить, кому из коллегционеров не хочется пополнить свою лекцию новым экспонатом? Но всё это ничто по сравнению с теми минутами, когда видишь любимую счастливой!

В молодости дед никогда не задумывался, что такое любовь, и по-настоящему в неё не верил. Если какая-нибудь девушка и западала в душу, то любил по-своему и об этом, упаси бог, никогда никому не рассказывал. Поэтому в свой адрес от девушек часто слышал о чёрствости закрытой души и нелюдящем характере.

– Что-то ты долго раздумываешь, – услышал дед голос Лиды, напомнивший ему о листе бумаги, который продолжал лежать перед ним, отливая белизной в сумерках ушедшего дня.

Очнувшись от задумчивости, он взял карандаш и, не торопясь, безо всяких колебаний, осознанно переставил две цифры в телефонном номере, который хранился на «задворках» его памяти, после чего, довольный своей работой, важно отодвинул от себя лист бумаги.

Лида взяла оба листа и долго всматривалась в цифры. Наконец, оторвав взгляд от бумаг, произнесла:

– На том и другом листе номера не совпадают, и который из них правильный, похоже, выясним только завтра.

До этого всё время молчавший Марат улыбаясь мудро изрёк:

– Чтобы поставить точку в вашем споре, завтра все вместе совершим поход к тому столбу, где висит объявление, а сейчас, по-моему, настало самое время, чтобы пропустить ещё по одной. – И хозяин стал наполнять рюмки.

– Нет! – решительно сказал дед. – Пропустим потом, когда приду. Зачем откладывать до завтра, когда разрешить спор можно сейчас?

– Да ты что, дед, и вправду собираешься идти? – испуганно спросила Лида. – На дворе же ночь, глянь-ка!

– Откладывать до утра не в моих правилах, и потом прогуляться перед сном в обнимку с

белой ноченькой одно удовольствие, а когда результат будет ясен, крепче спать будем! Так что я сейчас, мигом! – И, взяв карандаш, фонарь и клочок бумаги, дед по-молодецки посеменял за пределы дачи.

Когда же он начал переписывать телефонный номер, указанный в объявлении, то обнаружил в нём семёрку, которой уж точно не было у него «на полочке». «Старый дурень, едри тебя в катушку! – обругал себя дед, топая обратно на дачу. – Совсем забыл, что я на одно ухо хромаю, вот мне и послышалась вместо семёрки восьмёрка! Ладно, что ни делается, всё к лучшему. Теперь-то уж Никифоровна наверняка в споре выиграла! Это хорошо! Завтра, не откладывая в долгий ящик, пойдём в магазин подбирать жене платье».

* * *

Белая ночь, подёрнутая сероватой дымкой, казалась таинственной и от этого ещё более прекрасной. Луга, украшенные бисером росы, курились лёгким туманом, наполняя пейзаж лёгкой акварелью. Сочные травы пахли землёй и небом.

Шагалось и думалось легко.

Мысли, как ручейки в весеннее половодье, сначала разбегались во все стороны, а затем, сливаясь в общее русло, придавали течению нужное направление. Дед и сам не мог понять, что повлияло сегодня на его хорошее настроение, такое с ним бывало редко. Возможно, этому предшествовал воскресный день с загородной прогулкой на природе, а может, желанная встреча с друзьями или, в общем-то, ничем не примечательный спор, от которого повеяло юношеским задором. Шагая по тропинке, он вспоминал свою деревню, где когда-то в детстве играли в такую же игру. Только называлась она «Бери да помни», и в этой игре выигрывал тот, у кого оказывалась лучше память.

Хотя и давно уже он стал городским человеком, но деревню свою не забывает. Она, как непреходящая любовь, шагает с ним рядом всю жизнь, придавая ему силы и вдохновение.

Деревня, которая ещё в детстве вошла в него незаметным ручейком, постепенно набирая силу, превращалась в большую бурную реку, название которой – Жизнь. Может быть, поэтому сегодняшний воскресный день виделся ему в особых красках, и за это прежде всего он благодарен жене, что вытащила домоседа на природу.

«Нет, завтра же куплю ей платье, и не лишь бы какое, а с полевыми на нём цветами, разбросанными бисером, какие росли у нас в деревне за околицей!»

Думая о планах предстоящего дня, дед не заметил, как подошёл к даче. При его появлении за столом воцарилась тишина.

– Ну и как, Никифоровна выиграла? – выпалила Лида, как только дед присел на табуретку.

Не ответив, он жадно прильнул к стакану с минеральной водой.

И тут снова прорезался голос у Марата:

– Раз молчит, значит, золотая монета у деда в коллекции, и за это следует выпить!

– Похоже, Марат прав, – улыбаясь сказала Никифоровна, – и завтра мы пойдём выкупать приглянувшуюся деду золотую монету.

Когда все выговорились, дед вынул из кармана записанный им номер телефона и молча положил на стол перед Лидой. Сравнив ранее записанные номера с «оригиналом», она коротко произнесла:

– Ничья!

После того как в споре была поставлена точка, обращаясь к Марату, дед произнёс:

– Наливай!

Посидев ещё с полчаса, стали расходиться ко сну. Засыпая, дед услышал, как откуда-то из потаённого уголка ночного леса, словно передразнивая, в открытое окно донёсся голос ночной пичужки: «НИ-ЧЬЯ, НИ-ЧЬЯ, НИ-ЧЬЯ!..»

Довольный результатом ушедшего дня, дед улыбнулся лесной певчей птице и заснул крепким сном.

Под таинственный шелест ночных деревьев, прижавшись к деду, крепким сном спала и Никифоровна.

Владимир КОЛЬЧУГИН

Владимир Кольчугин родился в глубинке Мещеры, на границе Владимирского края и Рязанской земли, в 1970 году.

Основные темы творчества: родная, тихая Мещера, Рязанский край и Владимирская земля, мудрая православная Русь, Золотое кольцо России, история и современность, лихолетье Великой Отечественной войны, тектонические изломы сегодняшних дней, война за Русский мир, великое будущее Отчизны, милая природа, свет и вера русского слова, отеческий дом, любимая женщина.

стихами

1. СТОЛИЦА УРАЛА – СТАРИННЫЙ МОЙ ГРАД

Столица Урала – старинный мой град,
истории русской свидетель великий.
Картин величавых и горьких парад:
века, современность, соборы и лики...
Года над Исетью и вехи парят.
С тобой, добрый город, быть счастлив да рад!

Здесь Екатерининский горный собор
восстал как начало, опора для веры.
Но храмы порушены – жёсткий напор –
ревели свирепые, злобные ветры...
Душа-христианка, российский простор
излучат – любовь и надежда безмерны.

В декабрьской метели торжественен сонм
по улице Пушкина на именины:
соборного города строгий стозвон
лелеет день памяти Екатерины.
Святая отводит сна ветхого стон,
пример посылает сквозь жизни стремнины.

2. СВЯТАЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА ЕКАТЕРИНА

Велик Господь! В Его деснице
предивный мир и человек.
Нам житие святой девицы
укажет путь из века в век.

При царстве грозном Максими́на,
прекрасна и мудра, славна,
в роду царей Екатерина
цветком чудесным возросла.

От матери начатки веры.
Душа тянулась к небу, в свет.
Язычества пороки-скверны
кругом зияют... Кто ответ

откроет для девицы юной?
Кто Юноша? Где Муж, Отец?
И старец приоткрыл ей мудрость:
Есть Повелитель для сердец!

Неизречён и сверхъестествен
Пречистой Девы кровный Сын.
Учитель христиан, известен:
с Отцом и с Духом Он един.

Екатерины просьбы слёзны:
Мать-Всецарица, Сын Твой пусть
воззрит приветливо, не грозно,
подарит свет, откроет суть...

Ученье преподобный старец
поведал – приняла Христа.
Но вождь земель и тьмы посланец
наведал дивные места.

Александрия, чудный город
истпил дремучесть злых богов –
для Максими́на жертвы полон...
Заклали множество голов!

Уязвлена, печальна дева;
Екатерины взор горит!
Во храме руки, глас воздела:
«О царь! Соблазн твой бес творит!»

И укорила мудрость речи –
царь гневом, злом воспламенён!
Тлен ветхий мысли, ум калечит.
Правитель словом обличён.

Но, видя красоту и смелость
девицы юной, чистый взгляд,
задумал укротить и верность
купить за отреченья яд.

Сулил богатство, славу, счастье...
Призвал витий и мудрецов –
но в споре громкое участие
разоблачило всех слепцов.

Рука тщеславная безбожна:
царь жёг и главы усекал.
Но деве верной невозможно
предать... Срок краткий истекал.

Екатерины дар предивный
для Неба многих окрестил.
Порфирий, воины вместили
мир Божий... Ангел освятил.

Пришло невесте чистой время
с молитвой взять тот славный крест!
Исполнилось... Земное бремя
ушло. И Неба свод отверст!

А мощи ангелы подняли
во славу вечную Христа.
Горы Синайской кущи стали
ей домом – деве ввек блистать!..

3. СТОЛИЦА УРАЛА – ВОТ ВЕРА И ДОМ

Столица Урала – вот вера и дом!
Для девы премудрой, для Екатерины,
построим стихами, терпением, трудом
словесный наш храм! Мы с любовью едины.
Россия под Богом – стоим мы на том.
И верны Христу! И святыми хранимы.

4. СОБОР ЕКАТЕРИНЫ ЖИВ!

Бог поругаем не бывает.
Навечно ангел храму дан –
над площадью зовёт, витает...
И крыльям Божьим не устать.

Не тают вера, дух России –
собор Екатерины жив!
Молитвы сердцем возносили
святые... Род людской грешит.

Разорваны заветов скрепы?
Кто знал, что женскою рукой
собор разбить... Приказ нелепый.
Хотели мир иметь другой?..

Декабрь. Седьмое. Двадцать первый
век войн, излома и надежд.
Отчизны твёрдый шаг примерный
изгонит глупости невежд?

Ход многолюдный, добрый, крестный.
Часовня выросла в алтарь!
Лелеет солнце день чудесный.
Воззри на верных, Славы Царь!

Всё видит ангел: город, души,
молебен, литургию, храм...
И горечь слёз уже не душит –
народ припал к Святым Дарам!

Собор крестами встанет – знаю! –
воскреснет город мой родной.
Ведь люди в тьме не исчезают –
мир светлый дарит им покой.

Собор наш горний будет жив!
Взрастают вера, дух России!
В сакральность крестный ход спешит,
чтоб небеса всех нас простили...

5. ДВЕ СУДЬБЫ. ДАР СВОБОДЫ

Это сладкое слово «свобода»?
Результат первым видел Адам.
Дар Всевышнего, Вечного, Бога.
Неизбежность суда: «...Аз воздам!»
Всем от детства, от жизни порога
путь по терниям, углям, гвоздям...

Это горькое слово «свобода»?
Иисуса вновь просят: «Ответь,
мой Учитель, петляет дорога,
как жизнь вечную, Боже, иметь?»
Славный юноша доброго рода
хочет Слово услышать успеть.

Совершенный отдать без остатка
должен нищим имение, дом,
ко спасенью идти без оглядки
сквозь потери, невзгоды и гром.
Со свободой играющий в прятки
должен помнить речение то.

Это страшное слово «свобода»
Максимин резал силой колёс!
но для Екатерины у входа
в небеса нет мучений и слёз.
Ангел душу – святая угодна –
в вечность кущи на крыльях принёс.

Две судьбы: отошедший от Света,
подвиг Екатерины святой...
Мы с тобой получаем советом –
в житиях путь на небо прямой.
ДАР СВОБОДЫ – ОТ БОГА ЗАВЕТНЫЙ!
Вместе с Ним! Нет дороги иной.

6. СОБОР ЕКАТЕРИНЫ ВСТАНЕТ

Стихотворений храм достойный
Екатерине возведём.
В тебя, мой город, я влюблённый.
С тобою об руку идём.

Ты помнишь царский свет и счастье,
столицею Урала стал.
Сквозь радость жизни и ненастья
в век двадцать первый воссиял.

Столица духа всей России,
свет православия страны.
Святых молитвы оросили.
Заветы бережно хранишь.

Живи и процветай, мой город!
Любимый и уютный дом.
Душой красив и вечно молод,
любовью крепок и трудом.

Собор Екатерины встанет,
взлетят кресты и купола.
Стозвон Руси во славу грянет!
На Бога будем уповать.

Собор прекрасный, золочёный
Екатерине возведём.
С тобою, верный и достойный
наш город, в новый век идём...

РЫБИНСК

Андрей ОБЪЕДКОВ

5 июня 2025 года второй по величине город Ярославской области Рыбинск вошёл в национальный туристический проект «Золотое кольцо России». Я специально отправился туда, чтобы самому осмотреть достопримечательности и узнать, за что город удостоился такого признания.

Если честно, то я давно слышал об этом городе от своего друга – известного писателя-детективщика Алексея Биргера, который имел там дачу. Он регулярно на лето уезжал в Рыбинск, чтобы заниматься рыбалкой на Волге, а по возвращении отдавал в издательство по одной-две рукописи. Всё приглашал в гости, но из-за службы в органах внутренних дел я не мог вырваться. И вот, когда поступило приглашение от директора Рыбинского драматического театра Сергея Дурова – представителя известной фамилии дрессировщиков, – я не раздумывая согласился.

СПРАВКА

Город Рыбинск – второй по величине город в Ярославской области. В нём проживает примерно 180 тысяч человек. Считается преемником поселения Усть-Шексна, которое было расположено на другом берегу Волги, недалеко от исторического Рыбинска. Первое летописное упоминание об Усть-Шексне относится к 1071 году. Получается, что ему уже более 950 лет. Статус города Рыбинск получил в 1777 году по указу Екатерины II «О преобразовании Рыбной слободы в город Рыбной».

О РЫБИНСКОМ ТЕАТРЕ

Когда Сергей Дуров вёз меня на машине, просил обратить внимание на городские вывески: даже названия сетевых магазинов здесь переделаны на старинный лад, написаны с «ерами» и «ятями» (буквы старого алфавита). Это, конечно же, бросается в глаза и удивляет. Сразу в центральной части города обращаю внимание, что нет проводов и привычных столбов, которые можно найти в любом большом городе. Мы подъезжаем как раз к городскому театру, где идёт ремонт.

– Ремонт подходит к концу, и надеемся, что совсем скоро будем выступать на родной сцене. Вся труппа ждёт этого, – улыбается Сергей. – Но спектакли по выходным идут в Доме культуры «Авиатор».

А театр, кстати, один из старейших в стране, в 2025 году ему исполнилось 200 лет.

– Театры старше нас можно пересчитать по пальцам, на память сразу приходят только три: Ярославский имени Волкова, Большой и Малый театры. Кстати, в советские времена наш театр очень котирировался в Советском Союзе, и первая пьеса великого драматурга Алексея Арбузова «Класс» была поставлена именно в Рыбинске. А советский актёр, режиссёр и педагог Михаил Тарханов начинал свой творческий путь в Рыбинском театре. Тогда выпускникам театральных училищ нужно было ещё постараться, чтобы получить распределение в наш театр, – рассказывает Сергей Дуров.

А мне посчастливилось видеть одну из постановок Рыбинского театра, «Смех Лангусты» (#сарабернар), в Центральном доме актёров. Ру-

ководитель проекта «Театральная провинция» ЦДА Ирина Москаленко рассказывает, что этот спектакль побеждал на двух театральных фестивалях, в жюри которых она была, поэтому пригласила коллектив Рыбинского театра в Москву.

Перед зрителями предстают последние дни великой французской актрисы Сары Бернар, которую называли «самой знаменитой за всю историю» и всерьёз считали... колдуньей.

Кстати, Светлана Колотилова в трудные 1990-е годы, когда были задержки с зарплатой, не бросила театр, а проявляла энтузиазм и пропагандировала искусство. Она вела курс в Ярославском театральном училище, чтобы выпускники могли поехать по распределению именно в Рыбинск. И Сергей Молодцов, с которым она играла в паре, – её ученик.

Режиссёр спектакля Наталья Людскова отметила, что пьесу переводили на 15 языков, спектакль поставлен в 20 странах мира. Но именно эту пьесу выбрала исполнительница главной роли Светлана Колотилова и захотела, чтоб её поставили в Рыбинске.

ДОМ КУЛЬТУРЫ «АВИАТОР»

Дом культуры «Авиатор» в день моего приезда отмечал 88-летие, и на концерте местных коллективов был аншлаг. Причём местные жители покупали билеты заранее. Такое я видел впервые – обычно в провинциальных городах местные коллективы не отличаются мастерством и выступают перед зрителями бесплатно. А в Рыбинске ДК – одна из достопримечательностей города. Он является копией столичного ДК им. Горбунова – той самой «Горбушки», превратившейся в рынок. В Рыбинске Дом культуры после развала Советского Союза тоже был в частной собственности, но по настоянию мэра Дмитрия Рудакова здание было выкуплено у предпринимателя и вновь стало городской собственностью.

– Здесь находится зал на 1200 мест, где можно принимать звёзд первой величины (ведь они требуют для выступления залы от тысячи мест). Также сцена имеет оркестровую яму, – сообщил мэр, выступая на торжественном мероприятии.

Одной из фишек ДК является то, что в фойе поставили советский самолёт, который был сбит во время Великой Отечественной войны.

– Его подняли поисковики во время раскопок, самолёт отреставрировали, и теперь он находится в ДК «Авиатор» как экспонат, – рассказывает Сергей Дуров.

Так что столичным туристам стоит побывать и в ДК «Авиатор».

МНЕНИЕ МЭРА ДМИТРИЯ РУДАКОВА

После торжественного вечера удалось пообщаться с мэром города и узнать о достопримечательностях города.

– Я рекомендую туристам приехать в Рыбинск потому, что здесь особая атмосфера, которую больше не почувствовать нигде: в Рыбинске видишь целую среду, а именно около 500 аутентичных вывесок разных магазинов и предприятий, находящихся в центре, сделанных в одном стиле, – рассказывает Рудаков.

Он отмечает, что эти вывески сделаны не просто на зданиях, а в специфической старинной среде.

– А среда – это ещё и фасады, и чистое небо, и отсутствие проводов в центре города – их мы убираем под землю. У нас реально существует несколько кварталов без вкраплений

проводов. Такого больше нет ни в одном городе. Поэтому здесь, в Рыбинске, любят снимать фильмы. Рыбинск – это поэма о XIX веке, ведь в XIX веке Россия заявила о себе в Европе русской живописью, великой русской литературой, великим русским балетом. И эта эпоха отражена в Рыбинске, – продолжает Рудаков.

Мэр отметил, что если вы соскучились по атмосферному туризму, то вам точно надо в Рыбинск.

– У нас находится макет затопленного города Мологи, музей Ушакова, который родился в Рыбинском районе и провёл здесь детские годы. Но главное – музей русской старины, который находится на улице. И качество общественного питания очень удивит, – продолжает Дмитрий Рудаков.

СВОЯ «МОЛОДЁЖКА»

Остановился я в гостинице около Ледового дворца «Полёт» и увидел, что туда шагает много народа. Удивился и решил узнать зачем. Оказалось, что Ледовый дворец «Полёт» является домашней ареной для одноимённой хоккейной команды, которая выступает на первенстве национальной молодёжной лиги и в выходные играла с командой «Ленинград» из Выборга. Сразу вспомнил популярный сериал «Молодёжка» и не смог не сходить на матч. Поразило, что трибуны были забиты под завязку. Сижу практически перед полем, на льду с бешеной скоростью то в одну сторону, то в другую проскакивают хоккеисты. У одного из них выбивают клюшку, она остаётся лежать на льду. Непроизвольно произношу: «Почему?» Президент клуба Юрий Герасимов, с которым познакомился здесь же, улыбается:

– Наверное, в первый раз на матче?

Признаюсь, что да, до этого только смотрел фильм. Руководитель клуба отмечает, что по правилам игрок не может поднять клюшку – это прерогатива тренера. Раньше мне казалось, что невозможно разглядеть шайбу на поле. Оказалось, что наблюдать хоккей вживую очень интересно и азартно. И пошёл на матч и на следующий день. Кстати, хозяева победили со счётом 6:2.

Президент клуба Юрий Герасимов отметил, что местная «молодёжка» была организована четыре года назад, выиграла Кубок регионов и завоевала популярность у местных жителей. К сожалению, тренера тогда пригласили работать в другой клуб, местная команда начала занимать более низкие места, и её покинул следующий тренер.

– Новую команду создавали в этом году заново, чтобы в Рыбинске остался хоккей. Меня в мэрии попросили подыскать тренерский состав, и теперь мы вновь выступаем на первенстве национальной молодёжной лиги и показываем хорошие результаты. Так что любителей хоккея приглашаем на наши матчи, – рассказывает Герасимов.

Тренировки проводятся в Ледовом дворце «Полёт», который в 1974 году построил сам Герасимов, был первым директором и сам когда-то тренировал хоккейную команду. Теперь клуб принадлежит детской спортивной школе и является местной достопримечательностью. В этом убедился сам!

ЗИМНИЕ ИСТОРИИ

Выхожу погулять в центр города. Местная достопримечательность здесь – Красная площадь. Она не такая масштабная, как в Москве, но уютная и красивая. В центре стоит памятник вождю мирового пролетариата Владимиру Ленину. Кстати, очень оригинальный: Владимир Ильич одет в пальто и зимнюю шапку.

– Чтобы не замёрз! – шутят продавцы сувенирной продукции, стоящие неподалёку.

Они и рассказывают историю, что Ульянов-Ленин занял чужой постамент: раньше здесь стоял Александр II. Ему на памятник

скидывались местные жители как императору, подписавшему Манифест об отмене крепостного права. Его снесли после Великой Октябрьской социалистической революции. Директор театра Сергей Дуров, который сопровождает меня, рассказывает, что есть легенда, что бронзового Александра II утопили в реке.

– Но навряд ли: большевики были не дураки, и скорее всего его переплавили. Кстати, на этом постаменте была выбита фраза из Манифеста, но её зацарапали, – произносит Сергей.

В одном из зданий вижу арку, в которой развешаны светящиеся гирлянды, это меня заинтересовало. Подхожу ближе и вижу вывеску: «Музей “Новогодние истории”». Заинтересовало ещё больше, прохожу внутрь и в помещении вижу экспозиции со множеством лыж, старых новогодних открыток, ёлочных игрушек. Одна из женщин проводит мастер-класс по разрисовке ёлочных игрушек. Оказалось, что это основательница музея Юлия Павлова. Она рассказывает, как у неё возникла идея создать оригинальный музей.

– В Рыбинске уже 16 лет существует прекрасная традиция: шествие Дедов Морозов. И вот к первому её юбилею, к 10-летию, то есть шесть лет назад, в администрации города меня попросили сделать новогоднюю выставку. А я на тот момент занималась реставрацией одежды, у меня была своя мастерская, но я никогда не занималась новогодними историями. Но стало интересно, и за два месяца до мероприятия собрала новогоднюю коллекцию. Выставили для горожан, и она стала пользоваться попу-

лярностью. А дальше поняла, что эта история интересная. Коллекция стала пополняться и теперь насчитывает 15 тысяч экземпляров, – рассказывает Павлова.

С её слов, свободно в музей можно прийти только летом, а вот зимой – аншлаг: к ним попасть можно только по предварительной записи.

А вот заместитель главы администрации города Рыбинска по социальным вопросам Наталья Жигачева отметила, что у них в городе действительно большой популярностью пользуется предновогоднее мероприятие, шествие Дедов Морозов является одним из массовых в городе.

– В этом году оно будет проводиться в предпоследнюю субботу декабря, причём каждый год у нас есть новая фишка. В этом году город Рыбинск вступил в «Золотое кольцо», и на шествии поэтому будут Деда Морозы – представители всех городов «Золотого кольца»: Костромы, Иваново и всех остальных. И мы сошьём тематические костюмы Дедов Морозов, в которых отражены символы того города, из которого они приедут. Если новогодний персонаж будет из Ярославля, то на костюме будет изображён медведь, если из Рыбинска – стерлядь, у представителя Иваново будет своя символика, – рассказывает Жигачева.

С её слов, это одно из любимых мероприятий горожан. Оно всегда проходит на Красной площади, формируются тематические колонны, и Деда Морозы несут коробки.

– Самым первым поедет Дед Мороз из Великого Устюга на квадроцикле, изготовленном у нас, в Рыбинске, – отмечает Наталья.

Далее Деда Морозы идут по центральным улицам города, а завершится шествие на площади Дерунова, где по традиции состоится открытие катка.

– Ежегодно в шествии участвуют около двух тысяч Дедов Морозов. Такое мероприятие объединяет людей. Многие Деда Морозы за свои деньги покупают карамельки и раздают детям, – улыбается Жигачева. – А ещё у нас прекрасно отмечается Рождество, в прошлом году собралось около семи тысяч человек. Разыгрываются рождественские сцены.

Заместитель мэра отмечает, что одно из популярных мероприятий – День города, который отмечается в первую субботу августа. В этот день в Рыбинске проводится фестиваль «Джаз на родном языке», на который собираются ведущие джазовые коллективы страны. Популярным стал также марафон «Великий хлебный путь», на который съезжаются свыше пяти тысяч человек.

МУЗЕИ

Здесь же, на Красной площади, находится Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей, который грех не посетить. Само здание – загляденье. Вернее, музей располагается в двух зданиях, одно из которых – Хлебная биржа. В музее много разделов: о природе, об истории Рыбинска и района. Но меня заинтересовал раздел, посвящённый затопленной Мологе. Это город, который располагался недалеко от Рыбинска, при впадении реки Мологи в Волгу. Он был затоплен в 1940-х годах при строительстве Рыбинского водохранилища. В музее специально воссоздали макет города, с улицами, с домами и церквями. Стоял и любовался на город, которого нет...

А вот в здании ДОСААФ располагается музей имени Фёдора Ушакова, родившегося неподалёку от Рыбинска, в деревне Бурнаково. Основатель музея Андрей Родин рассказывает, что, узнав поподробнее о личности адмирала Ушакова, загорелся и решил создать музей.

– Удалось собрать многие уникальные экспонаты: пуговицу от мундира Ушакова, коллекцию оружия XVIII века, материалы о местных адмиралах. А их немало, например Лев Мятин, Геннадий Хватов, Владилен Некрасов и многие другие, – рассказывает Родин.

При этом музей реализует проект «Военно-исторический фестиваль "Врагов не считают – их бьют. Фёдор Ушаков"», в ходе которого реализуется реконструкция морского сражения русского и турецкого флотов у острова Фидониси 3 (14) июля 1788 года.

Юрий ИВАЩЕНКО

Юрий Викторович Иващенко родился 2 ноября 1967 года в городе Уварово Тамбовской области. В 1985 году окончил среднюю школу № 8 г. Уварово.

Стихи печатались в районных и областных газетах Тамбовщины, их публиковали воронежские газеты «Коммуна», «Вперёд», «Труд-Черноземье». Подборки стихотворений выходили в журналах «Подъём» и «Наша молодёжь».

Автор поэтических книг «Где дом твой, душа?..» и «Простая радость», изданных в Тамбове в «Книжной лавке писателя» А. М. Акулинина. Участник поэтических сборников о городе Уварово. Участник коллективного сборника стихотворений о Воронеже «Есть город в России...».

НАЧАЛО

Год начинался слякотно-дождливо.
И целых две недели в январе
Бесснежные прошли, и нам на диво
Трава зазеленела во дворе.

И видел я в ближайших перелесках,
Как распушила ветки верб теплынь
И как на косогорах вдруг воскресла
Подснежников безвременная синь.

Лишь ёлок разноцветное свеченье
По мокрым площадям и этажам
Насупленных домов порой вечерней
Приметою зимы являлось нам.

ОКРАИНА. ФЕВРАЛЬ

Ветер снегом сильней
Бьёт и бьёт по щеке.
Шум машин, вязь огней –
За спиной, вдалеке.

Лишь окрайных домов
Низкий свет в два ряда.
Только из-за холмов
Эхо шлют поезда.

И идёшь, нелюдим,
Ты по чьим-то следам.
А из труб вьётся дым
Здесь и там, здесь и там.

И полей скрыта даль
В снежно-кружащей тьме.
Расстарался февраль
В услуженье зиме.

И всё ближе твой дом.
И его окон взгляд,
Полустянутый льдом,
Ждёт тебя в снегопад.

ПАСХА

В тени деревьев у оград
Христорождественского храма
Ещё белеет невпопад
Клочками снег, но так упрямо
Сквозь влажно-серый пласт листвы
Встаёт где часто, где пореже
Зелёный яркий строй травы,
В себе уверенной и свежей.

С поклоном крестится народ,
В свет храма радостно вступая.
А у распахнутых ворот
Зазывно не переставая
Вовсю звенят колокола.
Душа полна небесной сини.
И распростёрлись два крыла
Христовой Пасхи над Россией.

НА РЫБАЛКЕ

Положу удилице в осоку.
Взгляд остановлю на поплавке.
Самолёта гул застыл высоко.
Поезда шум тает вдалеке.

Ивы над водой стоят с поклоном,
Охраняя озера покой.
И, прошитый комариным звоном,
Тело облепил вечерний зной.

И сверчок трещит не устывая
В зарослях прибрежных камыша.
Из травы озёрной уток стая
Выплывает тихо, не спеша.

Хор лягушек громко и нестройно
Плотным эхом над водой завис,
Заглушить стараясь недостойно
Соловья художественный свист.

Поплавок запрыгал вдруг и скрылся.
Дёргаю удилице скорей.
И карась серебряный забился
Рыбьим трепетом в руке моей.

И СТРУИТСЯ В ЛЕТУ

Вот и полдень. Снова город мой
До краёв наполнил летний зной.
Очертанья зданий и домов
Чуть дрожат сквозь марева покров.

Только ступишь в тихий двор, и вот
До колен кипит пуховорот.
А в проёмах листьев тополей
Небо будто ближе и синей.

Озарённо-трепетной душой
Выпью я до дна весь день большой.
Жар. Провинциальный городок.
И струится в Лету лета срок.

* * *

И скомкан свет небес. И дальний гром
Так гулко бьётся в облачных затонах.
Лучом последним солнце, как багром,
Вцепилось в бок овражистого склона.

Под этим вызреваньем грозовым
Спешу с реки дорогой луговой.
Над скошенной и сохнущей травой
Разорван зной порывом ветровым.

И всё сильнее шелест листвяной.
Родная даль в грозу плывёт с отвагой.
И резче пахнет влагою речной,
Чуть смешанной с небесной первой влагой.

ПЕСЧАНЫЙ КАРЬЕР У ПОСЁЛКА ПОКРОВКА-КАЗИНКА

Экскаватор повернулся и закинул
В самосвал десятки центнеров песка.
Над карьером поднимаются и стынут
Отработанной солярки облака.

От нашествия напористых моторов
Боязливо скрылись птицы дальше в лес.
Солнце, дрожью перекошенное, скоро
Спрячут тучи рассердившихся небес.

Только злее растревоженной природы
Злость рабочая, и этот потный труд
Оставляет в сосняке провал огромный.
Но зато – смотри! – вдали дома растут.

Ну а вечером карьер затихнет. Будет
Желтизны сыпучей взятка велика.
И КамАЗ последний выхлопами сдует
У ромашки два последних лепестка.

И не видно никому, как с края кручи
Обнажённые, изрезаны ковшом,
Корни твердь не същут в ужасе ползучем –
И летит сосна столетняя на дно.

ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

Солнце плавно опустилось в глубь лесов.
И от озера-моченеца к прогону
По копытным чёрным вмятинам коров,
По траве густой ползёт туман слоёный.

Каждый дом по крышу крыт тугой волной:
Остро-свежий запах сырости вечерней
Смешан с запахами мяты луговой
И садовой маттиолы. Над деревней

Появилась одинокая звезда.
И мигает, просит, чтоб помог ей кто-то,
Закольцованной как будто навсегда
Шлейфом реактивным самолёта.

ДЕД ПОСЛЕДНИЙ

Набрать пытался в горсть росы, да где там:
По выщербленным линиям судьбы
Она назад в траву стекала, ветром
Клонимую и ждущую косьбы.

И видели лишь лики предков древних,
Жующая корова и петух,
Как дед последний брошенной деревни
Косой звенящей взялся мерить луг.

А солнце синь высокую коробит,
В рассветных волнах воздуха дрожа.
И долго среди трав упругих ходит
В родные дали вросшая душа.

ДЕТСКОЕ

По лугу, дальше сквозь кварталы леса
Под пересверк крутящихся колёс
Велосипеды гнали мы, повесы,
К деревне под названьем Перевоз.

И на реке-любимице Вороне
Встречал нас летний мир нескучный наш:
С травой мягкой островки, затоны
И в окруженье ив горячий пляж.

Мы, накупавшись, палками гоняли
Вдоль берега лягушек и ужей.
На отмелях у островков хватали
Руками без усилья пескарей.

А берег, что напротив, был высокий,
Весь в тёмных дырках ласточкиных гнёзд.
В простор степной, безлюдный и широкий,
Он продолжался на десяток вёрст.

Разбег. Прыжок «солдатиком». И счастье
Полёта вместе с ласточками вниз.
И солнца отражение на части
Мы разбивали, на фонтаны брызг.

А вечером склонённому светилу
С пригорка, где подворье лесника,
Руками мы махали во всю силу.
И пересверком наполнилась река.

В ДОРОГЕ

Всю ночь сидеть в качании парящем,
Смотреть сквозь пыль вагонного стекла
На свет фонарный, яркий и скользящий,
На лес на фоне звёздного котла.

И слушать, как колёсное стучанье
Вплетается в притихшие места,
Как бьётся вдруг состава громыханье
В конструкциях железного моста.

Раздолье дум, дорожная истома
И блеск отлакированных путей –
Всё это так привычно и знакомо
В уютной беспределности своей.

Какие сны в дорогу дарит спящим
Густой покой плацкартного тепла?
Всю ночь сижу в качании парящем
Под тихим светом звёздного котла.

БЕССОННИЦА

Темно. Дождевая звонница
И ветреный плеск листвы.
Безделье души – бессонница –
Со мной в эту ночь, увы.

Твердят, во Вселенной строится
По струнке парад планет...
Бессонница, эх, бессонница,
Фонарный размазан свет.

Застыло время, как водится,
А мысли пошли вразброс.
Толкаются, хороводятся,
Сжимают душу до слёз.

Лежу с глазами открытыми.
Пятнами отсвет в углу.
Капли полосками сбитыми
Тихо скользят по стеклу.

НОЧНАЯ ГРОЗА

А погода – ни к чёрту. Всю долгую ночь
Бились в окна мои чередой неизменной,
Будто с просьбой кому-то и в чём-то помочь,
То ли капли дождя, то ли слёзы Вселенной.

И стонали, от ветра клонясь, тополя.
Гром трескучий метался и воздух рвал
в клочья.

И десятки электроуколов земля
Претерпела от молний, дрожа этой ночью.

Только с серым рассветом весь шум грозовой,
Опаливший мне душу неясной тревогой,
Поутих и уплыл. Пахнет мокрой листвой.
Через тучи сквозит синева понемногу.

ОДИНОЧЕСТВА

Ночи крепкие тиски.
Царство злое неуюта.
И столетием тоски
Длится каждая минута.

Этот город – только враг
Для их душ, для их высочеств.
Для неспящих в этажах
И курящих одиночеств.

Разный пол и возраст, но
Общее познание боли.
Несчастливое кино,
Где они вдруг в главной роли.

Запоздалым забытьём
Утро летнее остудит
Их сознание, а потом
Снова будет то, что будет.

Так, обычность, пустячки:
День, работа, вечер дома.
И ночные маячки
Сигарет на их балконах.

* * *

Целый день – дождь и ветер, а к ночи – мороз.
Неуютно, тоскливо, темно, одиноко...
Это осень, и это, пожалуй, всерьёз.
Только свет, жгучий свет из чужих жёлтых окон.

Мне теперь предстоит от предзимья испить
Стылость чёрных полей и сквозящего леса.
Научиться бы душу живую хранить,
Когда вниз упадёт снеговая завеса.

А затем будет хрусткий декабрь, ледостав.
Будут долго кружиться метельные своры...
И не верится даже, что зимний устав
Всё ж отменит весна и заполнит просторы.

Ночь. И Время на каждый мой новый вопрос
Шепчет мне: «Погоди, не грусти раньше срока.
Ведь сейчас только осень...» Но это всерьёз.
И всерьёз жгучий свет из чужих жёлтых окон.

Валерий ЧИКЛИНЕНКОВ,
г. Калининград,
капитан дальнего плавания

МЕЧТАТЕЛИ

Бескрылых душ
нелепые порханья.
У настоящих душ
полёт иной:
высокий, честный и прямой –
в громады солнечных сияний.

У тех, других,
у ищущих покой,
не будет взлётов
и падений.

Унылой жизни
серый строй.
Тоска в душе
без Синей птицы под луной.

Какой покой в кипенье смыслов?
В исканье смыслов
всей душой?
Где в приключенья, словно в омут,
кидает время с головой.
И где закрытых горизонтов тени
встают причудливой стеной
и незастроенные дали
сияют сказкой золотой.

ПОЛЁТ МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ

Скорей прощаться!
Гром гремит,
и вниз летит Земля.
И молний бег неудержим,
а кони с ржанием лихим
порвали удила.

Скорей, скорей!
Уже летим,
ворвались в облака.
И дождь, и ветер,
словно дым,
упали в города.

Земля, как пуля из ружья,
от нас летит во тьму.
Сверкает мёртвая Луна,
и в чёрном зареве блестит
застывшая река.

А мы летим, как лунный свет.
Сомненья прочь.
Страданий нет.

Прощай, несчастная Земля!
Блестает яростно наш путь.
Нас ждёт покой и тишина.

Пыль звёзд искрит из-под копыт,
и Млечный Путь в дорогу свит.
Кометы в гриве у коня.
Летим лучом сквозь Дом Огня.

Здесь, далеко от самых дальних звёзд,
блуждает одинокая скала.
На ней ручей, и в нём блестит
прозрачная вода.

И мы с тобой всегда вдвоём.
И здесь наш вечный дом
и вечная Весна.
Здесь от огня Любви согрется душа.

Сияет лунная дорога,
где тени трёх фигур растаяли вдали.
А Вечности следы,
что в душах пролегли,
тропой искрятся в золотой пыли.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Выход в свет новой книги всегда праздник, но далеко не каждому изданию удаётся быть востребованным настолько, что потребуется продолжение. «Форосская тетрадь» является редким исключением стать не только объединяющим началом для творческих людей Крыма и Севастополя, но и выдержать не одно переиздание, получив творческое продолжение «Форосскую тетрадь 3».

Приятно, что расширяется круг авторов, появляются новые идеи, которые ещё предстоит воплотить в жизнь. Убеждён, что Вы дорогие читатели, ознакомитесь ещё со многими изданиями «Форосской тетради» и под впечатлением от их прочтения будете мечтать вновь и вновь посещать этот райский уголок нашей чудесной земли.

Редактором издания является Анатолий Труба.

30 мая в санатории «Форос» состоится презентация книги.

Уважаемые друзья!

Приглашаем вас принять участие в презентации сборника произведений «Форосская тетрадь 3. Неслучайные истории».

 30 мая 2026 года

 11:00

 Зал кинотеатра санатория «Форос»

Мы искренне рады возможности вновь встретиться с вами и выразить благодарность за участие в проекте-создании нового сборника произведений.

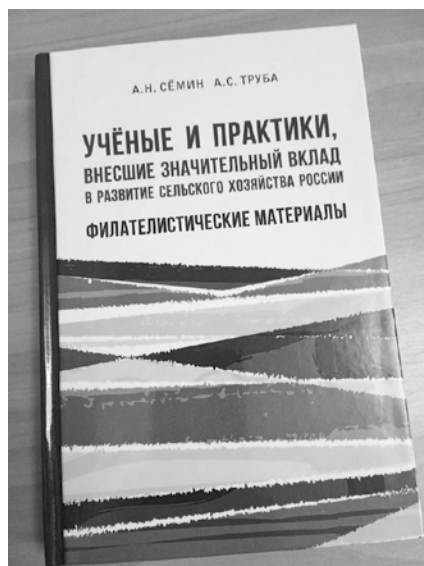
В программе мероприятия:

- интересные выступления и встреча с героями театрализованной экскурсии «В гостях у Кузнецова»;
- выставка творческих работ;
- знакомство с санаторием;
- торжественное награждение участников;
- прогулка по Форосскому парку и церемония высадки памятного дерева в честь выхода нового сборника произведений;
- живое звучание инструментов;
- дегустация фирменного чая «По-форосски».

Ваше присутствие придаст особое значение этому событию и поможет нам вместе разделить радость важного для санатория дня.

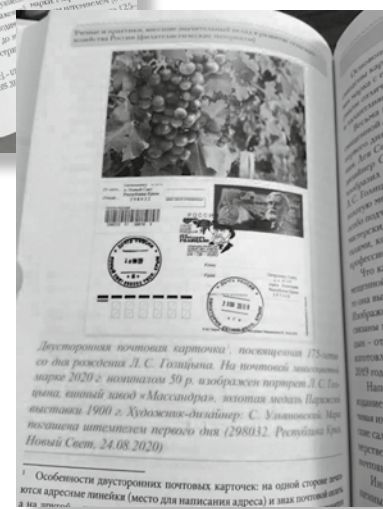
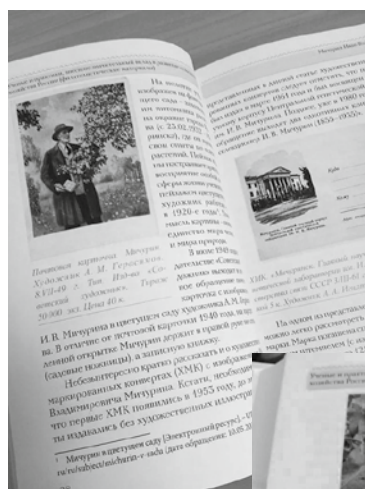
Просим подтвердить участие, ответив на это письмо или связавшись с нашей консьерж-службой по телефону: +7 (918) 907-00-25. Будем признательны, если вы сделаете это до 17 апреля 2026 года.

С искренним уважением и теплом, команда санатория «Форос»

В апреле выпущено уникальное филателистическое издание «Ученые и практики, внесшие значительный вклад в развитие сельского хозяйства России (филателистические материалы)» авторы Александр Семин и Анатолий Труба.

Книга содержит сведения об известных ученых и практиках, внесших значительный вклад в развитие сельского хозяйства России, чьи портреты вместе с краткой информацией размещены на почтовых материалах. Она знакомит читателя с краткими биографическими данными, наиболее важными вехами из их творческой жизни. Особенностью данного издания является то, что портреты ученых и практиков агропроизводства, представленные в книге, изображены на почтовых марках, художественных маркированных конвертах, конвертах первого дня, почтовых карточках и картмаксимуммах. А, как известно, такого рода почтовые отправления можно считать своеобразными презентационными, визитными, рекламными и художественно оформленными карточками государства, способом фиксации важнейших событий. На почтовых миниатюрах, изданных в разные периоды развития науки и сельскохозяйственной практики нашего государства, предстают перед читателями эти великие люди, обогатившие мир новыми знаниями и открытиями в области сельского хозяйства и формирования системы продовольственной безопасности.

В приложении приводится краткая информация о филателии в вопросах и ответах, а также краткий словарь филателистических терминов.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся наукой, историей и филателией.

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

С 4 по 8 февраля в зале Шейха Мактума во Всемирном торговом центре прошла первая филателистическая выставка в истории ОАЭ. «Специализированная всемирная филателистическая выставка» DUBAI 2026 под патронажем Международной федерации филателии (ФИП), предварительно одобренная Правлением ФИП 5 ноября 2024 года на 177-м заседании Правления ФИП и утверждённая 77-м Конгрессом ФИП в Шанхае 3 декабря.

Мероприятие было посвящено 30-летию Филателистической ассоциации Эмиратов и 100-летию Международной федерации филателии (ФИП).

Золотыми медалями за филателистическую литературу были награждены Анатолий Труба и Александр Семин.

Где поднят русский флаг, там он уже спускаться не должен
Рисунок #Я вижу [📌 mudrawingdiary](#)

«АЛЕКСАНДРЪ»
[🏠 alexlib.ru](#)